

*Немногие книги относятся
к категории событий,
эта книга — настоящее событие.
Она, без сомнения, одна из лучших
исторических книг столетия.
The New York Times*

**УИНСТОН
ЧЕРЧИЛЬ**

Вторая мировая война

Уинстон Черчилль
Вторая мировая война

«Альпина Диджитал»

1948-53

Черчилль У. С.

Вторая мировая война / У. С. Черчилль — «Альпина Диджитал»,
1948-53

ISBN 978-5-9614-3115-5

Шеститомный труд У. Черчилля – героическая эпопея народов, выступивших против планетарной опасности, написанная выдающимся политиком, скрупулезным историком и талантливым литератором. Это летопись повседневного руководства страной государственного деятеля, чей вклад в общее дело победы антигитлеровской коалиции ни у кого не вызывает сомнений. Это размышления над прошлым, призванные послужить назиданием потомкам. В первой книге публикуются в сокращенном переводе с английского I и II тома мемуаров и описаны события с 1919 года по декабрь 1940 года, которые привели к ненужной, по словам автора, войне, которой можно было избежать. Во второй книге публикуются третий и четвертый тома мемуаров и описаны события в период с января 1941 по июнь 1943 г.: вторжение фашистской Германии в Советский Союз, нападение милитаристской Японии на США, создание антигитлеровской коалиции, переход союзников от обороны к наступлению. В третьей книге публикуются пятый и шестой тома мемуаров и описаны события в период с июня 1943 г. по июль 1945 г. – капитуляция союзников Германии, Тегеранская, Ялтинская и Потсдамская конференции, высадка американских, английских и канадских войск в Нормандии, разгром гитлеровских войск в результате исторических побед Советской армии и союзников, капитуляция Германии. 4-е издание.

ISBN 978-5-9614-3115-5

© Черчилль У. С., 1948-53

© Альпина Диджитал, 1948-53

Содержание

Том 1	7
Предисловие	8
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	46
Глава 9	53
Глава 10	56
Глава 11	63
Глава 12	69
Глава 13	73
Памятная записка	76
Глава 14	78
Глава 15	85
Глава 16	93
Глава 17	99
Глава 18	107
Глава 19	112
Глава 20	118
Глава 21	127
Часть II	136
Глава 1	136
Глава 2	141
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Уинстон Черчилль

Вторая мировая война

Руководитель проекта *А. Шувалова*

Технический редактор *Н. Лисицына*

Корректор *Е. Аксёнова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин, А. Фоминов*

Художник обложки *Ю. Буга*

I: The Gathering Storm © The Estate of Sir Winston S Churchill

First published by Casell 1948

II: Their Finest Hour © The Estate of Sir Winston S Churchill

First published by Casell 1949

III: The Grand Alliance © The Estate of Sir Winston S Churchill

First published by Casell 1950

IV: The Hinge of Fate © The Estate of Sir Winston S Churchill

First published by Casell 1950

V: Triumph and Tragedy © The Estate of Sir Winston S Churchill

First published by Casell 1951

VI: Closing the Ring © The Estate of Sir Winston S Churchill

First published by Casell 1953

© Издание на русском языке, оформление. «Альпина нон-фикшн», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

МОРАЛЬ ЭТОГО ТРУДА

в войне – решительность;

в поражении – мужество;

в победе – великодушие;

в мире – добрая воля

Том 1

Надвигающаяся буря

Тема тома

как народы, говорящие на английском языке, из – за своего неблагоприятия, легкомыслия и добродушия позволили вновь вооружиться силам зла

Предисловие

Я рассматриваю тома настоящего труда «Вторая мировая война» как продолжение истории Первой мировой войны, изложенной мною в книгах «Мировой кризис», «Восточный фронт» и «Последствия». Если данный труд будет завершен, вместе они составят летопись новой Тридцатилетней войны.

Как и в предыдущих томах, я по возможности придерживался метода Дефо, автора «Записок кавалера», где рассказ о событиях его личной жизни служит той нитью, на которую нанизываются факты истории и рассуждения по поводу важных военных и политических событий. Я являюсь, пожалуй, единственным человеком, который занимал видное место в правительстве во время обоих величайших катаклизмов, известных истории. При этом если во время Первой мировой войны я занимал хотя и ответственные, но все же подчиненные посты, то во время второй битвы с Германией я пять с лишним лет был главой правительства Его Величества. Поэтому в настоящей работе я оцениваю события с иной точки зрения и с большим авторитетом, чем это возможно было в более ранних моих книгах.

Почти всю свою официальную работу я выполнял, диктуя секретарям. Меморандумы, директивы, личные телеграммы, памятные записки, составленные мною за то время, что я был премьер-министром, насчитывают в общей сложности около миллиона слов. Эти документы, составлявшиеся изо дня в день под влиянием событий и на основе сведений, имевшихся лишь в тот момент, несомненно, окажутся во многих отношениях несовершенными. Тем не менее в совокупности они дают представление об этих грандиозных событиях в свете их тогдашней оценки человеком, который нес главную ответственность за ведение войны и за политику Британского Содружества наций и империи. Я сомневаюсь, чтобы где-либо и когда-либо существовала другая подобная летопись повседневного руководства войной и государственными делами. Я не называю ее историей: это задача другого поколения. Но я с уверенностью могу утверждать, что это вклад в историю, который принесет свою пользу в будущем.

Эти тридцать лет практической деятельности и пропаганды моих взглядов составляют дело моей жизни, служат его выражением, и я согласен, чтобы обо мне судили по ним. Я придерживался своего правила – никогда не критиковать задним числом какое бы то ни было военное или политическое мероприятие, если только я ранее не высказывал публично или официально своего мнения о нем либо предостережения. Во многих случаях я даже смягчил резкость споров, имевших место в свое время. Мне не хотелось писать об этих разногласиях со столь многими людьми, которым я симпатизировал или которых уважал, но было бы неправильным лишать будущее уроков прошлого. На этих благородных, преисполненных добрых намерений людей, действия которых запечатлены на страницах данной книги, никто не должен смотреть свысока, не заглянув прежде в свое собственное сердце, не дав себе отчета в выполнении собственного общественного долга и не применив к собственному поведению в будущем уроков прошлого.

Не следует думать, что я ожидаю, что все согласятся с высказываемыми мною взглядами, и тем более, что я пишу в расчете на популярность. Выступая со своим свидетельством, я руководствуюсь теми принципами, которые исповедую. Мною было сделано все возможное для проверки фактов, однако из захваченных документов и других появляющихся материалов постоянно выявляется многое, что может представить в новом свете выводы, к которым я пришел. Вот почему важно опираться на подлинные записи соответствующего периода и на высказывания, которые делались в ту пору, когда все еще было неясным.

Президент Рузвельт сказал мне однажды, что он публично просил вносить предложения относительно названия, которое должно быть присвоено этой войне. Я тотчас же предложил свое: «Ненужная война». Войну, которая совсем недавно разрушила то небольшое, что уцелело

от мира после предыдущей битвы, легче было остановить, чем любую другую. Несмотря на все усилия и жертвы, принесенные сотнями миллионов людей, несмотря на победу правого дела, мы все еще не обрели мира и безопасности и нам грозят опасности большие, чем те, которые мы преодолели. В этом высшая точка трагедии человечества. Я надеюсь, что размышления над прошлым могут послужить руководством для будущего, что они позволят новому поколению исправить некоторые ошибки прошлых лет и тем самым дадут ему возможность управлять надвигающимися величественными событиями будущего в соответствии с нуждами и честью человечества.

*Уинстон Спенсер Черчилль,
Чартуэлл, Уэстерхэм, Кент,
март 1948 года*

Часть I

От войны к войне (1919–1939 гг.)

...Размышления над прошлым могут послужить руководством для будущего...

Глава 1

Безрассудство победителей (1919–1929 гг.)

По окончании мировой войны 1914 года почти все были глубоко убеждены и надеялись, что на всем свете воцарится мир. Это сокровенное чаяние всех народов легко можно было осуществить, твердо отстаивая справедливые убеждения и проявляя необходимый здравый смысл и благоразумие. Фраза «война за прекращение войн» была у всех на устах, и принимались меры к тому, чтобы претворить эту формулу в действительность. Президент Вильсон, олицетворявший, как все полагали, авторитет Соединенных Штатов, добился того, что идея создания Лиги Наций овладела умами. Английская делегация в Версале воплотила его идеи в форму документа, который навсегда останется вехой на трудном пути человечества. Победоносные союзники были в то время всемогущими, поскольку речь шла об их внешних врагах. Им приходилось, правда, сталкиваться с серьезными внутренними трудностями и многочисленными проблемами, на которые у них не было ответа, но на громадном пространстве Центральной Европы тевтонские державы, вызвавшие во всем мире смуту, лежали поверженные перед ними, а Россия, уже измолоченная германским цепом, сотрясалась гражданской войной и все больше подпадала под власть большевистской, или коммунистической, партии.

* * *

Летом 1919 года союзные армии стояли вдоль Рейна, а их плацдармы вдавались далеко в глубь побежденной, разоруженной и голодающей Германии. В Париже руководители держав-победительниц вели споры и дискуссии относительно будущего. Перед ними лежала карта Европы, которую им предстояло перекроить по своему усмотрению. После 52 месяцев отчаянной борьбы, полной опасностей, судьба тевтонской коалиции зависела от милости победителей, и ни один из ее четырех участников не мог оказать ни малейшего сопротивления их воле. Германия, главарь и предводитель преступных сил, которую считали главной виновницей катастрофы, обрушившейся на весь мир, находилась во власти победивших государств, которые и сами едва держались на ногах после пережитых ими мучений. К тому же закончившаяся война была войной народов, а не правительств. Жизненная энергия величайших наций вся без остатка излилась в гнев и кровавой бойне. Военных руководителей, собравшихся в Париже, вынесла туда на своем гребне самая мощная и самая яростная волна, когда-либо вздымавшаяся в истории человечества. Давно миновали времена Утрехтского и Венского договоров, когда аристократические государственные деятели и дипломаты – как победители, так и побежденные – собирались для вежливых и учтивых споров и, не ведая трескотни и разногласия демократии, могли перекраивать политические системы на основе принципов, разделявшихся всеми ими. Ныне десятки миллионов людей, доведенных до иступления страданиями и увлеченных различными доктринами, рассчитанными на массы, требовали, чтобы возмездие было осуществлено в полной мере. И горе руководителям, вознесенным ныне своим триумфом на

головокружительные вершины, если за столом конференции они откажутся от того, что было завоевано солдатами на сотнях кровавых полей сражений!

Франция играла ведущую роль, на что ей давали право как ее усилия, так и понесенные ею потери. Около полутора миллионов французов погибло, защищая землю Франции от вторгнувшегося врага. Колокольни собора Парижской богородицы пять раз на протяжении ста лет – в 1814, 1815, 1870, 1914, 1918 годах – видели пламя, вырывавшееся из жерл прусских пушек, и слышали грохот их канонады. В течение ужасных четырех лет тринадцать провинций Франции находились в жестоких тисках прусского военного управления. Обширные районы систематически опустошались врагом либо покрывались развалинами в результате столкновения армий. От Вердена до Тулона не было такого дома, такой семьи, где бы не оплакивали своих погибших или не имели своих калек. Французам, которые сражались и страдали в 1870 году, – а таких в высших сферах было много, – казалось почти чудом, что Франция вышла победительницей из несравненно более страшной борьбы, которая только что закончилась. Всю свою жизнь они пребывали в страхе перед Германской империей. Они помнили превентивную войну, которую Бисмарк стремился развязать в 1875 году; они помнили грубые угрозы, вынудившие Делькассе уйти со своего поста в 1905 году; в 1906 году их потрясла марокканская угроза, в 1908 году – боснийский конфликт и в 1911 году – агадирский кризис. В Англии и Америке могли смеяться над «бронированным кулаком» кайзера и его речами о «сверкающем оружии», но в сердцах французов они звучали зловещим предвестником ужасных реальных событий. В страхе перед германским оружием они прожили почти пятьдесят лет. И вот ценой своей крови они сбросили с себя давно давившую их тяжесть. Наконец-то обретен мир и безопасность. В едином страстном порыве французский народ воскликнул: «Никогда больше!»

Однако будущее внушало мрачные предчувствия. Население Франции составляло менее двух третей населения Германии. При этом численность французского населения оставалась постоянной, в то время как германское население росло. Через десять лет, а быть может, и раньше, Германия должна была располагать вдвое большим, чем Франция, ежегодным контингентом молодежи призывного возраста. Германия почти в одиночку воевала чуть ли не с целым миром и едва не победила. Люди, осведомленные больше других, отлично знали, что исход великой войны не раз был под вопросом и лишь разного рода случайности перевесили роковую чашу весов. Какие имелись шансы на то, что в будущем на полях Франции или на Востоке снова появятся миллионные армии великих союзников? Разорение и потрясение, пережитые Россией, сделали ее совершенно непохожей на прежнюю. Италия могла оказаться на стороне противника. Великобритания и Соединенные Штаты были отделены от Европы морями и океанами. Франция, истощенная, с поредевшим населением, но чувствующая себя бесспорной госпожой момента, вглядывалась в будущее со смешанным чувством благодарного удивления и гнетущего страха. Где же была та безопасность, без которой все, что было завоевано, теряло свою ценность и сама жизнь даже в разгар победных торжеств становилась едва выносимой? Жизненной необходимостью была безопасность – безопасность любой ценой, любыми средствами, как бы ни были они суровы или даже жестоки.

* * *

В день перемирия германские армии в полном порядке начали отход на родину. Увенчанный лаврами генералиссимус союзных армий маршал Фош, повинувшись чувствам солдата, заявил: «Они хорошо сражались. Оставим им их оружие». Однако он потребовал, чтобы французская граница отныне проходила по Рейну. Германия могла быть разоружена, ее военная система полностью разбита, а ее крепости скрыты; Германию можно разорить, ее можно обложить неограниченной контрибуцией; она может стать жертвой внутренних распрей – но все это минует через десять или двадцать лет. И тогда снова воспрянет несокрушимая мощь «всех

германских племен», вновь запылают неугасимые огни воинственной Пруссии. Но Рейн, широкий, глубокий и быстро текущий Рейн, укрепленный и находящийся в руках французской армии, явится барьером и щитом, под прикрытием которого многие поколения французов смогут жить спокойно. Совершенно иными, однако, были настроения и взгляды стран английского языка, без помощи которых Франция была бы побеждена. Территориальные статьи Версальского договора оставляли Германию фактически нетронутой. Она по-прежнему оставалась крупнейшим однородным национальным массивом в Европе. Маршал Фош, услышав о подписании Версальского мирного договора, удивительно верно сказал: «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет».

* * *

Экономические статьи договора были злобны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными. Германия была принуждена к выплате баснословных репараций. В этом диктате нашли свое отражение гнев держав-победительниц, а также вера их народов, что побежденную страну или какое-либо сообщество людей можно обложить такой данью, которая способна возместить стоимость современной войны.

В действительности, однако, эти статьи не были выполнены. Напротив, в то время как общая сумма германских активов, захваченных странами-победительницами, составляла около одного миллиарда фунтов стерлингов, Германии было предоставлено несколько лет спустя, главным образом Соединенными Штатами и Великобританией, более полутора миллиардов фунтов, что дало ей возможность быстро ликвидировать разрушения, причиненные войной. Но так как эти, по видимости, великодушные действия все еще сопровождались механически повторяемыми воплями несчастного и озлобленного населения стран-победительниц и заверениями их правителей, что Германию заставят заплатить «все до последнего гроша», нечего было ожидать со стороны немцев благодарности или доброжелательности.

Германия уплатила или оказалась способной уплатить выжатую из нее впоследствии контрибуцию исключительно благодаря тому, что Соединенные Штаты щедро ссужали деньгами всю Европу, а ее – в особенности. В течение трех лет, с 1926 по 1929 год, США получили отовсюду в виде взносов в погашение долгов всего лишь около одной пятой той суммы, которую они предоставили Германии без всякой надежды на возврат. Ложные представления относительно помощи побежденной стране в сочетании с выгодной процентной ставкой по займам побудили и английских вкладчиков принять в них участие, хотя и в гораздо меньших масштабах, чем американских. Таким образом, Германия получила в виде займов два миллиарда фунтов стерлингов против одного миллиарда репараций, выплаченных ею в той или иной форме путем передачи своих активов или валютных ресурсов в иностранных государствах или путем ловких манипуляций с колоссальными американскими займами. Такова печальная история этой идиотской путаницы, на которую было затрачено столько труда и сил.

В кампании 1915 года центр борьбы переместился на русско-германский фронт, где действовало 107 немецких дивизий (в 1914 году – 52). Это обеспечило Франции и Англии передышку для мобилизации экономики на нужды войны.

В 1916 году наступление Юго-Западного фронта русской армии (Брусиловский прорыв) вынудило немцев перебросить на Восточный фронт с Западного и итальянского фронтов 30 пехотных и три кавалерийские дивизии. Оно облегчило положение французов у Вердена и заставило немцев прекратить наступательную Трентинскую операцию, способствовало ускорению распада Австро-Венгрии и выступлению Румынии на стороне Антанты. Русское наступление наряду с наступлением союзников на реке Сомма положило начало перелому в пользу Антанты в ходе Первой мировой войны.

* * *

Другой важнейшей трагедией был полный развал Австро-Венгерской империи в результате заключения Сен-Жерменского и Трианонского договоров. На протяжении многих столетий это уцелевшее воплощение Священной Римской империи давало возможность совместно жить, пользуясь преимуществами торговли и безопасности, большому числу народов, из которых в наше время ни один не обладал достаточной силой или жизнеспособностью, чтобы в одиночку противостоять давлению со стороны возрожденной Германии или России. Все эти народы хотели вырваться из рамок федерации или империи, и поощрение их в этом стремлении считалось либеральным политическим курсом. Происходила быстрая балканизация Юго-Восточной Европы, что имело своим следствием относительное усиление германского рейха, который, несмотря на усталость от войны и причиненные ею разрушения, оставался в целостности и располагал в этом районе подавляющей мощью.

Каждый народ, каждая провинция из тех, что составляли когда-то империю Габсбургов, заплатили за свою независимость такими мучениями, которые у древних поэтов и богословов считались уделом лишь обреченных на вечное проклятие.

Вена, эта благородная столица, очаг так долго защищавшейся культуры и традиций, центр столь многих шоссейных, речных и железнодорожных путей, была оставлена коченеть от холода и голодать, подобно торговому центру в разоренном районе, покинутом большинством жителей.

Победители навязали немцам все то, что было идеалом, к которому издавна стремились либеральные страны Запада. Они были избавлены от бремени обязательной воинской повинности и от необходимости нести расходы, связанные с вооружением. Наконец, несмотря на то что они не располагали кредитом, им были навязаны огромные американские займы. В Веймаре была провозглашена демократическая конституция, соответствовавшая всем новейшим достижениям в этой области. После изгнания императоров избраны были ничтожества. А внизу этой шаткой конструкции бушевали страсти могучей, побежденной, но в основном оставшейся целой германской нации.

Предубеждение американцев против монархии, которое Ллойд Джордж не пытался рассеять, ясно показало поверженной империи, что в качестве республики она сможет рассчитывать на лучшее обращение со стороны союзников, нежели в качестве монархии. Если бы мы придерживались мудрой политики, мы увенчали бы и укрепили Веймарскую республику конституционным монархом в лице малолетнего внука кайзера, поставив над ним регентский совет. Вместо этого в национальной жизни германского народа образовалась зияющая пустота. Все сильные элементы, как военные, так и феодальные, которые могли бы объединиться для поддержки конституционной монархии и ради нее стали бы уважать и соблюдать новые демократические и парламентские порядки, оказались на время выбитыми из колеи. Веймарская республика при всех ее достоинствах и совершенствах рассматривалась как нечто навязанное врагом. Она не сумела завоевать преданность или захватить воображение германского народа. Одно время он пытался в отчаянии ухватиться за престарелого маршала Гинденбурга. Затем мощные силы устремились по воле волн. Пустота раскрылась, и через некоторое время в эту пустоту вступил неукротимый маньяк, носитель и выразитель самых злобных чувств, когда-либо разъедавших человеческое сердце, – ефрейтор Гитлер.

* * *

Франция была обескровлена войной. Поколение французов, с 1870 года мечтавшее о реванше, добилось триумфа, но губительной для национального организма ценой. Зарю победы

Франция встретила изможденной. Глубокий страх перед Германией обуял французский народ на другой же день после его ослепительного успеха. Именно этот страх побудил маршала Фоша требовать, чтобы граница Франции проходила по Рейну для обеспечения ее безопасности от гораздо более сильного соседа. Однако английские и американские государственные деятели считали, что включение во французскую территорию районов с немецким населением противоречило бы Четырнадцати пунктам, а также принципам национализма и самоопределения, на которых должен был основываться мирный договор. Поэтому они выступали против требований Фоша и Франции. Они заручились поддержкой Клемансо, пообещав ему, во-первых, совместную англо-американскую гарантию обороны Франции, во-вторых, демилитаризованную зону и, в-третьих, полное и длительное разоружение Германии. Клемансо согласился на это, невзирая на протесты Фоша и вопреки собственному чутью. Таким образом, Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо подписали гарантийный договор. Сенат Соединенных Штатов отказался ратифицировать договор¹. Он не посчитался с подписью Вильсона. Нам, так считавшимся с мнениями и желаниями Вильсона во всем, что касалось установления мира, без особых церемоний было заявлено, что мы должны были бы лучше знать американскую конституцию. Французский народ, объятый страхом, гневом и смятением, тотчас же отказался от услуг Клемансо, этого сурового, властного человека с его мировым авторитетом и исключительными связями в английских и американских кругах.

«Неблагодарность по отношению к своим великим людям, – говорит Плутарх, – есть характерная черта сильных народов».

Однако со стороны Франции неблагоразумно было проявлять эту черту теперь, когда она была так прискорбно ослаблена. Восстановлению ее сил очень мало способствовало возобновление интриг между различными группировками и непрерывная смена правительств и министров, столь характерные для Третьей республики, – сколь бы выгодными или занятными эти интриги ни казались их участникам.

Пуанкаре, сильнейший из преемников Клемансо, пытался создать независимое Рейнское государство под покровительством и контролем Франции. Эта затея не имела ни малейших шансов на успех. Пытаясь принудить Германию к выплате репараций, он не поколебался с этой целью вторгнуться в Рурскую область. Эта мера, конечно, вынуждала Германию к соблюдению договорных обязательств, но она была сурово осуждена английским и американским общественным мнением.

Озлобление англичан против Германии, столь сильное вначале, очень скоро уступило место столь же сильному противоположному чувству. Возник разлад между Ллойд Джорджем и Пуанкаре, неуживчивый характер которого служил помехой его твердой и дальновидной политике. Обе страны разошлись как во взглядах, так и в действиях, и англичане стали усиленно проявлять свою симпатию к Германии и даже восхищение ею.

* * *

Едва была создана Лига Наций, как ей был нанесен почти смертельный удар. Соединенные Штаты отrekliсь от детища президента Вильсона, а затем его партия и его политический курс были сметены победой республиканцев на президентских выборах 1920 года.

¹ Сенат США отказался ратифицировать Версальский мирный договор из-за нежелания связывать США участием в Лиге Наций, устав которой был составной частью договора. Причиной тому было преобладание в Лиге Наций влияния Англии и Франции, что не устраивало правящие круги США. Отказавшись от ратификации Версальского договора, США заключили с Германией в августе 1921 г. отдельный договор, почти идентичный Версальскому, но не содержащий статей о Лиге Наций. – *Прим. канд. ист. наук А.С. Орлова.*

На другой же день после победы республиканцев по ту сторону Атлантики восторжествовали изоляционистские идеи. Согласно этим идеям Европе надо предоставить возможность вариться в собственном соку и пусть она платит свои долги, как положено по закону.

На Вашингтонской конференции 1921 года Соединенные Штаты внесли далеко идущие предложения по морскому разоружению, и английское и американское правительства рьяно начали топить свои линкоры и разрушать свои военные базы. Все это делалось на основе довольно странной логики, согласно которой аморально разоружать побежденных, если и победители в свою очередь не лишат себя оружия. Англия и Соединенные Штаты осуждали Францию, которая была лишена и границы по Рейну, и гарантийного договора за то, что она сохранила, хотя и в сильно сокращенном размере, свою армию на основе всеобщей воинской повинности.

Соединенные Штаты дали понять Англии, что сохранение ее союза с Японией, который японцы так щепетильно соблюдали, будет служить помехой в англо-американских отношениях. В связи с этим союз был аннулирован. Этот акт произвел глубокое впечатление в Японии и был расценен как пощечина азиатской державе со стороны западного мира. Тем самым были порваны многие связи, которые в дальнейшем могли оказаться чрезвычайно ценными для сохранения мира. Таким образом, как в Европе, так и в Азии победоносные союзники быстро создавали обстановку, при которой во имя мира расчищался путь для новой войны.

Пока под неумолчный аккомпанемент благонамеренных банальностей, повторявшихся по обе стороны океана, происходили все эти досадные события, в Европе появился новый источник распри, более серьезный, чем империализм царей и кайзеров. Гражданская война в России завершилась полной победой большевистской революции. Правда, советские армии, двинувшиеся на покорение Польши, были отражены в битве под Варшавой, но Германия и Италия едва не стали жертвой коммунистических замыслов и пропаганды, а Венгрия действительно подпала временно под власть коммунистического диктатора Бела Куна. Хотя, по справедливому замечанию Фомы, «большевизм никогда не пересекал границ победителей», все же в первые послевоенные годы сотрясся весь фундамент европейской цивилизации. Фашизм был тенью или уродливым детищем коммунизма. В то же самое время, когда ефрейтор Гитлер оказывал услугу немецкому офицерству в Мюнхене, возбуждая у солдат и рабочих лютую ненависть к евреям и коммунистам, на которых он возлагал вину за поражение Германии, другой авантюрист – Бенито Муссолини предложил Италии новую форму правления, которая под предлогом спасения итальянского народа от коммунизма обеспечивала самому Муссолини диктаторскую власть. Так были поставлены на ноги эти родственные движения, коим суждено было в скором времени ввергнуть весь мир в еще более ужасную битву, которую никто не назовет окончившейся даже после их сокрушения.

* * *

Тем не менее оставалась еще прочная гарантия мира. Германия была разоружена. Вся ее артиллерия и иное оружие были уничтожены. Ее флот был уже потоплен в Скапа-Флоу самими немцами. Ее огромная армия была распущена. По Версальскому договору Германии разрешалось иметь для поддержания порядка в стране профессиональную армию, не превышающую сто тысяч человек, с длительным сроком службы, что лишало ее возможности накапливать для себя резервы. Теперь не было ежегодных очередных наборов рекрутов, которые проходили бы военное обучение; кадровый личный состав армии был распущен. Прилагались все усилия к тому, чтобы свести численность офицерского корпуса к минимуму. Германии не разрешалось иметь какую-либо военную авиацию. Запрещалось иметь подводные лодки, а германский военно-морской флот был ограничен незначительным количеством судов, тоннаж которых не должен был превышать десяти тысяч тонн. Советская Россия была отгорожена от Западной

Европы кордоном неистово ненавидевших большевизм государств, которые порвали с бывшей империей царей, принявшей теперь новую, еще более ужасную форму. Польша и Чехословакия, гордо подняв голову, провозгласили независимость, и их позиции в Центральной Европе казались прочными. Увенчанная лаврами французская армия была самой могучей военной силой в Европе, с которой никто не мог равняться; на протяжении нескольких лет считалось также, что и французская авиация является первоклассной.

Вплоть до 1934 года могущество победителей никем не оспаривалось в Европе, да, собственно говоря, и во всем мире. На протяжении всех этих шестнадцати лет не было такого момента, когда бы три бывших союзника или хотя бы Англия с Францией и их друзья в Европе не были бы в состоянии простым усилием воли держать в границах вооруженную мощь Германии, выступая от имени Лиги Наций и используя ее международный авторитет. Вместо этого вплоть до 1931 года победители, и в особенности Соединенные Штаты, сосредоточивали свои усилия на том, чтобы вымогать у Германии ежегодные репарационные платежи, для чего ее подчиняли раздражающему иностранному контролю. Поскольку эти платежи могли производиться лишь благодаря гораздо более крупным американским займам, вся эта процедура сводилась к полнейшему абсурду. Единственным ее плодом было чувство вражды.

С другой стороны, строгое соблюдение статей мирного договора о разоружении в любой период до 1934 года обеспечило бы на неограниченный срок без всякого насилия и кровопролития мир и безопасность человечества. Однако, пока нарушения оставались мелкими, этим пренебрегали, когда же они стали серьезными, от этого начали уклоняться. Так была отброшена последняя гарантия длительного мира. Преступления побежденных находят свое объяснение, но, конечно, отнюдь не оправдание, в безрассудстве победителей. Если бы не это безрассудство, не было бы ни соблазна, ни возможностей для преступления.

* * *

На этих страницах я пытаюсь воспроизвести некоторые из событий и впечатлений, из которых в моем сознании складывается история самой страшной трагедии, когда-либо обрушивавшейся на человечество за всю его бурную историю. Она проявилась не только в уничтожении жизней и материальных ценностей, неотделимом от войны.

Во Второй мировой войне всякие связывавшие людей узы исчезли. Немцы совершили под гитлеровским владычеством, на которое они сами позволили себя обречь, такие преступления, которые во всей истории человечества не имеют себе равных по масштабам и чудовищности злодеяний. Массовое и систематическое истребление шести или семи миллионов мужчин, женщин и детей в немецких лагерях смерти затмевает своей чудовищностью резню, наспех учинявшуюся Чингисханом, масштабы этой последней кажутся сравнительно ничтожными. Отвратительные бомбардировки немцами открытых городов с воздуха вызвали двадцатикратный по своей мощи ответ со стороны все возраставших воздушных сил союзников. Он достиг своего кульминационного пункта в применении атомных бомб, которые стерли с лица земли Хиросиму и Нагасаки.

И вот мы наконец миновали период такого материального разрушения и упадка морали, какие в прежние века нельзя было себе даже и представить. Но после всего пережитого и достигнутого нами мы все еще стоим перед проблемами и опасностями ничуть не менее, а несравненно более грозными, чем те, с которыми мы с таким трудом справились.

Как один из тех, кто жил и действовал в те дни, я ставлю своей целью показать прежде всего, как легко можно было бы предотвратить трагедию мировой войны; как злонамеренность порочных была подкреплена слабостью добродетельных; как в структуре и обычаях демократических государств, если только они не сольются в более крупные организмы, отсутствуют те элементы устойчивости и убежденности, которые только и могут обеспечить безопасность про-

стым людям. Мы увидим, как призывы к благоразумию и сдержанности могут стать главным источником смертельной опасности; как средний курс, избранный под влиянием стремления к безопасности и спокойной жизни, может оказаться ведущим к катастрофе. Мы увидим абсолютную необходимость широких международных действий, постоянно совместно осуществляемых многими государствами, независимо от каких-либо перемен в их внутренней политике.

Нетрудно было сохранить Германию в течение тридцати лет разоруженной, а победителей – должным образом вооруженными. Тем временем, даже если бы не удалось достигнуть примирения с Германией, следовало создавать и всемерно укреплять подлинную Лигу Наций, способную обеспечить соблюдение договоров, с тем чтобы они могли изменяться лишь на основе обсуждения и соглашения. Когда три или четыре могущественных правительства, выступая совместно, потребовали самых страшных жертв от своих народов и эти жертвы были добровольно принесены ради общего дела, когда наконец долгожданный результат был достигнут, казалось разумным ожидать, что согласованность действий будет сохранена, хотя бы в наиболее существенном. Однако победители не смогли выполнить этого скромного требования, несмотря на всю свою мощь, цивилизацию, знания и науку. Они жили сегодняшним днем, без уверенности в будущем и от одних выборов до других, пока через каких-нибудь двадцать лет не прозвучал страшный сигнал, оповестивший о Второй мировой войне.

Глава 2

Мир в своем зените (1922–1931 гг.)

В 1922 году в Англии появился новый лидер. В годы мировой драмы Стенли Болдуин не был известен и не привлекал к себе внимания. Во внутренних делах его роль также в то время была скромной. Во время войны он был начальником одного из управлений в министерстве финансов, а в описываемый период – министром торговли. Руководящее положение в английской политике он стал занимать с октября 1922 года, когда вытеснил Ллойда Джорджа, и до мая 1937 года, когда, осыпанный почестями и окруженный всеобщим уважением, он сложил с себя тяжкое бремя своих обязанностей и с достоинством молча удалился в свою усадьбу в Вустершире.

В начале 1923 года Бонар Лоу отказался от поста премьер-министра, удалился от дел и вскоре скончался, сраженный жестоким недугом. Его преемником на посту премьера стал Болдуин.

Так начался четырнадцатилетний период, который можно назвать «правлением Болдуина – Макдональда». В течение всего этого времени Болдуин был если не официально, то фактически либо главой правительства, либо лидером оппозиции. Поскольку же Макдональд никогда не располагал достаточным большинством, Болдуин в обеих своих ролях – в правительстве или в оппозиции – являлся руководящей политической фигурой в Англии. Эти два государственных деятеля управляли страной вначале поочередно, а затем в политическом содружестве.

Около пяти лет я жил рядом с Болдуином, на Даунинг-стрит, 1. Почти каждое утро, направляясь в министерство финансов, я заглядывал к нему, чтобы потолковать несколько минут. Поскольку я был одним из его ближайших коллег, я нес свою долю ответственности за все, что произошло в тот период. Эти пять лет были ознаменованы весьма значительным восстановлением экономики страны. Это был период деятельности умелого, уравновешенного правительства, которое из года в год постепенно добивалось заметного улучшения.

Особенно отличилось наше правительство в Европе. В Германии пришел теперь к власти Гинденбург. Фридрих Эберт, лидер германской социал-демократической партии до войны и первый после поражения президент Германской республики, умер в конце февраля 1925 года. Предстояли выборы нового президента. Народ был измучен и сбит с толку всем тем, что ему

пришлось пережить, а многочисленные партии и группы боролись друг с другом за власть и влияние.

Вся эта смута породила сильное желание обратиться за помощью к старому фельд-маршалу фон Гинденбургу, проживавшему в достойном уединении. Гинденбург оставался верен изгнанному императору и был сторонником восстановления монархии «по английскому образцу».

Соперниками Гинденбурга на выборах выступали кандидат партии католического центра Маркс и коммунист Тельман. В воскресенье 26 апреля вся Германия голосовала. Разница между числом голосов, собранных первыми двумя кандидатами, неожиданно оказалась незначительной:

Гинденбург – 14 655 760,

Маркс – 13 751 615,

Тельман – 1 931 151.

Несмотря на то что прославленное имя Гинденбурга, его нежелание выставлять свою кандидатуру и незаинтересованность в победе на выборах давали ему огромные преимущества перед его соперниками, он был избран большинством менее чем в миллион голосов, не получив абсолютного большинства. Когда сын Оскар разбудил его в 7 часов утра, чтобы сообщить об избрании, он с упреком сказал ему: «Зачем тебе понадобилось будить меня на целый час раньше? Ведь ничего бы не изменилось и в 8 часов». С этими словами он вновь уснул и проспал до обычного своего часа пробуждения.

Во Франции избрание Гинденбурга расценили вначале как возрождение германской угрозы. В Англии реакция была более спокойной. Я всегда желал, чтобы Германия восстановила свою репутацию и чувство собственного достоинства, чтобы улеглось озлобление, порожденное войной, и поэтому отнюдь не был огорчен этой новостью.

«Он весьма здравомыслящий старик», – сказал мне Ллойд Джордж при следующей нашей встрече.

Таким он и был в действительности, пока не покинули его силы. Даже некоторые из наиболее непримиримых его противников были вынуждены признать: «Лучше ничтожество, чем Нерон»². Однако Гинденбургу было уже 77 лет, а срок его полномочий исчислялся в семь лет. Мало кто ожидал, что он снова будет избран. Он всячески старался сохранять беспристрастность по отношению к различным партиям, и годы его президентства, несомненно, дали Германии возможность обрести умеренную силу и спокойствие, не создав какой-либо угрозы для ее соседей.

* * *

В феврале 1925 года германское правительство направило меморандум тогдашнему премьер-министру Франции Эррио. В этом меморандуме выражалась готовность Германии принять такой пакт, по которому державы, имеющие интересы на Рейне, прежде всего Англия,

² Слова Теодора Лессинга, убитого нацистами в сентябре 1933 г.

Франция, Италия и Германия, взяли бы на себя на длительный срок торжественное обязательство не вести войны против стран – участниц пакта. Роль гаранта должно было взять на себя правительство Соединенных Штатов. Кроме того, для Германии был бы приемлемым пакт, ясно гарантирующий сохранение существующего территориального положения на Рейне. В августе французы в полном согласии с Великобританией дали Германии официальный ответ. В качестве первого и необходимого шага Германия должна была безоговорочно вступить в Лигу Наций. Германское правительство приняло это условие. Это означало, что положения договоров оставались в силе, если только (или до тех пор пока) они не будут изменены по взаимному соглашению, и что не давалось никаких определенных обязательств относительно сокращения вооружений союзников.

На этой основе 4 октября была создана конференция в Локарно. На берегу тихого озера собрались делегаты Англии, Франции, Германии, Бельгии и Италии. Результаты конференции были таковы: во-первых, общий гарантийный договор между пятью державами; во-вторых, германо-французский, германо-бельгийский, германо-польский и германо-чехословацкий арбитражные договоры; в-третьих, специальные соглашения между Францией и Польшей и между Францией и Чехословакией, в силу которых Франция обязывалась оказать им помощь, если вслед за нарушением Западного пакта³ они подвергнутся неспровоцированному вооруженному нападению. Таким образом, западноевропейские демократии согласились при всех обстоятельствах поддерживать мир между собой и сплоченно выступать против любого из них, кто нарушит договор и совершит агрессию против братской страны.

Что же касается Франции и Германии, то Великобритания торжественно обязалась прийти на помощь тому из этих двух государств, которое станет объектом неспровоцированной агрессии. Это далеко идущее военное обязательство было принято парламентом и горячо одобрено народом. Обязательство это не имеет себе подобных в истории.

Вопрос о том, брали ли Франция или Англия на себя какое-либо обязательство по разоружению вообще или же разоружению до какого-то определенного уровня, не был затронут. Я в качестве министра финансов был привлечен к обсуждению всех этих вопросов еще на ранней стадии. Мое личное мнение относительно этой двусторонней гарантии сводилось к следующему: пока Франция остается вооруженной, а Германия разоруженной, Германия не может напасть на нее; Франция никогда не совершит нападения на Германию, если это автоматически повлечет за собой превращение Англии в союзницу Германии. Таким образом, хотя этот план и казался опасным (ибо он фактически обязывал нас принять участие на стороне той или другой державы в любой могущей возникнуть франко-германской войне), вероятность подобной катастрофы была очень невелика и во всяком случае это был самый хороший способ предотвратить ее. Было очевидно, что создавалась бы опасность, если бы Германия когда-нибудь более или менее догнала Францию по вооружениям и тем более если бы она стала сильнее Франции. Но все это как будто исключалось торжественными обязательствами договора.

* * *

Локарнский пакт касался лишь обеспечения мира на Западе, но была надежда, что продолжением его явится, по тогдашнему выражению, «восточное Локарно». Мы были бы очень рады, если бы оказалось возможным ограничить опасность возникновения когда-либо в будущем войны между Германией и Россией в соответствии с теми же принципами и с помощью тех же средств, что и возможность войны между Германией и Францией. Но даже штреземановская Германия не была склонна окончательно отказаться от своих притязаний на Востоке или согласиться с территориальными положениями мирного договора, касающимися Польши,

³ Имеется в виду Локарнский договор.

Данцига, Польского коридора и Верхней Силезии. Хотя мы продолжали свои попытки, никакого прогресса на Востоке достигнуто не было. После заключения нашего Локарнского договора и эвакуации Рейнской области, осуществленной французской армией и контингентами союзных войск раньше срока, предписанного в Версале, установилось дружественное отношение к Германии. Новая Германия заняла свое место в Лиге Наций. Под плодотворным влиянием американских и английских займов восстановление Германии шло очень быстро. Ее торговля расширялась с невероятной быстротой, повышалось внутреннее благосостояние страны. Франция с ее системой союзов тоже, казалось, занимала в Европе надежные позиции. Статьи Версальского договора, касающиеся разоружения, не были открыто нарушены. Германского военно-морского флота не существовало. Германская авиация находилась под запретом и еще не родилась. В Германии имелись многочисленные круги, решительно отвергавшие, хотя бы только по соображениям благоразумия, идею войны, а германское верховное командование не могло и думать о том, что союзники позволят немцам перевооружиться.

1929 год почти до конца своего третьего квартала протекал под знаком надежд и видимости растущего процветания, особенно в Соединенных Штатах. Чрезвычайный оптимизм породил настоящую оргию спекуляций. Были написаны книги, в которых доказывалось, что наука и становящийся все более организованным деловой мир справились наконец-то с таким явлением, как экономический кризис. «По-видимому, мы уже навсегда покончили с экономическими циклами, какими мы знали их прежде», – заявил в сентябре президент нью-йоркской биржи. А в октябре на Уолл-стрит обрушился внезапный жестокий ураган.

Все богатство, так быстро накопленное в предшествующие годы в виде бумажных ценностей, исчезло. Процветание миллионов американских семей, выросшее на гигантском фундаменте раздутого кредита, внезапно оказалось иллюзорным. Мощные промышленные предприятия оказались выбитыми из колеи и парализованными. За биржевым крахом, в период между 1929 и 1932 годами, последовало непрерывное падение цен и как следствие этого сокращение производства, вызвавшее широкую безработицу.

Последствия этого расстройтва экономической жизни затронули весь мир. В связи с безработицей и сокращением производства произошло свертывание торговли. С целью защиты внутренних рынков были введены тарифные ограничения ввоза. Всеобщий кризис повлек за собой острые денежные затруднения и парализовал внутренний кредит. А это в свою очередь привело к тому, что разорение и безработица широко распространились по всему миру. Последствием этого явились бедствия, обрушившиеся на Германию и другие европейские страны.

Глава 3

Подстерегающая опасность

В моей книге «Последствия» я суммировал некоторые впечатления тех четырех лет, что протекли между перемирием и сменой правительства в Англии в конце 1922 года. Эта книга писалась в 1928 году, когда я остро ощущал надвигающуюся катастрофу.

«Война начала вступать в свои права потенциального истребителя рода человеческого лишь на заре двадцатого столетия христианской эры. Объединение человечества в крупные государства и империи и пробуждение у народов коллективного самосознания позволили планировать и осуществлять кровопролитие в таких масштабах и с таким упорством, о которых раньше не имели даже представления. Все благороднейшие качества отдельных личностей были собраны воедино ради усиления разрушительной мощи массы. Надежные финансы, возможности, предоставляемые всемирным кредитом и торговлей, накопление крупных резервов капитала – все это позволяло на длительные периоды переключать энергию целых народов на дело разрушения.

Демократические институты создали средства для выражения воли миллионов. Образование не только позволяло всякому разбираться в ходе конфликта, но и сделало каждую отдельную личность подготовленной к выполнению стоящей задачи. Печать явилась средством объединения и взаимного возбуждения. Религия, благоразумно не касаясь основных причин конфликта, беспристрастно предлагала всем воюющим сторонам свою поддержку и утешение во всех известных ей формах. Наконец, наука в ответ на неистовые домогательства людей раскрыла перед ними свои сокровища и тайны и вложила в их руки средства почти предельного совершенства.

В связи с этим появились многочисленные новшества. Вместо того чтобы брать измором укрепленные города, стали методически ослаблять или пытаться ослаблять с помощью голода целые государства.

Все население так или иначе принимало участие в войне, и все в равной мере стали объектом нападения. В небе открылись пути, по которым смерть и ужас могли обрушиваться далеко за линиями фронтов на женщин, детей, стариков и больных – на тех, кого в прежних войнах щадили по необходимости. Великолепная организация железных дорог, пароходного сообщения и автомобильного транспорта позволяла доставлять в нужные пункты и постоянно использовать в деле десятки миллионов людей. Медицинский уход и хирургия, достигшие блестящего развития, снова и снова возвращали людей в строй для участия в боине. Ничто не должно было пропадать зря. Последний вздох умирающего – и тот обращался на цели войны.

Война прекратилась столь же внезапно и повсеместно, как и началась. Человечество подняло голову, окинуло взором зрелище разрушения, и как победители, так и побежденные перевели дух. В сотнях лабораторий, в тысячах арсеналов, заводов и всевозможных бюро люди, резко затормозив, прекратили работу, которой были поглощены. Их проекты были отложены в сторону, не доведенные до конца, неосуществленные, но их знания сохранялись. Военные ведомства во всех странах поспешно собрали полученные ими данные, их вычисления и открытия в папки с надписью “для последующего рассмотрения”.

В этих-то условиях мы и вступили в тот период истощения, которому было присвоено наименование “мир”. Он дает нам по крайней мере возможность оценить общую обстановку. При этом вырисовывается ряд печальных фактов, таких же твердых и неотвратимых, как горы, очертания которых проступают сквозь туман. Установлено, что отныне в войнах будут участвовать целые народы: все будут прилагать максимум усилий, все будут испытывать на себе ярость врага. Установлено, что народы, считающие, что на карту поставлено их существование, не остановятся перед применением любых средств ради своего спасения. Вполне вероятно, более того, несомненно, что среди орудий, которыми они будут располагать в следующей войне, окажутся средства и методы массового неограниченного разрушения, которые, будучи применены, могут выйти из-под контроля.

Человечество никогда ранее не находилось в подобном положении. Не достигнув заметных успехов в моральном совершенствовании и не обретя более мудрого руководства, оно впервые получило в руки орудия, могущие послужить ему вернейшим средством самоистребления. Таков тот конечный пункт в истории судеб человечества, которого люди достигли. Им следовало бы остановиться и поразмыслить над своей новой ответственностью. Смерть стояла навтыяжку, послушная, выжидающая, готовая к услугам, готовая массами косить людей, готовая по первому знаку сокрушать – без надежды на восстановление – то, что уцелело от цивилизации. Она ждет только слова команды. Она ждет их от слабого, сбитого с толку существа – давней своей жертвы, а ныне, в этом единственном случае, – своего хозяина».

* * *

Все это было опубликовано 1 января 1929 года. Я не мог бы написать иначе и в день Нового года теперь, восемнадцать лет спустя.

* * *

Еще ранее, в 1925 году, я записал некоторые мысли и вопросы технического характера, о которых было бы неправильно не напомнить сегодня:

«Не существует ли несравненно более действенных способов использования энергии взрыва, нежели все те, что были открыты до сих пор? Нельзя ли создать бомбу величиной не более апельсина, которая обладала бы таинственной способностью разрушать сразу целые кварталы домов или даже сосредоточивала бы в себе разрушительную силу тысяч тонн пороха, так, чтобы одним ударом сметать целые селения? Нельзя ли бомбы, хотя бы и существующих типов, сбрасывать автоматически с самолетов, которые управлялись бы по радио или с помощью каких-либо лучей, без пилота, и которые могли бы бесконечной вереницей посылаяться на бомбежку вражеского города, арсенала, лагеря или верфи?»

Что же касается отравляющих газов и химической войны во всех ее формах, то пока что написана лишь первая глава этой ужасной книги. Нет сомнения, что каждое из этих новых средств разрушения изучается по обе стороны Рейна со всей научной тщательностью и терпением, на которые только способен человек. И почему мы должны полагать, что эти средства ограничиваются областью неорганической химии? В лабораториях многих больших государств, без сомнения, разрабатываются способы методически вызывать эпидемии различных болезней и сознательно насыщать их на людей и животных. Ржа, губящая посевы, сибирская язва, уносящая людей и скот, чума, поражающая не только армии, но и целые районы, – вот над чем работает военная наука, безжалостно продвигаясь вперед».

Все это было написано почти четверть века назад.

* * *

Вполне естественно, что гордый народ, потерпевший поражение в войне, будет стремиться как можно скорее снова вооружиться.

Ввиду этого на победителей ложится ответственность за то, чтобы постоянно держать своего поверженного противника разоруженным. Для этого они должны проводить двоякую политику. Во-первых, оставаясь сами достаточно хорошо вооруженными, они должны с неустанной бдительностью и твердостью проводить в жизнь статьи мирного договора, запрещающие возрождение военной мощи своего недавнего противника. Во-вторых, они должны сделать все, что только возможно, чтобы примирить побежденный народ с его участью, помогая своими благожелательными действиями побежденной стране достигнуть максимального благоденствия, а также всеми средствами стремиться заложить фундамент подлинной дружбы и общности интересов, дабы все меньше оставалось побудительных мотивов вновь обращаться к силе оружия.

* * *

Создание армии, охватывающей все мужское население большой страны, – это задача гигантских масштабов. Победоносные союзники по предложению Ллойд Джорджа установили

для германской армии предельную численность в сто тысяч человек и воспретили всеобщую воинскую повинность. Поэтому эта армия стала тем ядром, из которого предстояло при благоприятном случае вновь сформировать многомиллионную армию. Сто тысяч бойцов представляли собой сто тысяч командиров. Как только было бы принято решение о расширении армии, рядовые могли стать сержантами, а сержанты офицерами.

Никакая иностранная инспекция не могла в мирный период установить, каковы были качества тех ста тысяч человек, которые составляли разрешенную Германии армию. Но дело было не в этом. Только для охраны германских границ требовалось от трех до четырех миллионов обученных солдат. Для того чтобы создать национальную армию, которая могла бы сравниться с французской армией, а тем более превзойти ее, нужно было не только готовить командные кадры и восстановить старые полки и другие воинские формирования, но и ввести по всей стране обязательную воинскую повинность для всех мужчин, достигавших призывного возраста. Добровольческие отряды, молодежные организации, различные разновидности полиции и жандармерии, ассоциации ветеранов – все эти неофициальные и по существу нелегальные организации могли играть свою роль в промежуточный период. Но без всеобщей воинской повинности скелет не мог обрасти мясом и мускулами.

Таким образом, Германия лишена была возможности, не прибегая в течение нескольких лет к всеобщей воинской повинности, создать армию, способную противостоять французской армии. Это была черта, которую нельзя было перешагнуть без явного, вопиющего нарушения Версальского договора. Все эти годы германская армия могла поддерживать и лелеять свой боевой дух и традиции, но она не могла даже мечтать о том, чтобы вступить в состязание с вооруженной, обученной и организованной людской силой, которая естественно и непрерывно рождалась французской военной системой.

* * *

Создателем ядра и структуры будущей германской армии был генерал фон Сект. Уже в 1921 году Сект был занят разработкой как тайных, так и явных планов создания большой германской армии и вел почтительные споры с Межсоюзнической военной контрольной комиссией по поводу различных своих мероприятий. В триумфальные дни 1940 года его биограф генерал фон Рабенау писал:

«Было бы трудно провести ту работу, которая была осуществлена в период 1935–1939 годов, если бы с 1920 до 1934 года руководящий центр оставался соответствующим нуждам маленькой армии».

Так, например, мирный договор требовал сокращения численности офицерского корпуса с 34 тысяч до 4 тысяч человек. Все средства были пущены в ход для преодоления этого рокового барьера, и, невзирая на все усилия Союзной контрольной комиссии, разработка планов возрождения германской армии продолжалась.

В Берлине под вывеской департаментов реконструкции, науки и культуры сосредоточились несколько тысяч штабных офицеров, переодетых в штатское, которые вместе со своими помощниками были поглощены тщательным обдумыванием прошлого и будущего.

Рабенау дает по этому поводу следующие разъяснения:

«Без Секта сегодня (1940 год) не существовало бы генерального штаба в его немецком понимании – генерального штаба, который является детищем многих поколений и который не может быть создан в один день, какими бы талантами и трудолюбием ни отличались офицеры. Преемственность концепции необходима, чтобы сохранить руководство, невзирая на волнующие испытания действительности. Знания и способности отдельных личностей недостаточны. В войне нужны получившие органическое развитие способности большинства, а для этого требуются десятилетия... Если мы не хотели, чтобы при наличии у нас маленькой стотысячной

армии и генералы наши были маленькими, необходимо было дать большой простор теоретической мысли. С этой целью начали проводиться в широких масштабах практические учения или военные игры... не столько для тренировки генерального штаба, сколько для создания контингента высших командиров».

Эти последние должны были уметь мыслить подлинно военными категориями.

Сект настаивал на том, чтобы избегать ложных доктрин, внушенных чьим-либо личным опытом периода великой войны. Все уроки этой войны тщательно и систематически изучались. Были приняты новые принципы обучения и введены самые разнообразные учебные курсы. Все существующие военные наставления были переписаны заново – не для сотысячной армии, а для вооруженных сил германского рейха. Для того чтобы сбить с толку назойливо любопытных союзников, публиковались целые разделы этих наставлений. Те же, что предназначались для внутреннего употребления, оставались тайными. В качестве основного принципа утверждалась необходимость теснейшего взаимодействия всех важнейших родов войск.

В течение нескольких лет практиковалось в небольших масштабах краткосрочное обучение солдат неофициальным порядком. Солдат, проходивших такое обучение, называли «черными», то есть нелегальными. Начиная с 1925 года работа по подготовке «черных» была передана в ведение министерства рейхсвера и финансировалась из государственных средств. Разработанный генеральным штабом в 1925 году план качественного совершенствования армии и увеличения ее численности сверх предела, установленного мирным договором, предусматривал, что число существовавших в то время пехотных дивизий – легально их было семь – должно быть сначала удвоено, а затем утроено. Однако конечной целью Секта было иметь минимум 63 дивизии. Факт превышения сотысячного предела, установленного для германской армии, был официально признан только в апреле 1933 года, хотя ее численность уже давно превзошла эту цифру и продолжала неуклонно возрастать.

* * *

Мирный договор запрещал Германии иметь военную авиацию, и в мае 1920 года она была официально распущена. В своем прощальном приказе Сект выражал надежду, что она снова воспрянет и что до тех пор будет сохранен ее дух. Этому он всячески способствовал. Первым его шагом было создание в министерстве рейхсвера особой группы опытных бывших офицеров авиации, существование которой скрывалось от Союзной контрольной комиссии и которая всячески ограждалась от своего собственного правительства. Эта группа постепенно расширялась, пока «авиационные ячейки» не были созданы в различных управлениях и инспекционных органах министерства, а служащие военно-воздушных сил не оказались весьма широко представленными в армии. Во главе департамента гражданской авиации стоял офицер с большим военным опытом, ставленник Секта, заботившийся о том, чтобы контроль над гражданской авиацией и ее развитие осуществлялись в соответствии с военными нуждами. Штат этого департамента так же, как штат управления гражданского авиатранспорта и различных других замаскированных организаций военной и морской авиации, в основном состоял из бывших офицеров военно-воздушных сил, не имевших представления о коммерческой авиации.

Еще до 1924 года в Германии появилась в зачаточной форме сеть аэродромов и заводов гражданского самолетостроения, и немцы приступили к подготовке пилотов и обучению технике пассивной противовоздушной обороны. Коммерческая авиация демонстрировала уже изрядные успехи, а создание сети планерных клубов содействовало распространению тяги к летному делу как среди мужчин, так и среди женщин. На бумаге численность персонала, пользовавшегося правом летать, была строго ограничена. Однако эти постановления наряду со многими другими были обойдены Сектом, которому удалось при потворстве германского

министерства транспорта заложить прочный фундамент хорошо налаженной авиационной промышленности и будущих военно-воздушных сил.

В вопросах, касающихся военно-морского флота, немцы прибегали к подобным же уверткам. По Версальскому договору Германии было разрешено сохранить лишь небольшие военно-морские силы, личный состав которых не должен был превышать 15 тысяч человек. Для увеличения его немцы прибегали к всевозможным ухищрениям. В состав гражданских министерств были тайно включены военно-морские организации. Армейские береговые укрепления на острове Гельголанд и в других местах не были разрушены, как это предписывалось мирным договором, и в скором времени ими завладела германская морская артиллерия. Немцы незаконно строили подводные лодки и обучали в других странах их будущих командиров и матросов. Делалось все, чтобы сохранить кайзеровский военно-морской флот и подготовиться к тому дню, когда он сможет снова открыто занять свое место среди других флотов.

Серьезный прогресс был достигнут и в другой решающе важной области. Ратенау в 1919 году, будучи министром восстановления, положил начало основательной реконструкции германской военной промышленности.

«Они уничтожили ваше оружие, – говорил он генералам. – Но это оружие так или иначе устарело бы еще до начала следующей войны. В этой войне будет применено совершенно новое оружие, и та армия, которая в наименьшей степени будет скована устаревшим вооружением, будет обладать огромным преимуществом».

Большая изобретательность была проявлена, чтобы обеспечить страну оборудованием, необходимым для производства в будущем военных материалов. Станки, которые были установлены для производства военной продукции и вновь могли быть приспособлены для тех же целей, были сохранены на гражданских предприятиях в гораздо большем количестве, чем этого требовали обычные производственные нужды. Государственные арсеналы, построенные для войны, не были закрыты, как это предписывалось мирным договором.

Таким образом, был приведен в действие план, согласно которому все новые промышленные предприятия, а также многие из старых – тех, что были построены с помощью американских и английских займов, предоставленных на нужды восстановления, – с самого начала предназначались для скорейшего перевода на военное производство. Таким образом, в то время как победители полагались на имевшиеся в их распоряжении массы устаревшего вооружения, в Германии год за годом создавался огромный промышленный потенциал для производства новых видов вооружений.

* * *

Все это время союзники располагали реальной возможностью и правом помешать всякому зримому или осязаемому перевооружению Германии. И Германия должна была бы подчиниться решительному и единодушному требованию Англии, Франции и Италии и сообразовать свои действия с предписаниями мирных договоров. Обозревая вновь историю этих восьми лет, с 1930 по 1938 год, мы видим, как много времени было в нашем распоряжении. По крайней мере до 1934 года перевооружение Германии можно было предотвратить, не жертвуя ни одной человеческой жизнью. Дело было не в отсутствии времени.

Глава 4 Адольф Гитлер

В октябре 1918 года, во время английской газовой атаки под Комином, один немецкий ефрейтор от хлора на время потерял зрение. Пока он лежал в госпитале в Померании, на Германию обрушились поражение и революция. Сын незаметного австрийского таможенного чинов-

ника, он в юности лелеял мечту стать великим художником. После неудачных попыток поступить в Академию художеств в Вене он жил в бедности сначала в австрийской столице, а затем в Мюнхене. Иногда работая маляром, а часто выполняя любую случайную работу, он испытывал материальные лишения и копил в себе жестокую, хотя и скрытую обиду на мир, закрывший ему путь к преуспеянию. Но личные невзгоды не привели его в ряды коммунистов. В этом отношении его реакция представляла собой некую благородную аномалию: он еще больше проникся непомерно сильным чувством верности своей расе, пылким и мистическим преклонением перед Германией и германским народом. Когда началась война, он со страстной готовностью схватился за оружие и прослужил четыре года в баварском полку, на Западном фронте. Таково было начало карьеры Адольфа Гитлера.

Когда зимой 1918 года, беспомощный, лишенный зрения, он лежал в госпитале, его личные неудачи представлялись ему частью катастрофы, обрушившейся на весь германский народ. Потрясение военного поражения, крушение законности и порядка, торжество французов – все это причиняло выздоравливающему ефрейтору острую боль, которая пронизывала все его существо и рождала те невероятные безмерные силы духа, которые способны привести и к спасению, и к гибели человечества. Ему казалось, что падение Германии не может быть объяснено обычными причинами. Где-то должно было скрываться гигантское и чудовищное предательство. Одиноким, замкнувшимся в себе, маленький солдат размышлял и раздумывал над возможными причинами катастрофы, руководимый лишь своим узким личным опытом. В Вене он вращался среди членов крайних германских националистических групп. От них-то он и услышал о зловерных подрывных действиях другой расы, врагов и эксплуататоров нордического мира – евреев. Его патриотический гнев и зависть к богатым и преуспевающим слились в единое чувство всеподавляющей ненависти.

Наконец этот ничем не примечательный пациент, по-прежнему одетый в военную форму, которой он почти по-мальчишески гордился, был выписан из госпиталя. Какое же зрелище представилось его исцеленным глазам? Конвульсии, вызываемые поражением, были ужасны. В окружавшей его атмосфере отчаяния и безумия ясно выступали очертания красной революции. По улицам Мюнхена стремительно носились броневые автомобили, осыпавшие торопливых прохожих листовками или пулями. Его собственные товарищи, нацепив вызывающие красные повязки на рукава своих военных мундиров, выкрикивали лозунги, яростно проклиная все то, что было дорого ему. Внезапно, как это бывает во сне, все стало совершенно ясно. Германии нанесли удар в спину, и теперь ее терзали евреи, спекулянты и интриганы, скрывавшиеся в тылу, ненавистные большевики, организаторы международного заговора еврейских интеллигентов. Он ясно видел свой долг: спасти Германию от этих бичей, отомстить за причиненное ей зло и повести высшую германскую расу по пути, предназначенному ей судьбой.

Офицеры его полка, глубоко встревоженные мятежными и революционными настроениями своих солдат, были очень рады, что нашелся хоть один человек, сохранивший в душе какие-то устои. Ефрейтор Гитлер пожелал остаться на военной службе и нашел себе работу в качестве «инструктора по политическому просвещению», или агента. Прикрываясь этим званием, он занимался сбором информации о деятельности мятежных и подрывных элементов. Офицер органов безопасности, на которого он работал, поручил ему посещать собрания местных политических партий всех оттенков. Как-то вечером в сентябре 1919 года ефрейтор отправился на митинг германской рабочей партии, проходивший в одной из мюнхенских пивных. Здесь он впервые услышал выступления против евреев, спекулянтов и «ноябрьских преступников», заведших Германию в пропасть, – выступления, совпадавшие с его собственными тайными убеждениями. 16 сентября он вступил в эту партию, а вскоре после этого в соответствии со своими военными функциями взял на себя руководство партийной пропагандой. В феврале 1920 года в Мюнхене состоялся первый массовый митинг германской рабочей партии, на кото-

ром руководящую роль играл уже сам Адольф Гитлер, изложивший в 25 пунктах программу партии. Он стал теперь политическим деятелем и начал свою борьбу за спасение нации.

В апреле он был демобилизован и весь отдался делу расширения рядов партии. К середине следующего года он вытеснил первоначальных лидеров и, заигнотизировав своим темпераментом и духом массу рядовых членов партии, подчинил партию своему личному контролю. Его уже называли фюрером. Партия купила газету «Фёлькишер беобахтер» и сделала ее своим центральным органом.

Коммунисты очень скоро распознали своего врага. Они пытались срывать гитлеровские митинги, и в конце 1921 года он организовал свои первые штурмовые отряды. До тех пор все движение ограничивалось местными рамками Баварии. Но в тех бедственных условиях, которые существовали в Германии в эти первые послевоенные годы, многие немцы в самых различных уголках рейха начинали прислушиваться к речам нового проповедника. Горячее возмущение, вызванное во всей Германии французской оккупацией Рура в 1923 году, обеспечило гитлеровской партии, которая именовалась теперь национал-социалистской партией, массу сторонников. Падение марки разрушило основы благополучия германской средней буржуазии, многие представители которой в своем отчаянии стали сторонниками новой партии и находили облегчение своему горю в ненависти, мести и патриотическом угаре.

Гитлер с самого начала дал ясно понять, что путь к власти лежит через агрессию и насилие против Веймарской республики, рожденной позором поражения. К ноябрю 1923 года фюрер имел вокруг себя группу решительных сторонников, среди которых наиболее видными были Геринг, Гесс, Розенберг и Рем. Люди действия, они решили, что наступил момент попытаться захватить власть в Баварии. Генерал фон Людендорф своим участием в путче дал возможность организаторам этой авантюры использовать военный престиж своего имени. До войны принято было говорить: «В Германии революции не будет, ибо все революции в Германии строго запрещены». В данном случае эта формула была возрождена местными мюнхенскими властями. Полиция открыла стрельбу по демонстрантам, тщательно избегая генерала, который продолжал идти вперед, пока не оказался среди полицейских, встретивших его весьма почтительно. Около 20 демонстрантов было убито. Гитлер во время стрельбы бросился на землю, а затем исчез вместе с другими партийными лидерами. В апреле 1924 года его приговорили к четырем годам тюремного заключения.

Хотя германские власти поддержали порядок, а германский суд наказал виновных, среди немцев было широко распространено мнение, что наказуемые – это плоть от их собственной плоти и что власти играют на руку иностранцам, жертвуя самыми верными сынами Германии. Срок заключения Гитлера был сокращен с четырех лет до тринадцати месяцев. За эти месяцы, проведенные в Ландсбергской крепости, он успел в общих чертах закончить «Майн кампф» – трактат, излагавший его политическую философию. Он посвятил эту книгу памяти павших в недавнем путче. Ни одна книга не заслуживала более тщательного изучения со стороны политических и военных руководителей союзных держав в ту пору, когда Гитлер пришел в конце концов к власти. В ней было все: и программа возрождения Германии, и техника партийной пропаганды, и план борьбы против марксизма, и концепция национал-социалистского государства, и утверждения о законном праве Германии на роль руководителя всего мира. Это был новый коран веры и войны – напыщенный, многословный, бесформенный, но исполненный важных откровений.

Главный тезис, лежащий в основе «Майн кампф», очень прост: человек есть воинственное животное; отсюда нация, будучи сообществом борцов, представляет собой боевую единицу. Всякий живой организм, прекращающий борьбу за существование, обречен на уничтожение. Страна или раса, перестающие бороться, точно так же обречены на гибель. Боеспособность расы зависит от ее чистоты. Отсюда необходимость очищения ее от чуждых, загрязняющих ее элементов. Еврейская раса ввиду ее повсеместного распространения по необ-

ходимости является пацифистской и интернационалистской. Пацифизм же – это страшнейший из грехов, ибо он означает отказ расы от борьбы за существование. Поэтому первый долг всякого государства состоит в том, чтобы привить массам националистические чувства. Для отдельной личности не имеет первостепенного значения уровень ее интеллектуального развития; сила воли и решительность – вот важнейшие качества, которые от нее требуются. Человек, обладающий врожденной способностью командовать другими, представляет гораздо большую ценность, чем многие тысячи людей, склонных покорно повиноваться чужой воле. Только грубая сила обеспечивает выживание расы. Отсюда необходимость военной организации. Раса должна бороться: если она бездействует, она покрывается ржавчиной и погибает. Если бы германская раса была своевременно объединена, она уже теперь была бы повелительницей всего земного шара. Новый рейх должен объединить все до тех пор расплывшиеся германские элементы Европы. Раса, потерпевшая поражение, может быть спасена, если она восстановит веру в свои силы. Прежде всего надлежит научить армию верить в свою непобедимость. Чтобы восстановить германскую нацию, необходимо убедить народ в том, что вернуть себе свободу силой оружия вполне возможно. Принцип аристократизма является здравым в своей основе. Интеллектуализм нежелателен. Конечная цель образования – воспитать немца, который требовал бы минимального обучения для превращения его в солдата. Величайшие перевороты в истории были бы немислимы, если бы движущей силой их не являлись фанатические и истерические страсти. С помощью буржуазных добродетелей – мира и порядка – ничего достигнуть бы не удалось. Мир находится сейчас на пути к такому перевороту, и новое германское государство должно позаботиться о том, чтобы раса была подготовлена к предстоящим последним и величайшим решениям на нашей земле. Внешняя политика может быть неразборчивой в средствах. Дипломатия не должна предоставлять стране героически погибнуть, напротив, она должна заботиться о том, чтобы страна могла выжить и процветать. Двумя единственно возможными союзниками Германии являются Англия и Италия. Ни одна страна не вступит в союз с трусливым пацифистским государством, управляемым демократами и марксистами. Если Германия сама не позаботится о себе, никто о ней не позаботится. Ни торжественные обращения к небесам, ни благочестивые надежды на Лигу Наций не вернут ей утраченных территорий. Они могут быть возвращены лишь силой оружия. Германия не должна повторять старую ошибку – бороться со всеми своими врагами сразу. Она должна выбрать самого опасного из них и атаковать его всеми своими силами. Мир перестанет быть антигерманским только тогда, когда Германия вернет себе равенство прав и снова займет свое место под солнцем. Во внешней политике Германии не следует проявлять никакой сентиментальности. Совершить нападение на Францию исключительно по эмоциональным мотивам было бы глупо. В чем Германия нуждается – это в расширении своей территории в Европе.

Довоенная колониальная политика Германии была ошибочной, и от нее следует отказаться. В целях своего расширения Германия должна обращать свои взоры к России и в особенности к Прибалтийским государствам. Никакой союз с Россией недопустим. Вести войну вместе с Россией против Запада было бы преступно, ибо целью Советов является торжество международного иудаизма.

Таковы были «гранитные основы» его политики.

* * *

Победители, подавленные и поглощенные своими собственными заботами и межпартийными распрями, почти не обратили внимания на неустанную борьбу Адольфа Гитлера и его постепенное превращение в фигуру национального масштаба. Прошло много времени, прежде чем национал-социализм, или нацистская партия, как его стали именовать, приобрел столь сильное влияние на массы германского народа, на вооруженные силы, государственный аппа-

рат и на массы промышленников, не без основания страшившихся коммунизма, что он стал такой силой в жизни Германии, с которой весь мир вынужден был считаться. Когда в конце 1924 года Гитлера выпустили из тюрьмы, он заявил, что ему понадобится пять лет, чтобы реорганизовать свое движение.

* * *

Одна из демократических статей Веймарской конституции предусматривала, что выборы в рейхстаг должны проводиться раз в два года. Предполагалось, что эта статья обеспечит массам германского народа возможность осуществлять полный и постоянный контроль над своим парламентом. На практике это лишь означало, что они постоянно жили в атмосфере лихорадочного политического возбуждения и непрерывных избирательных кампаний. Успехи Гитлера и его доктрин могут, таким образом, быть точно прослежены. В 1928 году он располагал всего 12 мандатами в рейхстаге. В 1930 году эта цифра увеличилась до 107, а в 1932-м – до 230. К тому времени влияние и дисциплина национал-социалистской партии давали себя чувствовать уже во всем строе Германии; всякого рода запугивания, оскорбления и зверства в отношении евреев приобрели широчайшее распространение.

За фасадом республиканских правительств и демократических институтов, навязанных победителями и потому ассоциировавшихся с поражением, действительной политической силой в Германии и устойчивым элементом государства в послевоенные годы являлся генеральный штаб рейхсвера. Это он назначал и смещал президентов и кабинеты. В лице маршала Гинденбурга он нашел символ своей власти и исполнителя своей воли. Но в 1930 году Гинденбургу было уже 83 года. С этого времени его характер стал портиться, а умственные способности ослабевать. Он становился все более дряхлым, а также все более пристрастным в своих суждениях и деспотичным. Генералам давно уже было ясно, что придется искать подходящего преемника престарелому маршалу. Однако к моменту начавшихся поисков нового человека подоспел бурный рост и укрепление национал-социалистского движения. После провала мюнхенского путча в 1923 году Гитлер провозгласил программу соблюдения строжайшей законности в рамках Веймарской республики. Однако в то же самое время он разрабатывал планы и поощрял расширение военных и полувоенных формирований нацистской партии. Вначале очень малочисленные отряды СА, штурмовые отряды, или коричневорубашечники, с их небольшим дисциплинированным ядром СС достигли такой численности и силы, что деятельность их и потенциальная мощь стали внушать серьезную тревогу рейхсверу. Всесторонне обдумав смысл происходящего в стране, рейхсвер при всем своем нежелании вынужден был признать, что в качестве военной касты и организации, стоящей в оппозиции к нацистскому движению, он уже не способен сохранять свой контроль над Германией. Общей для обеих групп чертой была их решимость вывести Германию из пропасти и отомстить за ее поражение. Но в то время как рейхсвер олицетворял собой регламентированный строй кайзеровской империи и представлял интересы феодальных, аристократических, землевладельческих и других состоятельных классов германского общества, СА в значительной мере превратились в бунтарское движение, раздуваемое недовольством эмоционально возбудимых или озлобленных подрывных элементов и отчаянием разоренных людей.

Ссориться с нацистской партией означало бы для рейхсвера раздирать побежденную страну на части. В 1931 и 1932 годах руководители армии пришли к выводу, что им следует как в своих собственных интересах, так и в интересах страны объединить свои силы с теми самыми элементами, которым они до сих пор противостояли в вопросах внутренней политики со всей твердостью и суровостью, присущими немцам. Со своей стороны Гитлер, хотя и был готов воспользоваться любым тараном, чтобы прорваться в цитадель власти, всегда считал за

образец руководителей великой и блестящей Германии, внушавших ему чувство восхищения и преданности еще в юношеские годы.

Таким образом, естественные предпосылки для соглашения между ним и рейхсвером имелись с обеих сторон. Руководители армии постепенно пришли к заключению, что влияние нацистской партии в стране столь сильно, что Гитлер является единственно возможным преемником Гинденбурга в качестве главы германского государства. Гитлер, со своей стороны, понимал, что для осуществления его программы возрождения Германии необходим союз с правящей верхушкой рейхсвера. Сделка была заключена, и руководители германской армии стали убеждать Гинденбурга рассматривать Гитлера как кандидата на пост канцлера рейха. Согласившись ограничить деятельность коричневорубашечников, подчинить их генеральному штабу, а со временем если понадобится, то и вовсе их ликвидировать, Гитлер заручился поддержкой самых влиятельных сил в Германии, достиг вершины административной лестницы и добился явного перемещения центра верховной власти в германском государстве. Далекое продвинулся ефрейтор!

Глава 5

Годы нашествия саранчи⁴ (1931–1935 гг.)

Английское правительство, образованное в результате всеобщих выборов 1931 года, внешне казалось одним из сильнейших, а на деле было одним из слабейших в истории Англии. В атмосфере сильнейшего ожесточения с обеих сторон Макдональд, премьер-министр, порвал с социалистической партией, создание которой было делом всей его жизни. С этого времени, возглавляя правительство, которое именовалось национальным, а в действительности было по преимуществу консервативным, он погрузился в угрюмую пассивность. Болдуин предпочитал суть власти ее форме и преспокойно правил, оставаясь в тени. Министерство иностранных дел возглавлял сэр Джон Саймон, один из лидеров либералов – участников коалиции. Основную работу правительства внутри страны исполнял Невилл Чемберлен, сменивший в скором времени Сноудена на посту министра финансов. Почти за пятилетний период пребывания у власти этого правительства – с января 1931-го по ноябрь 1935 года – вся обстановка на Европейском континенте коренным образом изменилась.

* * *

Между тем вся Германия была в движении, в стране разворачивались важные события.

В течение года, последовавшего за падением кабинета Брюнинга в мае 1932 года, произошло очень многое. Папен, сменивший Брюнинга на посту канцлера, надеялся, что ему удастся управлять страной, опираясь на поддержку со стороны окружения президента Гинденбурга и крайней националистической группы в рейхстаге. Решающий шаг был сделан 20 июля, когда было насильственно смещено социалистическое правительство в Пруссии. Когда прусский премьер-министр заявил, что он подчинится лишь физической силе, его спросили: «А какая сила вам требуется?» После чего его попросту вытащили из-за стола.

В августе 1932 года Гитлер прибыл в Берлин по личному вызову президента. Момент для решающего шага, казалось, наступил. За спиной фюрера стояли 13 миллионов германских избирателей. Он мог претендовать на важное место в правительстве. Его положение сейчас в известной мере напоминало положение Муссолини накануне похода на Рим. Но Папену не

⁴ Спустя четыре года сэр Томас Инскип, министр координации обороны, хорошо знающий Библию, применил к этому мрачному периоду, наследником которого ему довелось стать, образное библейское выражение: «Годы, которые пожирала саранча».

было никакого дела до новейшей истории Италии. Он пользовался поддержкой Гинденбурга и не собирался уходить в отставку. Старый маршал увидел Гитлера. Тот не произвел на него никакого впечатления. «Этого человека назначить канцлером? Я его сделаю почтмейстером – пусть лижет марки с моим изображением». В дворцовых кругах Гитлер не пользовался таким влиянием, как его соперники.

Громадные массы избирателей были охвачены тревогой и брожением. В ноябре 1932 года по всей Германии снова, в пятый раз за один год, состоялись выборы. Нацисты понесли потери, и их 230 мандатов сократились до 196 – разница досталась коммунистам. Тем самым позиции Гитлера были ослаблены. 17 ноября Папен вышел в отставку и канцлером вместо него стал Шлейхер. Гитлер вместе с Папеном и националистами объединились теперь против него, а коммунисты своей уличной борьбой с нацистами и своими антиправительственными забастовками содействовали тому, что дальнейшее его пребывание у власти стало невозможным. Папен решил воспользоваться своим личным влиянием на президента Гинденбурга. Не будет ли в конце концов наилучшим выходом из положения умиловить Гитлера, взвалив на него всю ответственность и все бремя власти? Наконец Гинденбург с неохотой дал свое согласие. 30 января 1933 года Адольф Гитлер вступил на пост канцлера Германии.

Все, кто собирался или мог оказать сопротивление новому порядку, скоро почувствовали на себе руку хозяина. 2 февраля всякие митинги или демонстрации германской коммунистической партии были запрещены, и по всей Германии началось изъятие припрятанного оружия, принадлежащего коммунистам. Кульминационный момент наступил вечером 27 февраля 1933 года. В здании рейхстага вспыхнул пожар. Были вызваны отряды коричневорубашечников, чернорубашечников и их вспомогательные части. За одну ночь было арестовано четыре тысячи человек, в том числе члены Центрального комитета коммунистической партии. Проведение этих мероприятий было поручено Герингу, в то время министру внутренних дел Пруссии. Они служили подготовкой к предстоящим выборам и обеспечивали поражение коммунистов, самых грозных противников нового режима. За организацию избирательной кампании взялся Геббельс, которому не приходилось занимать ни ловкости, ни рвения.

Однако в Германии еще имелись многочисленные силы, не желавшие подчиниться, оказывавшие сопротивление или проявлявшие активную враждебность гитлеризму. Коммунисты и те многочисленные немцы, которые в своей растерянности голосовали вместе с ними, получили 81 мандат, социалисты – 118 и националисты Папена и Гугенберга – 52. Гитлер же получил 17 миллионов 300 тысяч голосов, поданных за нацистов, и 288 мандатов. Только так – всеми правдами и неправдами – удалось Гитлеру получить на выборах поддержку большинства германского народа. Он имел в рейхстаге 288 мандатов против 251 мандата остальных партий, большинство всего в 37 мандатов. При соблюдении обычной процедуры цивилизованного парламентарного правительства столь значительное меньшинство пользовалось бы большим влиянием и должным уважением в государстве. Но в новой нацистской Германии меньшинствам суждено было убедиться в том, что у них нет никаких прав.

21 марта 1933 года в гарнизонной церкви в Потсдаме, близ гробницы Фридриха Великого, Гитлер открыл первый рейхстаг третьего рейха. В церкви сидели представители рейхсвера – символ непреходящей германской мощи – и старшие офицеры штурмовых и охранных отрядов, новые представители возрождающейся Германии. 24 марта большинство рейхстага, подавив или запугав всех противников, 441 голосом против 94 приняло решение о предоставлении канцлеру Гитлеру чрезвычайных полномочий сроком на четыре года. Когда объявили результаты голосования, Гитлер обернулся в сторону социалистов и крикнул: «А теперь вы мне больше не нужны!»

В обстановке всеобщего возбуждения, порожденного выборами, ликующие колонны национал-социалистов продефилировали мимо своего вождя по улицам Берлина в языческом факельном шествии. Их борьба была долгой. Смысл ее трудно постигнуть иностранцам, в осо-

бенности тем, которые не испытали боли поражения. И вот наконец явился Адольф Гитлер. Но он был не один. Он вызвал из глубин поражения темные первобытные страсти, скрытые в самом многочисленном, самом крепком, жестоком, противоречивом и злополучном народе Европы. Он магически воскресил страшного идола, всепожирающего Молоха, став одновременно его жрецом и воплощением.

В мою задачу не входит описание невероятной жестокости и подлости, с помощью которых создавался этот аппарат ненависти и тирании, подлежащий теперь дальнейшему совершенствованию. Для целей настоящего повествования необходимо лишь указать читателю на новый и страшный факт, перед лицом которого очутился все еще ничего не подозревавший мир: *Германия была под властью Гитлера и Германия вооружалась.*

* * *

В то время как в Германии совершались все эти страшные перемены, правительство Макдональда – Болдуина считало себя обязанным в течение некоторого времени продолжать навязанную финансовым кризисом политику резкого сокращения и ограничения наших и без того скромных вооружений и упорно закрывало глаза на тревожные симптомы в Европе.

Французы, хотя их политическая жизнь по-прежнему отличалась текучестью и непрерывными изменениями, не имевшими, впрочем, сколько-нибудь существенного значения, упорно цеплялись за свою армию, видя в ней центр и главную жизненную опору Франции и всех ее союзов. Эта позиция вызвала по их адресу нарекания как со стороны Англии, так и со стороны Соединенных Штатов. Мнения печати и общественности основывались отнюдь не на действительном положении вещей, но враждебные настроения были сильны.

Когда в мае 1932 года все партии перевозносили в палате общин достоинства разоружения, министр иностранных дел предложил новый принцип классификации видов оружия, использование которых должно быть разрешено или осуждено. Он назвал это качественным разоружением. Разоблачить ложный вывод было легче, чем убедить депутатов. В своем выступлении я заявил:

«Министр иностранных дел сказал нам, что трудно подразделить оружие на категории наступательного и оборонительного оружия. Это действительно так, ибо почти любое оружие может быть использовано как для обороны, так и для наступления, как агрессором, так и его невинной жертвой. Чтобы затруднить действия захватчика, тяжелые орудия, танки и отравляющие вещества предполагается отнести к зловредной категории наступательного оружия. Но германское вторжение во Францию в 1914 году достигло своего наивысшего размаха без применения какого-либо из указанных видов оружия. Тяжелое орудие предлагается считать наступательным оружием. Оно допустимо в крепости: там оно добродетельно и миролюбиво по своему характеру. Но выдвиньте его в поле, а в случае необходимости это, конечно, будет делаться, – и оно тотчас же становится гадким, преступным, милитаристским и подлежит запрету в цивилизованном обществе. Возьмем теперь танк. Немцы, вторгшись во Францию, закрепились там и за каких-нибудь пару лет уничтожили 1 миллион 500 тысяч французских и английских солдат, пытавшихся освободить французскую землю. Танк был изобретен для того, чтобы подавить огонь пулеметов, благодаря которым немцы держались во Франции, и он спас огромное множество жизней при очищении французской территории от захватчиков. Теперь, по-видимому, пулемет, являвшийся тем оружием, с помощью которого немцы удерживали 13 французских провинций, будет считаться добродетельным и оборонительным оружием, а танк, послуживший средством спасения жизни союзных солдат, должен всеми справедливыми и праведными людьми быть предан позору и поношению...»

Более правильной классификацией явилось бы запрещение оружия массового уничтожения, применение которого несет смерть и ранения не только солдатам на фронте, но и гражд-

данскому населению – мужчинам, женщинам и детям, находящимся далеко от этих районов. Вот в каком направлении объединенные нации, собравшиеся в Женеве, могли бы, мне кажется, действительно надеяться продвинуться вперед...»

В конце своего выступления я сделал свое первое официальное предостережение относительно надвигающейся войны:

«Я весьма сожалел бы, если бы увидел, что военная мощь Германии и Франции в какой-либо мере уравнивается. Тот, кто говорит об этом как о чем-то справедливом или даже видит в этом проявление честности, совершенно недооценивает серьезности обстановки в Европе».

* * *

В период пребывания у власти так называемого национального правительства английское общественное мнение все более склонялось к тому, чтобы отбросить в сторону всякие заботы относительно Германии. Тем не менее когда в 1932 году германская делегация на Конференции по разоружению категорически потребовала отменить всякие ограничения ее прав на перевооружение, она встретила серьезную поддержку в английской печати. «Таймс» писала о «своевременном устранении неравенства», а «Нью стейтсмен» – о «безоговорочном признании принципа равенства государств». Это означало, что 70 миллионам немцев следовало разрешить перевооружиться и готовиться к войне, в то время как страны, вышедшие победителями из недавней ужасной битвы, не имели даже права что-либо возразить против этого. Равенство статуса победителей и побежденных, равенство между Францией с населением 39 миллионов человек и Германией, население которой почти вдвое больше!

Правительство Его Величества опубликовало 16 марта 1933 года документ, получивший по имени своего автора и вдохновителя название «план Макдональда». Исходным пунктом плана было принятие французской концепции армий с кратким сроком службы – в данном случае он определялся в восемь месяцев, после чего устанавливалась точная численность войск для каждой страны. Численность французской армии, составлявшая в мирное время 500 тысяч человек, сокращалась до 200 тысяч, а германской – соответственно увеличивалась до такого же размера. К этому времени германские вооруженные силы, хотя и не располагавшие еще массовыми обученными резервами, которые может дать лишь систематическое обучение новых контингентов рекрутов в течение ряда лет, по всей вероятности, уже насчитывали более миллиона ревностных добровольцев, отчасти уже вооруженных. При этом заводы, поддающиеся конверсии и частично уже переведенные на выпуск военной продукции, производили для этих добровольцев многие виды новейшего вооружения.

К концу Первой мировой войны Франция, как и Великобритания, располагала огромным количеством тяжелых артиллерийских орудий, в то время как орудия германской армии были уничтожены, как того требовал мирный договор. Макдональд стремился ликвидировать это явное неравенство, предлагая с этой целью установить для орудий подвижной артиллерии предельный калибр в 105 миллиметров, или 4,2 дюйма. Существующие орудия калибром до 6 дюймов могли быть сохранены, но при замене старых орудий новыми допускался калибр не свыше 4,2 дюйма. Собственно британские интересы, отличные от интересов Франции, ограждались сохранением до 1935 года ограничений военно-морских вооружений Германии, установленных мирным договором, по истечении же этого срока предлагалось созвать новую морскую конференцию. Германии запрещалось иметь военную авиацию на период действия соглашения, но три союзные державы должны были сократить свои собственные военно-воздушные силы до 500 самолетов каждая.

Я с величайшим возмущением наблюдал за этой атакой на французские вооруженные силы и за попытками установить равенство между Германией и Францией.

Однако французы имели мужество настоять на том, чтобы уничтожение их тяжелого вооружения было отсрочено на четыре года. Английское правительство приняло эту поправку с условием, что согласие Франции на уничтожение ее артиллерии будет зафиксировано в специальном документе, который должен быть подписан немедленно. Франция подчинилась этому требованию, и 12 октября 1933 года сэр Джон Саймон, посетовав на то, что Германия изменила за последние недели свою позицию, представил проект этих предложений на рассмотрение Конференции по разоружению.

Результат был совершенно неожиданным. Гитлер, ныне канцлер и хозяин всей Германии, со дня своего прихода к власти отдал приказ решительно разворачивать по всей стране подготовку к войне как в учебных лагерях, так и на предприятиях и теперь ощущал свою силу. Он не потрудился даже принять те донкихотские предложения, которые ему навязывали. С презрительным жестом он приказал германским представительствам покинуть и Конференцию по разоружению, и Лигу Наций. Такова была судьба «плана Макдональда».

Читатель, надеюсь, простит, если я позволю себе личное отступление менее серьезного характера.

Летом 1932 года в связи с работой над моей книгой «Жизнь Мальборо» я посетил его старые поля сражений в Нидерландах и Германии. Наша семейная экспедиция совершила приятную поездку по маршруту знаменитого похода Голландия – Дунай, проделанного Мальборо в 1705 году. Мы переправились через Рейн у Кобленца. Пока мы продвигались по этим красивым местам от одного знаменитого древнего города к другому, я, естественно, расспрашивал о гитлеровском движении и убедился, что это – главный предмет размышлений каждого немца. Я, так сказать, ощутил атмосферу гитлеризма. Проведя день на поле битвы в Бленхейме, я отправился в Мюнхен и прожил там несколько дней.

В отеле «Регина» один джентльмен представился кому-то из моих спутников. Фамилия его была Ганфштенгль. Он много говорил о фюрере, с которым, по-видимому, был весьма близок. Так как он показался мне веселым и разговорчивым человеком и к тому же прекрасно говорил по-английски, я пригласил его к обеду. Он чрезвычайно интересно рассказывал о деятельности Гитлера и о его взглядах. Чувствовалось, что он совсем им очарован. По всей вероятности, ему было поручено войти в контакт со мной, и он явно старался произвести приятное впечатление. После обеда он сел за рояль и так хорошо исполнил множество пьес и песен, что мы получили огромное удовольствие. Он, казалось, знал все мои любимые английские песни. Он прекрасно умел развлечь общество. Как оказалось, в то время он был любимцем фюрера. Он сказал, что мне следовало бы встретиться с Гитлером и что устроить это нет ничего легче. Гитлер ежедневно приходит в этот отель около 5 часов дня и будет очень рад увидиться со мной.

В то время у меня не было какого-либо национального предубеждения против Гитлера. Я мало знал о его доктрине и о его прошлом и совсем ничего не знал о его личных качествах. Я восхищаюсь людьми, которые встают на защиту своей потерпевшей поражение родины, даже если сам нахожусь на другой стороне. Он имел полное право быть германским патриотом, если он желал этого. Я всегда хотел, чтобы Англия, Германия и Франция были друзьями. Однако в разговоре с Ганфштенглем между прочим спросил:

«Почему ваш вождь так жестоко ненавидит евреев? Я могу понять ожесточение против евреев, которые в чем-нибудь провинились или выступают против своей страны, мне понятно также, когда противодействуют их попыткам захватить господствующее положение в какой бы то ни было области. Но как можно быть против человека только потому, что он от рождения принадлежит к той или другой нации? Разве человек властен над своим рождением?»

По-видимому, он все это пересказал Гитлеру, так как уже на следующий день, около полудня, явился с весьма серьезным видом и сообщил, что мое свидание с Гитлером, о котором он со мной договорился, не состоится, так как в этот день фюрер в отель не придет. Больше мне

не пришлось видеться с Путци (это было его ласкательное имя), несмотря на то, что мы прожили в этом отеле еще несколько дней. Так Гитлер упустил единственный представлявшийся ему случай встретиться со мной. Впоследствии, когда он был уже на вершине своего могущества, мне довелось получить от него несколько приглашений. Однако к тому времени многое изменилось, и я уклонился от них.

* * *

Пока в Европе совершались эти угрожающие изменения в соотношении военной мощи победителей и побежденных, на Дальнем Востоке также выявилось полнейшее отсутствие согласия между неагрессивными миролюбивыми странами. События здесь приняли точно такой же катастрофический оборот, как и в Европе, и причиной этого послужил все тот же паралич мысли и действий, поразивший руководителей бывших и будущих союзников.

Экономический шквал 1929–1931 годов затронул Японию не меньше, чем весь остальной мир. За период с 1914 года ее население увеличилось с 50 миллионов до 70 миллионов человек. Число металлургических заводов возросло с 50 до 148. Стоимость жизни непрерывно повышалась. Производство риса в стране оставалось на неизменном уровне, а импорт его обходился дорого. Потребность в сырье и во внешних рынках была настоящей. В условиях жестокой депрессии Англия и сорок других стран ощущали с течением времени все большую необходимость применять ограничения или устанавливать высокие тарифы на ввоз японских товаров, производившихся на фабриках с такими условиями труда, которые не могли идти ни в какое сравнение с европейскими или американскими нормами. Китай в большей, чем когда-либо, мере являлся для Японии главным рынком сбыта текстильных и других изделий и почти единственным ее источником угля и железной руды. Поэтому утверждение контроля над Китаем стало главной задачей японской политики.

В сентябре 1931 года под предлогом местных беспорядков японцы оккупировали Мукден и зону Южно-Маньчжурской железной дороги. В январе 1932 года они потребовали роспуска всех китайских организаций антияпонского характера. Китайское правительство ответило отказом. Тогда японцы высадились 28 января в северной части международного селтльмента в Шанхае.

Китайцы мужественно сопротивлялись. Несмотря на то что у них не было самолетов, противотанковых орудий и другого современного вооружения, они более месяца оказывали сопротивление. В конце февраля, понеся чрезвычайно тяжелые потери, они были вынуждены отойти со своих фортов в заливе Усун и занять позиции примерно на расстоянии 12 миль от побережья. В начале 1932 года японцы создали марионеточное государство Маньчжоу-Го. Через год к нему была присоединена захваченная японцами китайская провинция Жэхэ, а в марте 1933 года японские войска, проникшие далеко в глубь беззащитных районов, достигли Великой Китайской стены. В этой агрессивной акции нашли свое выражение возросшая мощь Японии на Дальнем Востоке и изменившийся уровень ее военно-морских сил.

В феврале 1933 года Лига Наций заявила, что государство Маньчжоу-Го не может быть признано. Хотя на Японию не было наложено санкций, равно как не было принято каких-либо других мер в отношении нее, 27 марта 1933 года Япония вышла из Лиги Наций. Во время войны Германия и Япония находились в противоположных лагерях, теперь же они смотрели друг на друга уже совсем по-иному. В то самое время, когда от Лиги Наций особенно требовались активность и сила, обнаружилось, что ее моральный авторитет не имеет какой-либо физической опоры.

Глава 6 Атмосфера сгущается (1934 г.)

В Риме без восторга отнеслись к вступлению Гитлера в 1933 году на пост канцлера Германии. Нацизм рассматривали там как грубую и крайнюю версию фашизма. Притязания великой Германии в отношении Австрии и в Юго-Восточной Европе были общеизвестны. Муссолини предвидел, что ни в одном из этих районов итальянские интересы не будут совпадать с интересами новой Германии. И ему не пришлось долго ждать подтверждений этому.

* * *

Присоединение Австрии к Германии составляло одну из самых заветных целей Гитлера. На первой же странице «Майн кампф» говорится: «Германская Австрия должна возвратиться в лоно своей великой германской родины». Поэтому нацистское правительство Германии с момента прихода к власти в январе 1933 года посматривало в сторону Вены. Гитлер еще не мог позволить себе вступить в конфликт с Муссолини, который громко возвестил о своей заинтересованности в Австрии. Даже при просачивании в эту страну, а также в своей подпольной деятельности в Австрии тогда еще слабая в военном отношении Германия должна была соблюдать осторожность. Однако нажим на Австрию начал сказываться с первых же месяцев. Австрийскому правительству непрерывно предъявлялись требования о включении членов австрийской нацистской партии – сателлита Германии – в состав кабинета и о назначении их на важнейшие посты в правительстве. Австрийские нацисты проходили обучение в специальном Австрийском легионе, организованном в Баварии. Взрывы бомб на железных дорогах и в туристских центрах, немецкие самолеты, сбрасывавшие дождь листовок на Зальцбург и Инсбрук, – все это нарушало мирную жизнь республики. Позициям австрийского канцлера Дольфуса в равной мере угрожали давление социалистов в стране и германские покушения на независимость Австрии. Но это была не единственная угроза, нависшая над австрийским государством. Следуя дурному примеру своих германских соседей, австрийские социалисты создали собственную армию, которая должна была дать им возможность попирать волю избирателей. Все эти опасности вырисовывались перед Дольфусом в 1933 году. Единственной страной, к которой он мог обратиться за защитой и от которой он уже получил заверения в поддержке, была фашистская Италия. В августе 1933 года Дольфус встретился с Муссолини в Риччионе. Между ними было достигнуто полное личное и политическое взаимопонимание.

* * *

До середины 1934 года правительство Его Величества в основном могло еще управлять ходом событий, не рискуя войной. Оно могло в любое время, действуя в согласии с Францией и через посредство Лиги Наций, оказать сильнейший нажим на гитлеровское движение, которое вызывало глубокий раскол среди немцев. Это не привело бы к кровопролитию. Но благоприятный момент уже подходил к концу. На горизонте все яснее вырисовывалась вооруженная Германия, подчиненная нацистскому контролю. И все же, сколь ни покажется это невероятным, даже на протяжении значительной части этого решающего года Макдональд, опираясь на политический авторитет Болдуина, продолжал прилагать усилия к разоружению Франции. Я могу лишь процитировать бесплодный протест, с которым я выступил в парламенте 7 февраля:

«А что, если после того, как мы уравнием французскую армию с германской и сократим ее до размеров последней, после того, как мы добьемся равенства для Германии и эти

перемены вызовут соответствующую реакцию в Европе, что если Германия заявит нам тогда: “Как вы можете держать великую страну с 70-миллионным населением в таком положении, при котором она лишена права иметь военно-морской флот, равный по силе крупнейшим флотам мира?” Вы скажете на это: “Нет, мы не согласны. Армии – дело других народов, флоты же – это вопрос, затрагивающий интересы Англии, и мы вынуждены сказать – нет”. Но каким образом сможем мы сказать это “нет”?.. Никогда мы не были столь уязвимы, как сейчас. До войны я часто слышал критические замечания по адресу либерального правительства... Гораздо большая ответственность ляжет на тех, кто ныне стоит у власти, если вопреки нашим желаниям и надеждам беда все же случится.

Ни один из уроков прошлого не усвоен, ни один из них не учтен в нашей практике, между тем как положение теперь несравненно опаснее. Тогда у нас был флот и не было никакой угрозы с воздуха. Тогда флот являлся надежным щитом Британии... Теперь мы не можем этого сказать. Это проклятое, дьявольское изобретение и усовершенствование методов войны с воздуха коренным образом изменили наше положение. Мы уже не та страна, какой мы были всего 20 лет назад, когда мы были островом».

Затем я потребовал, чтобы были приняты три следующих определенных решения. В отношении армии: в Англии, как и во всей Европе, должна быть начата реорганизация наших гражданских предприятий, с тем чтобы они могли быть быстро переключены на обслуживание военных нужд. В отношении флота: мы должны вернуть себе свободу в области проектирования. Мы должны освободиться от Лондонского договора, который ограничивает Англию в строительстве желательных для нее типов судов. Далее, авиация. Мы должны располагать авиацией столь же мощной, как авиация Франции или Германии, в зависимости от того, какая из них сильнее.

Правительство имело подавляющее большинство в обеих палатах парламента, и ему не было бы отказано ни в чем. Ему надо было лишь с верой и убежденностью внести свои предложения по обеспечению безопасности страны, и соотечественники поддержали бы его.

* * *

В этот момент перед лицом германской угрозы появился некоторый проблеск европейского единства. 17 февраля 1934 года английское, французское и итальянское правительства опубликовали совместную декларацию в поддержку независимости Австрии. 17 марта Италия, Венгрия и Австрия подписали так называемые Римские протоколы, предусматривавшие взаимные консультации в случае возникновения угрозы какой-либо из трех договаривающихся сторон. Но Гитлер становился все сильнее, и в течение мая и июня подрывная деятельность на всей территории Австрии усилилась. Дольфус немедленно направил сообщение об этих террористических актах главному советнику Муссолини по иностранным делам Сувичу вместе с нотой, выразившей сожаление по поводу неблагоприятного действия, оказываемого ими на австрийскую торговлю и на туристов.

С этими материалами в руках Муссолини отправился 14 июня в Венецию, чтобы впервые встретиться с Гитлером. Германский канцлер, в коричневом макинтоше и фетровой шляпе, сошел с самолета и очутился среди сверкающих мундиров фашистов, предводительствуемых блистательным и дородным дуче. Увидев своего гостя, Муссолини шепнул адъютанту: «Он мне не нравится».

Во время этой странной встречи состоялся лишь общий обмен мнениями, сопровождавшийся взаимными поучениями относительно достоинств диктатуры германского и итальянского образца. Муссолини был явно удручен как обликом своего гостя, так и его манерой выражаться. Общее свое впечатление он выразил двумя словами: «болтливый монах». Ему удалось, однако, вырвать у Гитлера кое-какие заверения в том, что германский нажим на Дольфуса

будет ослаблен. После этой встречи Чиано заявил журналистам: «Вот увидите – теперь ничего больше не произойдет».

Однако наступивший затем перерыв в деятельности немцев не был результатом призывов Муссолини, а объяснялся тем, что Гитлер был поглощен в то время своими внутренними делами.

* * *

С приходом Гитлера к власти вскрылись глубокие расхождения между фюрером и многими из тех, кому он был обязан своим выдвижением. Штурмовые отряды, руководимые Ремом, все в большей степени становились представителями более революционных элементов партии. Среди старых членов партии имелись горячие сторонники социальной революции, такие как Грегор Штрассер. Они боялись, что Гитлер, достигнув первой ступени, будет попросту перетянут на свою сторону существующей иерархией – рейхсвером, банкирами и промышленниками. Он был бы не первым революционным вождем, отталкивающим ногой ту самую лестницу, по которой он взобрался на головокружительные вершины. В представлении рядовых членов СА (коричневорубашечников) январский триумф 1933 года должен был принести им свободу грабить не только евреев и спекулянтов, но и все состоятельные классы общества. В некоторых партийных кругах вскоре начали распространяться слухи о величайшем предательстве вождя. Под их влиянием начальник штаба Рем принял энергичные меры. В январе 1933 года отряды СА насчитывали 400 тысяч человек. К весне 1934 года Рем завербовал и организовал около трех миллионов человек. Гитлер в своем теперешнем новом положении был обеспокоен ростом этой гигантской машины, которая, хотя и заявляла о своей горячей преданности его имени и в большей своей части действительно была глубоко предана ему, начинала тем не менее ускользать из-под его личного контроля. До тех пор он обладал личной армией. Теперь у него была государственная армия. Однако он не желал менять одну на другую. Он хотел иметь обе, с тем чтобы в случае надобности использовать одну для контроля над другой. Поэтому ему приходилось вступать теперь в борьбу с Ремом.

«Я полон решимости, – заявил он в те дни руководителям СА, – жестоко подавить всякую попытку низвергнуть существующий строй. Я буду самым решительным образом препятствовать возникновению второй революционной волны, ибо она неизбежно породила бы хаос. Всякий, кто осмелится выступить против установленной государственной власти, будет сурово наказан, какое бы положение он ни занимал».

При всех его дурных предчувствиях, однако, Гитлера нелегко было убедить в вероломстве его товарища по мюнхенскому путчу, на протяжении последних семи лет являвшегося начальником штаба его армии коричневорубашечников. Когда в декабре 1933 года было провозглашено единство партии и государства, Рем стал членом германского кабинета. Одним из следствий объединения партии с государством должно было явиться слияние отрядов коричневорубашечников с рейхсвером. Ввиду быстрых темпов перевооружения страны вопрос о контроле над всеми германскими вооруженными силами и об их статусе становился одним из самых актуальных вопросов политики. В феврале 1934 года в Берлин прибыл Иден. В ходе переговоров Гитлер согласился дать определенные временные гарантии относительно невоенного характера отрядов СА. В то время уже происходили постоянные трения между Ремом и начальником генерального штаба фон Бломбергом.

В течение апреля и мая Бломберг непрестанно жаловался Гитлеру на действия СА и на их наглость. Фюрер вынужден был выбирать между генералами, которые его ненавидели, и головорезами-коричневорубашечниками, которым он был столь многим обязан. Он выбрал генералов. В начале июня Гитлер имел пятичасовой разговор с Ремом, во время которого он сделал последнюю попытку примириться и договориться с ним. Но с этим ненормальным фанати-

ком, пожираемым честолюбием, невозможен был никакой компромисс. Мистическую иерархическую великую Германию, о которой мечтал Гитлер, и пролетарскую республику народной армии, к которой стремился Рем, разделяла пропасть.

В рамках штурмовых отрядов были образованы немногочисленные, прекрасно обученные отборные части, бойцы которых носили черные мундиры. Они именовались СС, а впоследствии чернорубашечниками. Эти части предназначались для личной охраны фюрера и для выполнения специальных и конфиденциальных заданий. Ими командовал бывший неудачливый владелец птицефермы Генрих Гиммлер. Предвидя предстоящее столкновение между Гитлером и армией, с одной стороны, и Ремом с его коричневорубашечниками – с другой, Гиммлер позаботился о том, чтобы СС оказались в лагере Гитлера. С другой стороны, Рем имел в партии весьма влиятельных сторонников, которые, подобно Грегору Штрассеру, видели, что их жестокие планы социальной революции отбрасываются в сторону. В рейхсвере также были свои бунтовщики. Бывший канцлер фон Шлейхер не простил позора, пережитого им в январе 1933 года, а также того, что руководители армии не избрали его в преемники Гинденбурга. В столкновении между Ремом и Гитлером Шлейхер видел благоприятные возможности для себя.

События теперь разворачивались с огромной быстротой. 25 июня рейхсверу был отдан приказ не покидать казарм, а чернорубашечникам были выданы патроны. В свою очередь коричневорубашечники получили приказ быть наготове, и Рем с согласия Гитлера назначил на 30 июня в Висзее, на Баварских озерах, собрание всех старших руководителей этих отрядов. Гитлер был предупрежден о серьезной опасности 29 июня. Он вылетел в Годесберг, где к нему присоединился Геббельс, привезший с собой тревожные вести о предстоящем мятеже в Берлине. По словам Геббельса, адъютант Рема Карл Эрнст получил приказ попытаться организовать восстание. Это представляется маловероятным: Эрнст находился в то время в Бремене и готовился отплыть в свадебное путешествие.

Получив это сообщение, не известно, правдивое или ложное, Гитлер немедленно принял решение. Он приказал Герингу овладеть положением в Берлине. Сам же он вылетел в Мюнхен, намереваясь лично арестовать своих главных противников. В напряженный момент, когда решался вопрос о жизни или смерти, он показал себя страшным человеком. Всю дорогу он просидел рядом с пилотом, погруженный в мрачные мысли. Самолет приземлился на аэродроме близ Мюнхена 30 июня в 4 часа утра. Гитлера сопровождали кроме Геббельса около десятка личных телохранителей. Он направился в «коричневый дом» в Мюнхене, вызвал к себе руководителей местных отрядов СА и арестовал их. В 6 часов утра только с Геббельсом и своей маленькой свитой он отправился на автомобиле в Висзее.

Летом 1934 года Рем заболел и поехал в Висзее лечиться. Он устроился на маленькой даче, принадлежавшей его лечащему врачу. Трудно было подыскать менее подходящий штаб для организации немедленного восстания. Дача стояла в конце узкого тупика. Каждого входящего в дом или выходящего оттуда легко было проследить. Помещения, которое могло бы вместить всех участников предполагаемого собрания руководителей штурмовых отрядов, здесь не было. В доме был всего один телефон. Все это плохо вяжется с версией о непосредственной угрозе восстания. Если Рем и его сторонники действительно готовились поднять мятеж, то они проявили явную беспечность.

В 7 часов утра вереница автомобилей фюрера остановилась перед домиком Рема. Один, невооруженный, Гитлер поднялся по ступеням и вошел в спальню Рема. Что произошло между ними, никто никогда не узнает. Рем был застигнут врасплох, и арест его и его личного штаба произошел без всяких инцидентов. Вслед за тем небольшая компания вместе со своими пленниками выехала по дороге на Мюнхен. Случилось так, что вскоре им повстречалась колонна грузовиков с вооруженными коричневорубашечниками, которые направлялись приветствовать Рема на конференции, назначенной в Висзее на 12 часов дня. Гитлер вышел из машины, вызвал командира и властным тоном приказал ему увести своих солдат обратно. Ему тотчас же пови-

новались. Если бы он проезжал часом позже или они часом раньше, великие события могли бы принять иной оборот.

По прибытии в Мюнхен Рем и его приближенные были посажены в ту самую тюрьму, в которой он и Гитлер десять лет назад вместе отбывали заключение. Днем начались казни. В камеру к Рему был подложен револьвер, но так как он пренебрег этим приглашением к самоубийству, через несколько минут дверь камеры открылась, и он был изрешечен пулями. Казни в Мюнхене продолжались в течение всего дня, с короткими перерывами. Команды из восьми человек, наряженные для расстрела, приходилось время от времени сменять, так как психика бойцов не выдерживала напряжения. Но в течение нескольких часов залпы раздавались регулярно почти каждые десять минут.

Тем временем в Берлине Геринг, получив сигнал от Гитлера, повторил ту же процедуру. Однако здесь, в столице, убийцы не ограничивались при выборе жертв иерархией СА. Так, например, были застрелены в своем доме Шлейхер и его жена, которая хотела прикрыть его своим телом. Грегор Штрассер был арестован и умерщвлен. Личный секретарь Папена и другие близкие к нему лица также были расстреляны, однако по какой-то неизвестной причине его самого пощадили. Карл Эрнст, которого схватили в Бремене, нашел свой конец в казармах Лихтефельде, в Берлине. Здесь, как и в Мюнхене, залпы карательных команд слышались весь день. В эти сутки по всей Германии исчезло множество людей, не имевших никакого отношения к заговору Рема и оказавшихся жертвами личной мести, иногда за очень старые обиды. Так, например, Отто фон Кар, который в бытность свою главой баварского правительства подавил путч 1923 года, был найден мертвым в лесу около Мюнхена. Общее число ликвидированных лиц оценивается различно – от пяти до семи тысяч.

К концу этого кровавого дня Гитлер вернулся на самолете в Берлин. Пора было положить конец резне, принимавшей с каждой минутой все более широкие масштабы. В тот же вечер несколько эсэсовцев, которые от избытка усердия зашли далеко в расправах с заключенными, сами были казнены. Около часу ночи 1 июля грохот выстрелов смолк. Днем фюрер вышел на балкон имперской канцелярии принять приветствия собравшихся толп берлинцев, из которых многие думали, что он сам оказался жертвой. Одни говорят, что он выглядел измученным, другие – торжествующим. Вполне возможно, что он был и измученным, и торжествующим одновременно. Быстрота и жестокость, с которой он действовал, спасли его планы и, без сомнения, его жизнь. В эту «ночь длинных ножей», как стали ее называть, было сохранено единство национал-социалистской Германии, явившейся впоследствии бичом для всего мира.

Эта резня, хотя ее и можно было объяснить действием пришедших в движение страшных сил, показала, что новый хозяин Германии не остановится ни перед чем и что обстановка в Германии лишает ее всякого сходства с цивилизованным государством. Перед миром предстала диктатура, основанная на терроре, пропитанная кровью. В стране царил жестокий, разнузданный антисемитизм и уже действовала вся система концентрационных лагерей для всех нежелательных или политически инакомыслящих слоев населения.

* * *

В первой половине июля 1934 года на горных тропах, ведущих из Баварии на австрийскую территорию, наблюдалось усиленное движение. В конце июля в руки австрийской пограничной полиции попался германский курьер. При нем были найдены различные документы, и в том числе шифровальные коды, которые показывали, что план восстания был близок к осуществлению. Организатором государственного переворота должен был явиться Антон фон Ринтелен, в то время занимавший пост австрийского посланника в Италии. Дольфус и его министры не сразу реагировали на предостережения относительно приближающегося кризиса и на признаки предстоящего мятежа, ставшие вполне очевидными уже рано утром 25 июля.

Утром приверженцы нацистов в Вене привели себя в состояние боевой готовности. Около часу дня в канцелярию вошла группа вооруженных мятежников, и Дольфус, простреленный двумя пулями, остался лежать, истекая кровью. Другой отряд нацистов захватил радиостанцию и объявил об отставке правительства Дольфуса и о приходе к власти Ринтелена.

Однако остальные члены кабинета Дольфуса проявили твердость и энергию. Президент Миклас издал официальный приказ восстановить порядок любой ценой. Правительство возглавил министр юстиции Шушниг. Большая часть австрийской армии и полиции сплотилась вокруг его правительства. Они осадили здание канцелярии, где, окруженный небольшой группой мятежников, умирал Дольфус. Мятежи возникли также в провинциях, и отдельные подразделения австрийского легиона перешли границу Австрии из Баварии. К этому времени весть о случившемся уже дошла до Муссолини. Он тотчас же послал главе австрийского хеймвера князю Штарембергу телеграмму, в которой говорилось, что Италия поддержит независимость Австрии. Дуче специально вылетел в Венецию, чтобы принять вдову Дольфуса и выразить ей с подобающими церемониями свое соболезнование. В то же самое время три итальянские дивизии были направлены к Бреннерскому перевалу. Это заставило Гитлера, который знал пределы своей мощи, отступить. Германский посланник в Вене Рит и другие германские чиновники, причастные к мятежу, были отозваны либо смещены. Попытка не удалась. Требовался более длительный процесс. Папен, лишь недавно избегнувший кровавой бойни, был назначен германским посланником в Вену с заданием действовать более тонкими методами.

Папен был назначен германским посланником в Вену с явной целью организовать свержение Австрийской Республики. Перед ним стояла двойная задача: поддерживать подпольную австрийскую нацистскую партию, которой с этого момента выплачивалась ежемесячная субсидия в 200 тысяч марок, и подрывать силы или завоевывать на свою сторону ведущих политических деятелей Австрии.

В разгар всех этих трагедий и тревог скончался престарелый фельдмаршал Гинденбург, который совсем уже одряхлел за последние месяцы, а потому более чем когда-либо превратился в орудие в руках рейхсвера. Гитлер стал главой германского государства, сохранив также пост канцлера. Он стал теперь властелином Германии. Его сделка с рейхсвером была скреплена и подтверждена кровавой чисткой. Коричневорубашечники были принуждены к повиновению, и они вновь подтвердили свою верность фюреру. Все враги и потенциальные соперники были удалены из их рядов. С этого времени они утратили свое влияние и превратились в нечто вроде особой полиции, к услугам которой прибегали при отправлении различных церемоний. С другой стороны, отряды чернорубашечников, выросшие численно и окрепшие благодаря установленной дисциплине, а также предоставленным им привилегиям, превратились под руководством Гимmlера в преторианскую гвардию при особе фюрера в противовес лидерам армии и военной касте, а также в политические войска, значительная военная мощь которых служила опорой деятельности расширявшейся тайной полиции, или гестапо.

* * *

События в Австрии сблизили Францию и Италию, а потрясение, вызванное убийством Дольфуса, имело своим следствием установление контакта между генеральными штабами обеих стран. Угроза независимости Австрии способствовала пересмотру франко-итальянских отношений, который касался не только вопроса о равновесии сил в бассейне Средиземного моря и в Северной Африке, но и позиций Франции и Италии в Юго-Восточной Европе. Однако Муссолини стремился не только укрепить позиции Италии в Европе против потенциальной германской угрозы, но и обеспечить будущее ее империи в Африке. Французское правительство, одержимое страхом перед германской опасностью, было готово пойти на серьезные

уступки ради того, чтобы перетянуть на свою сторону Италию. В январе 1935 года Лаваль⁵ отправился в Рим, где подписал ряд соглашений, целью которых было устранить основные помехи во взаимоотношениях обеих стран. Оба правительства единодушно считали перевооружение Германии противозаконным. Они договорились консультироваться друг с другом в случае возникновения в будущем новой угрозы независимости Австрии. В колониальной сфере Франция пошла на уступки в вопросе о статусе итальянцев, проживающих в Тунисе, а также передала Италии некоторые участки территории, тянущиеся полосой вдоль границ Ливии и Сомали, и 20 процентов акций железной дороги Джибути – Аддис-Абеба. Эти переговоры должны были подготовить почву для более официального обсуждения между Францией, Италией и Великобританией вопроса о создании общего фронта против растущей германской угрозы. В последующие месяцы все это было перечеркнуто, однако, агрессией Италии в Абиссинии.

* * *

В декабре 1934 года произошло столкновение между итальянскими и абиссинскими солдатами возле колодца Уал-Уал, на границе между Абиссинией и Итальянским Сомали. Оно было использовано Италией в качестве предлога для заявления перед всем миром своих притязаний на Эфиопскую империю. Таким образом, в дальнейшем проблема обуздания Германии в Европе была осложнена и запутана судьбой Абиссинии.

* * *

В этой связи следует остановиться еще на одном событии. По условиям Версальского договора население Саарской области, этого маленького клочка германской территории, обладающего богатыми угольными месторождениями и важными металлургическими заводами, должно было по истечении 15-летнего срока решить путем плебисцита, желает ли оно вернуться в лоно Германии или нет. Плебисцит был назначен на январь 1935 года. В исходе его сомневаться не приходилось. Большинство, безусловно, должно было проголосовать за возвращение Саара в лоно германского отечества. Несомненность такого исхода подкреплялась еще и тем фактом, что Саарская область, хотя она и управлялась номинально комиссией Лиги Наций, на деле находилась под контролем местного центра нацистской партии.

Плебисцит состоялся 13 января 1935 года под наблюдением международной комиссии, в которой были и английские представители. 90,3 процента населения этого маленького клочка земли, вклинившегося между чужими владениями и являвшегося единственной, если не считать Данцига, территорией, находившейся под суверенитетом Лиги Наций, проголосовало за возвращение в лоно Германии. Этот моральный триумф национал-социализма, хотя и явившийся результатом нормальной и неизбежной процедуры, еще более поднял престиж Гитлера и, казалось, освятил его власть искренней демонстрацией воли германского народа.

Однако доказательства беспристрастности и справедливости Лиги Наций отнюдь не умиротворили Гитлера и не произвели на него решительно никакого впечатления. Несомненно, они лишь подтверждали его мнение, что союзники – это вырождающиеся глупцы. Со своей стороны, он продолжал сосредоточивать свое внимание на главной цели – расширении германских вооруженных сил.

⁵ В то время министр иностранных дел Франции.

Глава 7

Равенство в воздухе утрачено (1934–1935 гг.)

Германский генеральный штаб считал, что создание и развертывание германской армии, которая превосходила бы по своим масштабам французскую армию и была бы должным образом обеспечена в материально-техническом плане, удастся завершить не ранее 1943 года. Былая мощь германского военно-морского флота, если не считать подводных лодок, могла быть восстановлена не ранее чем через двенадцать или пятнадцать лет, причем этот процесс восстановления сильно затруднил бы осуществление всех прочих замыслов. Однако вместе со злосчастными открытиями, сделанными незрелой еще цивилизацией, – двигателем внутреннего сгорания и летным искусством – на сцене появилось новое орудие соперничества между народами, позволявшее гораздо быстрее изменять соотношение военной мощи государств. Для великого государства, имеющего доступ к постоянно увеличивающейся сокровищнице человеческих знаний и к достижениям науки, для государства, посвятившего себя этой задаче, потребовалось бы всего четыре-пять лет, чтобы создать мощную, а быть может, и самую мощную в мире авиацию. В воздухе, и только в воздухе, Гитлеру предоставлялась возможность сократить путь – сначала к достижению равенства с Францией и Англией, а затем и превосходства над ними в жизненно важной военной области. Но что предпримут Франция и Англия?

Было бы неверно при оценке политики английского правительства не учитывать того страстного стремления к миру, которым было проникнуто пребывавшее в неведении, дезинформированное большинство английского народа, – стремления, казалось, грозившего политическим уничтожением всякой партии или политического деятеля, которые осмелились бы проводить какую-либо иную линию. Это, конечно, не оправдывает политических руководителей, оказывающихся не на высоте своего долга. Для партии или политических деятелей гораздо лучше лишиться власти, нежели поставить под угрозу жизнь нации. К тому же наша история не знает случая, чтобы какое-либо правительство, требовавшее согласия парламента и народа на проведение необходимых оборонительных мероприятий, получило бы отказ. Но все же тем, кто своими запугиваниями сбил с пути робкое правительство Макдональда – Болдуина, следовало бы по крайней мере помалкивать.

Бюджетные ассигнования на авиацию, обсуждавшиеся в марте 1934 года, составляли всего 20 миллионов фунтов стерлингов и предусматривали создание четырех новых эскадрилий, что увеличивало число наших самолетов первой линии с 850 до 890. Общие затраты в течение первого года равнялись всего 130 тысячам фунтов стерлингов.

По этому поводу я сказал:

«Установлено, что мы являемся всего лишь пятой по значению авиационной державой, и то – в лучшем случае. По своей мощи наша авиация равна лишь половине авиации Франции, нашего ближайшего соседа. Германия вооружается очень быстро, и никто не собирается ей в этом препятствовать.

Я страшусь того дня, когда в руках нынешних правителей Германии очутится оружие, позволяющее угрожать самому сердцу Британской империи. Нужны меры, которые позволили бы нам достигнуть равенства в воздухе. Ни одно государство, играющее в мире такую роль, какую играем мы и хотим играть в будущем, не может позволить себе находиться в таком положении, при котором его можно было бы шантажировать...»

Я обратил свой призыв к Болдуину как к человеку, облеченному необходимой властью, чтобы действовать. В его руках была власть, на него ложилась и ответственность. В своем ответе Болдуин сказал:

«Если все наши усилия достигнуть соглашения потерпят неудачу и если окажется невозможным достигнуть этого равенства в указанных мною областях, тогда любое правительство

нашей страны, а тем более национальное правительство, данное правительство, позаботится о том, чтобы в отношении численности и мощи военно-воздушных сил наша страна не уступала ни одной стране, находящейся от нас в радиусе действия авиации».

Это было торжественное и вполне определенное обещание, которое было дано в такой момент, когда оно почти наверняка могло быть осуществлено, если бы меры были энергичными и проводились в широких масштабах.

* * *

Тем не менее, когда 20 июля 1934 года правительство внесло несколько запоздалых и неудовлетворительных предложений об увеличении английских военно-воздушных сил на 41 эскадрилью, или примерно на 820 самолетов, причем строительство их должно было быть завершено лишь через пять лет, лейбористская партия, поддержанная либералами, выступила в палате общин против этого.

В обоснование полнейшего отказа оппозиции принять какие-либо меры для укрепления нашей авиации Эттли, выступавший от ее имени, заявил следующее:

«Мы отрицаем необходимость увеличения наших воздушных сил... Мы не согласны с утверждением, будто усиление английской авиации будет содействовать сохранению мира во всем мире, и мы полностью отвергаем всякие претензии на равенство».

Либеральная партия поддержала эту резолюцию о вотуме недоверия.

Если мы вспомним, что все это говорили, тщательно взвесив свои слова, ответственные руководители партий, становится очевидной опасностью, грозившая нашей стране. Это было время, когда все находилось еще только в стадии формирования и когда ценой крайнего напряжения наших усилий мы еще могли сохранить свою военно-воздушную мощь, от которой зависела наша свобода действий. Если бы Великобритания и Франция сохранили каждая количественное равенство с Германией в области авиации, то вместе они были бы вдвое сильнее ее и могли бы пресечь карьеру Гитлера, эту карьеру насилий, в самом ее начале, не пожертвовав ни единой жизнью. Когда же этот момент миновал, было уже слишком поздно...

* * *

Я мог настаивать на перевооружении, выступая как сторонник правительства. Поэтому консервативная партия выслушала меня с необычной для нее благосклонностью.

«Для врага мы легкая и богатая добыча. Ни одна страна не является столь уязвимой, как наша, и ни одна не сулит грабителю большей поживы... Мы – с нашей огромной столицей, этой величайшей мишенью в мире, напоминающей как бы огромную, жирную, дорогую корову, привязанную для приманки хищников, – находимся в таком положении, в каком мы никогда не были в прошлом и в каком ни одна другая страна не находится в настоящее время.

Мы должны запомнить: наша слабость затрагивает не только нас самих; наша слабость затрагивает также стабильность Европы».

Далее я доказывал, что Германия уже приближается к равенству с Англией в области авиации.

«Во-первых, я утверждаю, что Германия в нарушение мирного договора уже создала военную авиацию, равную по своей мощи почти двум третям нынешних оборонительных воздушных сил нашей метрополии.

Во-вторых, я утверждаю, что Германия быстро расширяет эту авиацию. К концу 1935 года германская авиация будет почти равна по числу самолетов и по своей боеспособности оборонительным воздушным силам нашей метрополии, даже если к тому времени нынешние предложения правительства будут осуществлены.

В-третьих, я утверждаю, что если Германия будет продолжать расширение своей авиации, а мы будем продолжать осуществление наших программ, то примерно в 1936 году Германия, безусловно, будет обладать значительно большей воздушной мощностью, чем Великобритания.

В-четвертых, я хочу обратить внимание на обстоятельство, которое особенно внушает тревогу: если только они опередят нас, мы уже никогда не сможем их догнать».

* * *

Рассказывая обо всем этом, нельзя не упомянуть об основных вехах пройденного нами длинного пути от безопасности прямо в когти смерти. Оглядываясь назад, я поражаюсь, как много времени было в нашем распоряжении. Англия могла еще в 1933-м или даже в 1934 году создать авиацию, которая поставила бы границы честолюбивым притязаниям Гитлера или, быть может, позволила бы военным руководителям Германии сдерживать его неистовые выходки. Прежде чем мы очутились перед лицом величайшего испытания, суждено было пройти еще долгим пяти с лишним годам. Если хотя бы в тот момент мы действовали с должной предусмотрительностью и энергией, это испытание могло миновать нас. Опираясь на превосходящую авиацию, Англия и Франция могли спокойно обратиться за помощью к Лиге Наций, и все государства Европы объединились бы вокруг них. Лига впервые получила бы в свои руки орудие утверждения своей власти. В конце марта (1935 год) министр иностранных дел и Иден нанесли визит Гитлеру в Германии и в ходе весьма важного разговора, который был запротоколирован, услышали из его собственных уст, что германская авиация уже достигла равенства с английской⁶. Этот факт был сообщен правительством 3 апреля. В начале мая премьер-министр напечатал в своем органе «Ньюс леттер» статью, в которой подчеркивал опасность перевооружения Германии почти в тех же выражениях, которые я так часто использовал начиная с 1932 года.

* * *

Мой родственник и друг детства лорд Лондондерри возглавлял министерство авиации. Когда министр иностранных дел вернулся из Берлина, чрезвычайно пораженный утверждением Гитлера, что его авиация равна по мощи английской авиации, весь кабинет проникся глубокой тревогой. Правительство и не подозревало, что Англию догнали в области авиации. Как обычно бывает в таких случаях, оно устремило инквизиторский взгляд на министерство, ведавшее этой областью, и на его руководителя.

Министерство авиации не отдавало себе отчета в том, что времена изменились. Оковы казначейства были сброшены. Ему достаточно было просто потребовать большего. Однако вместо этого министерство занялось тем, что решительно выступило против претензий Гитлера на равенство в воздухе. Лондондерри, выступавший как представитель министерства, утверждал, что «когда Саймон и Иден отправились в Берлин, Германия располагала одной-единственной боевой эскадрилей. Немцы рассчитывали сформировать к концу месяца из учебных команд от 15 до 20 эскадрилий». Министерство авиации втянуло своего начальника в пространные оправдания своей собственной линии поведения в прошлом. В результате его позиция оказалась в полнейшей дисгармонии с новыми настроениями правительства и народа, которые были по-настоящему встревожены. Долгое время скрывавшаяся мощная германская авиация, по меньшей мере равная нашей собственной, наконец появилась на свет совершенно

⁶ Министром иностранных дел в то время был Джон Саймон, а Иден был лордом – хранителем печати.

открыто. Ввиду этого уход Рамсея Макдональда с поста премьер-министра, последовавший спустя некоторое время в том же году, послужил также поводом для назначения министром авиации сэра Филиппа Канлифф-Листера, тогдашнего министра колоний. Это было частью новой политики энергичного расширения военно-воздушных сил.

Крупнейшим достижением периода пребывания Лондондерри в министерстве авиации явилось создание и усовершенствование прославленных истребителей «харрикейн» и «спит-файр». Первые образцы этих самолетов прошли летные испытания – один в ноябре 1935 года и другой в марте 1936 года. Лондондерри не упоминает об этом в свою защиту, хотя он мог бы это сделать, поскольку принял на себя вину за многое, в чем был неповинен. Новый министр, пользуясь благоприятной обстановкой, распорядился о немедленном массовом производстве этих самолетов, и некоторое количество их было произведено, хотя и не слишком скоро.

* * *

Величайшее бедствие постигло нас. Гитлер уже добился равенства с Великобританией. Отныне ему оставалось только пустить на полный ход свои заводы и летные школы, чтобы не только сохранить превосходство в воздухе, но и неуклонно увеличивать его. Все те неизвестные и неизмеримые опасности, которыми грозило Лондону нападение с воздуха, становились отныне определенным, неотвратимым фактором, подлежащим учету во всех наших решениях. К тому же мы уже не в состоянии были догнать Германию, или по крайней мере правительство не сумело этого сделать. В течение последующих четырех лет английское правительство приложило весьма серьезные усилия, и мы, бесспорно, добились превосходства в качестве авиации. Однако в отношении количества мы уже ничего не могли поделать. Когда началась война, численность нашей авиации едва достигала половины германской.

Глава 8

Вызов и реакция на него (1935 г.)

Годы тайных подкопов, секретных или замаскированных приготовлений были теперь позади, и Гитлер наконец почувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить миру свой первый открытый вызов. 9 марта 1935 года было объявлено об официальном существовании германской авиации, а 16 марта – что германская армия будет впредь базироваться на всеобщей обязательной воинской повинности. В скором времени были приняты соответствующие законы, требовавшиеся для осуществления этих решений, но практические мероприятия были начаты заблаговременно. Французское правительство, хорошо информированное о том, что должно было произойти, в тот же знаменательный день, но на два часа раньше объявило об увеличении ввиду сложившихся обстоятельств срока службы во французской армии до двух лет.

Германская акция представляла собой открытый, официальный выпад против мирных договоров, лежавших в основе Лиги Наций. Пока нарушения носили характер различных уверток или же маскировались другими названиями, ответственным за соблюдение этих договоров державам-победительницам, одержимым пацифизмом и занятым своими внутренними политическими проблемами, было легко избегать обязывающей констатации того факта, что мирный договор нарушается или же отвергается. Теперь этот вопрос встал со всей остротой.

Почти в тот же самый день правительство Абиссинии обратилось к Лиге Наций с протестом против угрожающих требований Италии. Когда на фоне всех этих событий сэр Джон Саймон и лорд – хранитель печати Иден посетили 24 марта по приглашению Гитлера Берлин, французское правительство сочло, что момент для этого выбран неудачно. Франции пришлось теперь срочно заняться не сокращением своей армии, чего так настойчиво от нее требовал за

год до этого Макдональд, а увеличением срока обязательной воинской повинности с одного года до двух. При господствовавшем в то время настроении общественности это было трудной задачей. Соединенные Штаты, поскольку дело касалось Европы, умыли руки и лишь всем желали добра. Они были уверены, что им никогда больше не придется беспокоиться об европейских делах. Но Франция, Великобритания и, безусловно, также Италия, несмотря на все разногласия между ними, считали необходимым выступить против этого явного нарушения мирного договора со стороны Гитлера. В Стрезе была созвана под эгидой Лиги Наций конференция бывших главных союзников, на которой были обсуждены все эти вопросы.

* * *

Энтони Иден на протяжении примерно десяти лет почти всецело был поглощен изучением вопросов внешней политики. В коалиционном правительстве Макдональда – Болдуина, сформированном в 1931 году, он был назначен заместителем министра иностранных дел сэра Джона Саймона.

Внешнеполитический курс сэра Джона Саймона в 1935 году не встречал одобрения ни у оппозиции, ни у влиятельных кругов консервативной партии. Поэтому Иден с его знаниями и исключительными способностями стал все более выдвигаться. Вот почему, будучи с конца 1934 года лордом – хранителем печати, он, по желанию кабинета, продолжал поддерживать неофициальную, но тесную связь с министерством иностранных дел и был приглашен сопровождать своего бывшего шефа сэра Джона Саймона в его несвоевременной, но не безрезультатной поездке в Берлин. Вслед за тем Иден был послан в Москву, где он установил контакт со Сталиным – контакт, который предстояло спустя несколько лет с успехом восстановить. На обратном пути его самолет был застигнут жестокой и длительной грозой. Когда они приземлились наконец после этого опасного полета, Иден находился в состоянии почти полного изнеможения. Врачи объявили, что он не может по состоянию здоровья сопровождать Саймона на конференцию в Стрезу, и действительно, в течение нескольких месяцев он был болен. Ввиду этого премьер-министр решил сам сопутствовать министру иностранных дел, хотя в это время его собственное здоровье, зрение и ясность мысли явно начинали ему изменять. Таким образом, Великобритания была слабо представлена на этом важнейшем совещании, на котором от Франции присутствовали Фланден и Лаваль, а от Италии – Муссолини и Сувич.

Все были единодушны в том, что открытое нарушение торжественных обещаний, ради которых миллионы людей отдали свои жизни, недопустимо. Однако английские представители с самого начала дали понять, что они не считают возможным применение санкций в случае нарушения договора. Это, естественно, свело конференцию к одним словопрениям. Единогласно была принята резолюция, в которой говорилось, что с односторонними нарушениями договоров нельзя мириться. Резолюция призывала Совет Лиги Наций высказаться по поводу сложившейся ситуации. На второй день работы конференции Муссолини решительно поддержал это решение и весьма энергично высказался против агрессии какой-либо одной державы в отношении другой.

Заключительная декларация конференции гласила:

«Три державы, целью политики которых является коллективное поддержание мира в рамках Лиги Наций, единодушно признают необходимым противодействовать всеми возможными средствами всякому одностороннему отказу от договоров, который может поставить под угрозу мир в Европе, и будут с этой целью действовать в тесном сотрудничестве».

Итальянский диктатор подчеркнул в своей речи слова «мир в Европе» и выдержал многозначительную паузу после слов «в Европе». Это ударение на «Европе» тотчас же привлекло внимание представителей английского министерства иностранных дел. Они наострили уши, отлично понимая, что, хотя Муссолини готов действовать заодно с Францией и Англией, чтобы

помешать Германии перевооружиться, он оставляет за собой свободу действий в Африке, где может впоследствии предпринять любое выступление против Абиссинии, какое только ему заблагорассудится. Следует ли поднять этот вопрос? Об этом спорили в тот вечер чиновники министерства иностранных дел. Все так стремились заручиться поддержкой Муссолини против Германии, что было признано нежелательным делать ему в этот момент какие-либо предостережения относительно Абиссинии, которые, несомненно, вызвали бы у него сильнейшее раздражение. Поэтому этот вопрос не был поднят, он был обойден, и Муссолини решил – в известном смысле не без оснований, – что союзники молчаливо согласились с его заявлением и готовы предоставить ему свободу действий в отношении Абиссинии. Французы по этому поводу не высказались, и участники конференции разъехались.

15–17 апреля Совет Лиги Наций рассмотрел заявление о нарушении Германией Версальского договора, выразившемся во введении всеобщей обязательной воинской повинности. В Совете были представлены следующие державы: Аргентина, Австрия, Великобритания, Чили, Чехословакия, Дания, Франция, Германия, Италия, Мексика, Польша, Португалия, Испания, Турция и СССР. Все эти державы голосовали за поддержку того принципа, что договоры не должны нарушаться путем односторонней акции. Решено было передать вопрос на обсуждение пленарного заседания ассамблеи Лиги. В то же самое время министры иностранных дел трех скандинавских стран – Швеции, Норвегии, Дании – и Голландии, глубоко обеспокоенные вопросом о равновесии военно-морских сил в районе Балтики, также собрались и заявили о своей поддержке указанного принципа. Официальный протест против действий Германии заявили в общей сложности 19 государств. Но какую цену имели все их резолюции, если они не были подкреплены готовностью хотя бы одной из держав или какой-либо группы держав прибегнуть к силе даже в качестве самого крайнего средства!

* * *

Лаваль не был склонен подходить к России с непоколебимым духом Барту. Однако Франция испытывала сейчас острую нужду в одном. Тем, кто принимал близко к сердцу жизнь Франции, казалось необходимым добиться прежде всего единодушной поддержки народом закона о двухгодичной воинской повинности, который был принят в марте лишь незначительным большинством. Только советское правительство могло дать значительной части французов, питавших к нему чувство верности, разрешение оказать поддержку этому закону. Кроме того, во Франции ощущалось всеобщее стремление к возрождению старого союза или чего-нибудь вроде этого. 2 мая французское правительство поставило свою подпись под франко-советским пактом. Это был расплывчатый документ, гарантировавший взаимную помощь в случае возникновения агрессии. Срок действия пакта был определен в 5 лет.

Чтобы добиться осязаемых политических результатов в стране, Лаваль нанес трехдневный визит в Москву, где был радушно принят Сталиным. Они вели долгие переговоры, из которых можно здесь воспроизвести один отрывок, нигде до сих пор не опубликованный. Сталин и Молотов, конечно, стремились прежде всего выяснить, какова будет численность французской армии на Западном фронте, сколько дивизий, каков срок службы. После того как с вопросами такого характера было покончено, Лаваль спросил:

«Не можете ли вы сделать что-нибудь для поощрения религии и католиков в России? Это бы так помогло мне в делах с папой».

«Ого! – воскликнул Сталин. – Папа! А у него сколько дивизий?»

Мне не передавали, что ответил на это Лаваль, но он мог бы, конечно, упомянуть о тех легионах, которые не всегда можно узреть на парадах. Лаваль отнюдь не собирался связать Францию какими-либо точно сформулированными обязательствами, на которых Советы имеют обыкновение настаивать. И все же он добился того, что 15 мая было опубликовано заяв-

ление Сталина, в котором одобрялась политика национальной обороны, проводимая Францией с целью поддержания ее вооруженных сил на уровне, обеспечивающем ее безопасность. Франко-советский пакт, не связывавший ту или другую из договаривающихся сторон какими-либо обязательствами на случай германской агрессии, как фактор европейской безопасности имел лишь ограниченное значение. Франция не достигла настоящего союза с Россией. К тому же на обратном пути французский министр иностранных дел остановился в Кракове, чтобы присутствовать на похоронах маршала Пилсудского. Там он встретил Геринга, с которым вел самые сердечные беседы. Его высказывания, выражавшие недоверие и неприязнь к Советам, были неукоснительно доведены через немецкие каналы до сведения Москвы.

Здоровье и силы Макдональда ослабли до такой степени, что дальнейшее пребывание его премьер-министром стало уже невозможным. Поэтому, когда 7 июня было объявлено, что Макдональд и Болдуин поменялись постами в правительстве и что Болдуин в третий раз стал премьер-министром, это ни для кого не явилось неожиданностью. Министерство иностранных дел также перешло в другие руки. Сэр Джон Саймон был теперь переведен в министерство внутренних дел, с кругом деятельности которого он был хорошо знаком, а сэр Сэмюэль Хор стал министром иностранных дел.

Одновременно Болдуин применил одно нововведение. Он назначил Идена, престиж которого неуклонно повышался и здоровье которого к этому времени восстановилось, министром по делам Лиги Наций. Иден получил равный статус с министром иностранных дел.

* * *

В описанных выше обстоятельствах английское правительство предприняло совершенно неожиданный шаг. Инициатива, по крайней мере отчасти, исходила от военно-морского министерства. Между английским и германским военно-морскими министерствами с некоторых пор велись переговоры о соотношении флотов обеих стран. По Версальскому договору немцы имели право построить не более четырех линкоров водоизмещением 10 тысяч тонн каждый в дополнение к шести крейсерам также водоизмещением 10 тысяч тонн. Однако английское адмиралтейство недавно обнаружило, что два последних из строящихся карманных линкоров – «Шарнхорст» и «Гнейзенау» – гораздо больше по своим размерам, чем это разрешено договором, и совершенно иного типа. В действительности это были легкие линейные крейсера водоизмещением 26 тысяч тонн.

В связи с этим наглым и мошенническим нарушением мирного договора, тщательно подготовленным и начатым по меньшей мере двумя годами раньше (в 1933 году), адмиралтейство сочло целесообразным заключить англо-германское морское соглашение. Правительство Его Величества сделало это, не проконсультировавшись со своим французским союзником и не поставив в известность Лигу Наций. Обращаясь к Лиге и заручаясь поддержкой ее членов для выражения протеста против нарушения Гитлером военных статей мирного договора, оно одновременно уничтожало с помощью частного соглашения морские статьи того же договора.

Главной чертой соглашения было условие, чтобы германский военно-морской флот не превышал одной трети английского флота. Это очень прельщало военно-морское министерство, которое оглядывалось на те дни перед великой войной, когда мы довольствовались соотношением 16: 10. Ради этой перспективы и принимая заверения немцев за чистую монету, наше министерство соглашалось признать за Германией право на строительство подводных лодок, что категорически запрещалось мирным договором. Германии разрешалось построить такое количество подводных лодок, которое составило бы 60 процентов от числа английских подводных лодок, в случае же исключительных, по ее мнению, обстоятельств она могла построить и все 100 процентов. Немцы, конечно, дали заверения, что их подводные лодки никогда не будут использованы для борьбы против торговых судов. Для чего же в таком случае они

предназначались? Ведь ясно, что, если бы остальная часть соглашения была соблюдена, они не могли оказать влияния на исход морских операций, поскольку это касалось военных кораблей.

Установление для германского флота предельных размеров, равных одной трети английского, означало, что Германии разрешалась такая судостроительная программа, которая должна была до предела загрузить ее верфи по меньшей мере на десять лет. Таким образом, расширение германских военно-морских сил практически ничем не ограничивалось и не сдерживалось. Немцы могли строить новые корабли так быстро, как это позволяли физические возможности.

Установленная английским проектом для Германии квота судов была даже гораздо щедрее той, которую Германия считала целесообразным использовать. Отчасти это, несомненно, объяснялось тем, что ей приходилось считаться с конкуренцией между танковой и судостроительной промышленностью из-за получения бронеплит. Немцам было разрешено построить 5 линкоров, 2 авианосца, 21 крейсер и 64 эсминца. Фактически же они имели к началу войны готовыми или близящимися к окончанию строительства: 2 линкора, 11 крейсеров, 25 эсминцев и ни одного авианосца – то есть значительно меньше половины того, что мы так благодушно разрешили им построить.

Сконцентрировав все свои наличные ресурсы на строительстве крейсеров и эсминцев за счет линкоров, они могли поставить себя в более выгодное положение на случай войны с Англией в 1939-м или 1940 году. Как мы теперь знаем, Гитлер уведомил адмирала Редера, что война с Англией едва ли начнется ранее 1944-го или 1945 года. Таким образом, планы расширения германского военно-морского флота были рассчитаны на длительный срок. Немцы достигли максимально установленного для них предела только в строительстве подводных лодок. Как только они оказались в силах превысить 60-процентный лимит, они воспользовались той статьей соглашения, которая разрешала им довести строительство до 100 процентов, так что к началу войны ими было построено 57 подводных лодок.

В проектировании новых линкоров преимущество немцев состояло в том, что они не были участниками Вашингтонского морского соглашения или Лондонской конференции. Они немедленно заложили «Бисмарк» и «Тирпиц». И в то время как Англия, Франция и Соединенные Штаты были связаны пределом 35 тысяч тонн, эти два огромных корабля должны были иметь водоизмещение свыше 45 тысяч тонн, так что, когда строительство их было закончено, они оказались самыми мощными кораблями в мире.

С дипломатической точки зрения Гитлеру было также весьма выгодно в тот момент расколоть союзников, добиться того, что один из них готов был простить нарушения Версальского договора, и заключением соглашения с Англией санкционировать восстановление для Германии полной свободы перевооружения. Сообщение об этом соглашении явилось новым ударом по Лиге Наций. Французы имели все основания жаловаться, что разрешение на строительство подводных лодок, данное немцам Великобританией, затрагивает жизненные интересы Франции. Муссолини усмотрел в этом факте свидетельство того, что Великобритания недобросовестно ведет себя в отношении своих союзников и что при условии обеспечения ее специфических интересов как морской державы она готова идти на любые сделки с Германией, какой бы ущерб они ни наносили дружественным державам, находящимся под угрозой в связи с ростом германских наземных сил. Выглядевшая циничной и эгоистичной позиция Великобритании поощрила Муссолини к более энергичному осуществлению своих планов в отношении Абиссинии.

Скандинавские страны, которые всего за две недели до этого мужественно поддержали протест против введения Гитлером обязательной воинской повинности в германской армии, обнаружили теперь, что Великобритания за кулисами санкционировала создание германского военно-морского флота. Правда, он должен был равняться лишь одной трети английского, но и в этих пределах он становился хозяином Балтики.

Соглашение это не только не являлось шагом по пути к разоружению, но, напротив, в случае осуществления его на протяжении нескольких лет оно неизбежно привело бы к развертыванию строительства новых военных кораблей во всем мире. Потребовалась бы реконструкция всего французского военно-морского флота, если не считать его новейших судов. Это в свою очередь оказало бы воздействие на Италию. Что касается нас самих, то было очевидно, что для сохранения нашего тройного превосходства над немцами в современных кораблях мы должны провести весьма значительную реконструкцию английского флота. Возможно, что формула, согласно которой германский флот должен был равняться одной трети английского, истолковывалась нашим морским министерством в том смысле, что английский флот должен быть в три раза больше германского. Это, пожалуй, могло бы расчистить путь для разумной и давно уже требовавшейся перестройки нашего флота.

В действительности же было достигнуто только то, что Германии было позволено в течение пяти или шести последующих лет развернуть строительство новых военных кораблей в таких размерах, какие только позволяли ее физические возможности.

* * *

В военной области официальное введение 16 марта 1935 года воинской повинности в Германии означало серьезный вызов Версалю. Однако методы, применявшиеся ныне для расширения и реорганизации германской армии, представляют не только технический интерес. Надо было дать определение тем функциям, которые отводятся армии в национал-социалистском государстве. Целью закона от 21 мая 1935 года было расширить избранный круг прошедших тайную подготовку технических специалистов путем вооружения всей нации.

Наименование «рейхсвер» было заменено на «вермахт». Армия подчинялась верховному руководству фюрера. Каждый солдат приносил теперь присягу не конституции, а лично Адольфу Гитлеру. Военное министерство было поставлено в непосредственное подчинение фюреру. Военная служба была объявлена важнейшим гражданским долгом, и в задачу армии вменялось просветить население рейха и объединить его раз и навсегда. Вторая статья закона гласила:

«Вермахт есть вооруженные силы и школа военного обучения германского народа».

В этом законе нашли свое официальное юридическое воплощение следующие слова из гитлеровской «Майн кампф»:

«Грядущее национал-социалистское государство не должно впадать в ошибку прошлого и приписывать армии задачи, которых у нее нет и быть не может. Германская армия не должна быть школой сохранения племенных особенностей, напротив, она должна быть школой, учащей всех немцев взаимному приспособлению и взаимопониманию. Все, что в жизни нации разъединяет, армия должна объединить. Кроме того, она должна поднять каждого юношу выше узких интересов его родной округи, заставить его ощутить свою связь с германской нацией в целом.

Он должен научиться уважать не границы своего родного местечка, а границы своего отечества, ибо и ему придется их со временем защищать».

На основе этих идеологических принципов законом устанавливалась также новая территориальная структура. Армия отныне делилась на три зоны со штабами в Берлине, Касселе и Дрездене. Каждая из них подразделялась на 10 (впоследствии на 12) военных округов. Каждый военный округ включал один армейский корпус, состоящий из трех дивизий. Кроме того, было запланировано создание воинских формирований нового вида – бронетанковых дивизий. Три такие дивизии были действительно созданы в скором времени.

Порядок прохождения военной службы был также разработан во всех деталях. Новый режим ставил своей главной задачей подчинение германской молодежи строгой регламента-

ции. Немецкие мальчики зачислялись сначала в организацию «гитлеровской молодежи», а по достижении 18-летнего возраста на добровольных началах вступали на два года в отряды СА. По закону от 26 июня 1935 года каждый немец, достигший двадцатилетнего возраста, должен был в принудительном порядке отслужить свой срок в рабочих батальонах. Он должен был шесть месяцев служить родине, прокладывая дороги, строя казармы или осушая болота и подготавливая себя таким образом физически и морально к выполнению наивысшего долга германского гражданина – службе в вооруженных силах. В рабочих батальонах главный упор делался на ликвидацию классовых различий и подчеркивание социального единства германского народа, а в армии – на дисциплину и территориальное единство страны.

Теперь приступили к осуществлению гигантской задачи обучения новой армии и расширения ее кадров в соответствии с технической концепцией Секта. 15 октября 1935 года, опять-таки в нарушение Версальского договора, вновь была открыта германская академия генерального штаба. На официальной церемонии присутствовали Гитлер и представители верховного командования. Это была вершина той пирамиды, основанием которой служили бесчисленные рабочие батальоны. 7 ноября 1935 года был призван в армию первый класс рекрутов 1914 года рождения – 596 тысяч юношей, которые должны были пройти обучение военному ремеслу. Таким образом, численность германской армии единым росчерком пера была доведена, по крайней мере на бумаге, почти до 700 тысяч бойцов.

Помимо задачи обучения возникли проблемы финансирования перевооружения и расширения германской промышленности для удовлетворения нужд новой национальной армии. Секретным приказом Шахт был назначен фактическим экономическим диктатором Германии. Результаты подготовительной работы, проведенной в свое время Сектом, подверглись теперь решающему испытанию. Наибольшие трудности представляло, во-первых, расширение офицерского корпуса и, во-вторых, создание специализированных частей – артиллерии, инженерных войск и войск связи. К октябрю 1935 года было закончено формирование 10 армейских корпусов, еще два были созданы год спустя, и 13-й корпус – в октябре 1937 года. Полицейские части также были включены в состав вооруженных сил.

Было известно, что после первого призыва рекрутов 1914 года рождения последующие годы как в Германии, так и во Франции дадут меньшее число рекрутов в связи с сокращением рождаемости в период мировой войны. Поэтому в августе 1936 года срок действительной военной службы в Германии был увеличен до двух лет.

Следующие цифры, которые довольно точно были предугаданы статистиками, говорят сами за себя:

Сравнительная численность рекрутов 1914–1920 года рождения, призывавшихся с 1934 по 1940 год во Франции и Германии

Год рождения	Германия	Франция
1914	596 000	279 000
1915	464 000	184 000
1916	351 000	165 000
1917	314 000	171 000
1918	326 000	197 000
1919	485 000	218 000
1920	636 000	360 000
Итого	3 172 000	1 574 000

Эти цифры казались лишь предостерегающей тенью, пока с течением времени они не стали фактом. Все то, что было создано немцами вплоть до 1935 года, уступало по численности и мощи французской армии с ее огромными резервами, не говоря уже о ее многочисленных и сильных союзниках. Даже и теперь еще твердое решение, опирающееся на авторитет Лиги Наций, поддержкой которой легко было заручиться, могло бы приостановить весь этот процесс. Германию можно было призвать к ответу в Женеве и предложить ей дать исчерпывающие объяснения и потребовать, чтобы она разрешила межсоюзническим расследовательским миссиям ознакомиться с состоянием ее вооружений и с теми воинскими формированиями, которые были ею созданы в нарушение мирного договора. Или же, в случае ее отказа, предостерегающие укрепления на Рейне могли быть вновь оккупированы до тех пор, пока не было бы обеспечено выполнение мирного договора. При этом исключалась всякая возможность эффективного сопротивления со стороны Германии и было маловероятно, чтобы эта операция привела к кровопролитию. Действуя таким образом, можно было предотвратить Вторую мировую войну или по крайней мере оттянуть ее возникновение на неопределенно долгий срок.

Многие факты и общая тенденция их развития хорошо были известны французскому и английскому генеральным штабам, но правительства не столь ясно их сознавали.

Французское правительство, находившееся в результате увлечения партий политической игрой в состоянии вечной неустойчивости, и английское правительство, оказавшееся жертвой тех же пороков в итоге противоположной общей склонности к покою, были одинаково неспособны на какие-либо радикальные и четкие действия, сколько бы эти последние ни оправдывались мирным договором и здравым смыслом. Французское правительство не согласилось осуществить все то сокращение своих вооруженных сил, на котором настаивал его союзник, но, подобно своим английским коллегам, оно было неспособно оказать сколько-нибудь эффективное сопротивление тому, что Сект в свое время назвал «воскрешением военной мощи Германии».

Глава 9

Воздушные и морские проблемы (1935–1939 гг.)

Теперь необходимо остановиться на решениях технического характера, имевших важное значение для нашей будущей безопасности. В этой главе целесообразно охватить все четыре года, непосредственно предшествовавшие войне.

После утраты равенства в воздухе мы оказались уязвимы для гитлеровского шантажа. Если бы мы своевременно приняли меры к тому, чтобы создать воздушные силы вдвое более мощные, нежели те, которые Германия могла создать в нарушение мирного договора, мы сохранили бы за собой контроль в будущем. Но даже простое равенство в воздухе, которое никто бы не мог расценить как проявление агрессивности, в значительной мере дало бы нам в эти критические годы уверенность в своих оборонительных возможностях, а также могло бы послужить основой для нашей дипломатии и способствовало бы дальнейшему расширению наших военно-воздушных сил. Но равенство в воздухе было утрачено, и все попытки восстановить его оказывались тщетными. Мы вступили в такой период, когда оружие, игравшее значительную роль в прошлой войне, всецело овладело умами и превратилось в важнейший военный фактор. Министры рисовали себе самые страшные картины разрушения и кровопролития в Лондоне, которые могли явиться результатом нашей ссоры с германским диктатором. Хотя соображения такого рода не были специфическими для Великобритании, они отражались на нашей политике, а следовательно, и на всем мире.

Летом 1934 года профессор Линдемман обратился в «Таймс» с письмом, в котором указывал, что исследовательская работа в области противовоздушной обороны может дать важнейшие научные результаты. В августе мы попытались привлечь к этому вопросу внимание

не только чиновников министерства авиации, которые уже пришли в движение, но и их руководителей в правительстве. Мы считали, что этот вопрос должен быть передан из ведения министерства авиации в ведение Комитета имперской обороны, где руководители правительства, наиболее влиятельные политические деятели страны, имели возможность осуществлять наблюдение и контроль за его действиями, а также обеспечить выделение надлежащих финансовых средств. Министерство авиации, со своей стороны, с негодованием возражало против того, чтобы какой-либо посторонний или вышестоящий орган вмешивался в его специальную область. В результате в течение некоторого времени дело не двигалось с мертвой точки.

Поэтому 7 июня 1935 года я заговорил об этом в парламенте:

«Данный вопрос носит ограниченный и в большей мере научный характер. Речь идет о тех методах, которые могут быть изобретены, применены или открыты, с тем чтобы можно было с земли контролировать воздух, чтобы дать наземным оборонительным силам возможность осуществлять контроль или даже господство над самолетами, находящимися на большой высоте... Мой опыт подсказывает мне, что в таких случаях, когда военные и политические власти исчерпывающим образом разъяснят, в чем именно ощущается потребность, наука всегда оказывается в силах каким-то образом на это откликнуться.

Отвратительная идея – принуждать государства к капитуляции посредством запугивания беспомощного гражданского населения и уничтожения женщин и детей – получила признание и одобрение только в двадцатом столетии. Это вопрос, который касается не какой-либо одной страны. Если было бы установлено, что самолет-бомбардировщик оказался во власти приборов, находящихся на земле, все страны почувствовали бы себя в большей безопасности и навязчивые страхи и подозрения, ныне толкающие государства все ближе и ближе к новой катастрофе, утихли бы... Нам приходится опасаться не только налетов на наши крупные города с их гражданским населением – в этом отношении мы более уязвимы, чем какая-либо другая страна в мире, – но также налетов на доки и другие технические сооружения, без которых наш флот, все еще являющийся существенным фактором нашей обороны, может оказаться парализованным или даже уничтоженным.

Поэтому этот вопрос должен привлечь к себе самое пристальное внимание крупнейших деятелей страны и правительства, и для его разрешения должны быть мобилизованы все средства, которыми располагает английская наука, и все материальные ресурсы, которые в состоянии выделить страна. Это необходимо не только для того, чтобы избавить мир от одной из главных причин взаимных подозрений и войн, но и для того, чтобы вернуть былую безопасность нашему острову – Великобритании».

Буквально на следующий день произошли те перемещения в правительстве, о которых было упомянуто в предыдущей главе, и Болдуин стал премьер-министром. Сэр Филипп Канлифф-Листер, вскоре получивший титул лорда Суинтона, сменил лорда Лондондерри на посту министра авиации. Как-то месяц спустя, когда я находился в курительной комнате палаты общин, туда вошел Болдуин. Он сел рядом со мной и сразу же начал:

«У меня есть к вам одно предложение. Филипп очень хочет, чтобы вы приняли участие в только что образованном Комитете имперской обороны, ведающем исследовательской работой в области противовоздушной обороны, и я надеюсь, что вы согласитесь войти в него».

Я ответил, что критически оцениваю наши приготовления в области авиации и что я намерен сохранить за собой свободу действий.

На это он заявил:

«Это само собой разумеется. Конечно, вы сохраните полную свободу во всем, исключая секретные вопросы, о которых вы узнаете только в комитете».

* * *

Работа комитета проходила в обстановке секретности, и никто никогда не упоминал о моих связях с правительством, которое я продолжал все более резко критиковать по другим поводам, также касавшимся состояния нашей авиации.

Опытным политическим деятелям в Англии часто удается сочетать оба рода деятельности. Самые острые политические разногласия подчас не мешают поддержанию личных дружеских отношений.

* * *

Мысль о возможности использования радиоволн, отражаемых самолетами и другими металлическими предметами, в тридцатых годах пришла в голову, по-видимому, очень многим в Англии, Америке, Германии и Франции. Мы называли это радиолокацией, а аппаратуру радиолокации – радаром.

В феврале 1935 года профессор Уотсон-Уотт, сотрудник правительственной научно-исследовательской организации, впервые объяснил технической подкомиссии, что обнаружение местонахождения самолета по отражаемым им радиоволнам может оказаться возможным, и предложил провести соответствующее испытание. Была учреждена специальная организация и создана для экспериментальных целей цепь радиолокационных станций в районе Дувра, Орфорднеса.

К 1939 году министерство авиации, используя сравнительно длинные радиоволны (10 метров), построило так называемую береговую цепь радарных станций, которая позволяла обнаруживать самолеты, приближающиеся со стороны моря, на расстоянии до 60 миль. Под руководством маршала авиации Даудинга (истребительная авиация) была создана широко разветвленная телефонная сеть, связывавшая все эти станции с центральной станцией в Аксбридже, где движение всех обнаруженных самолетов отмечалось на больших картах, что давало возможность управлять боевыми действиями наших военно-воздушных сил. Был также изобретен прибор, получивший название IFF (Identification Friend or Foe – «опознаватель друга или врага»), который позволял береговой цепи радарных станций отличать английские самолеты, имевшие на борту эти приборы, от вражеских самолетов. Однако одного только обнаружения приближающегося вражеского самолета над морем было еще недостаточно, хотя мы и получали предостережение по меньшей мере за 15–20 минут. Мы должны стремиться к тому, чтобы направить наши самолеты навстречу атакующим, с тем чтобы перехватить их над сушей. С этой целью сооружалось несколько станций, оборудованных установками под названием CHL (Chain Stations Home Service Low Cover – наземное управление истребителями-перехватчиками). Однако к началу войны все это находилось еще в зачаточном состоянии.

* * *

Немцы также проявляли большую активность. Весной 1939 года «Граф Цеппелин» совершил полет над восточным побережьем Англии. Начальник главного управления связи немецкой военной авиации генерал Мартини распорядился поместить на борту «цеппелина» специальную радиоаппаратуру для обнаружения английских радарных радиопередатчиков, если таковые имеются. Попытка окончилась неудачно, но если бы его аппаратура работала исправно, «Граф Цеппелин», несомненно, смог бы доставить в Германию весть о том, что у нас имеется радар, ибо наши радарные станции не только работали в тот момент, но и следили за

движением «цеппелина» и догадались о его намерениях. Немцы не были бы удивлены, если бы им удалось перехватить наши радарные сигналы, ибо сами они успели создать весьма совершенную в техническом отношении систему радара, которая в некоторых отношениях превосходила нашу. Но что бы их удивило – это масштабы, в каких мы сумели применить наши открытия на практике и включить их в систему противовоздушной обороны. В этом отношении мы опередили весь мир. Главное достижение заключалось не столько в новизне самого оборудования, сколько в эффективности его использования.

Заключительное заседание исследовательского комитета по вопросам противовоздушной обороны состоялось 11 июля 1939 года. К этому времени между Портсмутом и Скапа-Флоу имелось 20 радарных станций, которые могли обнаруживать самолет, летящий на высоте свыше 10 тысяч футов, на расстоянии от 50 до 120 миль. У нас уже производились приборы, позволяющие успешно бороться с вражескими радиопомехами, и упрощенной конструкции приборы IFF (опознаватели принадлежности самолета).

* * *

В эти годы я поддерживал постоянные и тесные связи также с военно-морским министерством. Летом 1936 года военно-морским министром стал сэр Сэмюэль Хор, который разрешил своим подчиненным свободно обсуждать со мной любые вопросы, входившие в компетенцию министерства. Поскольку я питал глубокий интерес к военно-морскому флоту, я использовал эти возможности в полной мере. Я знал начальника военно-морского штаба адмирала Чэтфилда с 1914 года, а моя переписка с ним по военно-морским проблемам началась в 1936 году.

* * *

15 июня 1938 года начальник военно-морского штаба взял меня с собой в Портленд, чтобы показать мне «Асдик». Так называлась система нащупывания под водой подводных лодок с помощью звуковых волн, проходящих сквозь воду и отражающихся от любой стальной конструкции, встреченной ими на пути. По этому отражению можно было довольно точно определять местонахождение подводной лодки. Мы были на пороге этого открытия уже к концу Первой мировой войны. Это было ценнейшее достижение морского министерства, над развитием которого оно неустанно трудилось на протяжении жизни целого поколения.

Я писал Чэтфилду:

«Что меня поразило, это ясность и отчетливость показаний (“Асдик”). Я ожидал, что это будет нечто едва различимое и уж во всяком случае расплывчатое и сомнительное. Я не думал, что мне доведется услышать, как эти твари сами просят, чтобы их уничтожили. Это великолепная система и крупнейшее достижение».

«Асдик» не победил подводную лодку, но без «Асдика» подводная лодка не могла быть побеждена.

Глава 10

Санкции против Италии (1935 г.)

Миру во всем мире был нанесен второй тяжелый удар. За утратой Англией равенства в воздухе последовал переход Италии на сторону Германии. Оба эти события, вместе взятые, позволили Гитлеру пойти дальше по избранному им смертоносному пути. Мы видели, какую помощь при защите независимости Австрии оказал Муссолини и что это означало для Центральной и Юго-Восточной Европы. Теперь он решил перейти в противоположный лагерь.

Нацистская Германия уже не будет одинока. Один из главных союзников в Первой мировой войне вскоре присоединится к ней. Меня угнетала мысль о серьезности этого неблагоприятного для дела безопасности поворота.

Замыслы Муссолини в отношении Абиссинии шли вразрез с моралью двадцатого века. От них веяло той мрачной эпохой, когда белые люди считали себя вправе покорять желтокожих, коричневокожих, чернокожих или краснокожих и подчинять их себе огнем и мечом. В наш просвещенный век, когда совершаются такие преступления, от которых в ужасе отшатнулись бы или на которые во всяком случае были бы неспособны дикари прошлого, такое поведение не соответствовало духу времени и было достойно порицания. К тому же Абиссиния была членом Лиги Наций. По странному капризу судьбы именно Италия настаивала в 1923 году на ее приеме, а Англия возражала. Англичане считали, что характер правительства Эфиопии и положение, существовавшее в этой дикой стране тирании, рабства и племенных войн, было несовместимо с ее членством в Лиге. Но итальянцы настояли на своем, и Абиссиния стала членом Лиги, пользуясь всеми правами и гарантиями безопасности, которые могла дать Лига. Вот, кстати, был удобный случай для проверки действенности орудия мирового правительства, на которое возлагали надежды все люди доброй воли.

Итальянский диктатор руководствовался не только желанием захватить новую территорию. Его власть, его безопасность зависели от престижа. Казалось, для Муссолини не было иного, более легкого, более дешевого и менее рискованного способа укрепить свою власть или, как он считал, поднять авторитет Италии в Европе, чем присоединить Абиссинию к недавно созданной итальянской империи.

Я очень не хотел, чтобы в этой грозной борьбе против перевооружающейся нацистской Германии, которая, как я чувствовал, неумолимо приближалась, Италия отошла от нас и даже перешла в противоположный лагерь. Не могло быть сомнений, что, если нападение одного члена Лиги Наций на другого в этот критический момент не вызовет негодования, это в конечном счете разрушит Лигу как фактор, сплачивающий силы, которые одни только способны были удержать в узде мощь возрождающейся Германии и ужасную угрозу Гитлера. Все то, что могла бы дать или отнять Италия, не стоило того, что могло бы принести восстановленное величие Лиги Наций. Поэтому, если Лига готова была применить объединенные силы всех своих членов для обуздания политики Муссолини, нашим священным долгом было принять участие в этом и сыграть достойную роль.

* * *

Уже со времени конференции в Стресе стало ясно, что Муссолини готовится захватить Абиссинию. Было очевидно, что английское общественное мнение враждебно отнесется к такому акту итальянской агрессии. Те из нас, кто видел в гитлеровской Германии угрозу не только для мира, но и для нашего существования, страшились этого перехода державы первого ранга, какой в то время считалась Италия, с нашей стороны на противоположную.

* * *

С наступлением лета началось непрерывное движение итальянских воинских транспортов через Суэцкий канал, и в результате на восточной границе Абиссинии были сосредоточены крупные силы и большое количество военного снаряжения. 24 августа кабинет принял решение и объявил, что Англия выполнит свои обязательства, вытекающие из заключенных ею договоров и устава Лиги Наций. Это немедленно вызвало кризис в районе Средиземного моря.

* * *

К этому времени министр по делам Лиги Наций Энтони Иден, который занимал положение, почти равное положению министра иностранных дел, уже в течение нескольких недель находился в Женеве, где ему удалось убедить ассамблею в необходимости санкций против Италии в случае ее вторжения в Абиссинию. Санкции означали лишение Италии всякой финансовой помощи и товарных поставок и оказание всей финансово-экономической помощи Абиссинии. Для такой страны, как Италия, которая по многим видам материалов, необходимых для войны, зависела от беспрепятственного импорта из заморских стран, это было действительно колоссальной помехой. Рвение, проявленное Иденом, его выступление, провозглашенные им принципы привлекли основное внимание ассамблеи. Министр иностранных дел сэр Сэмюэль Хор, прибыв 11 сентября в Женеву, сам обратился к ассамблее:

«Прежде всего я хочу подтвердить поддержку Лиги правительством, которое я представляю, и интерес английского народа к коллективной безопасности... В соответствии со своими точными и ясно выраженными обязательствами Лига и вместе с ней моя страна стоят за коллективные меры по поддержанию устава во всей его полноте и, в частности, за неуклонное и коллективное сопротивление всем актам неспровоцированной агрессии».

Я вспоминаю, что, несмотря на мою озабоченность германской проблемой и несмотря на то, что мне не очень нравилось, как велись в то время наши дела, эта речь произвела на меня огромное впечатление, когда я прочел ее под лучами солнца Ривьеры. Она всех взволновала и вызвала широкие отклики в Соединенных Штатах. Она сплотила в Англии всех, кто выступал за неустрашимое сочетание справедливости и силы. Это по крайней мере была политика. Если бы оратор понимал, какие колоссальные возможности открылись в этот момент перед ним, он, может быть, действительно смог бы в течение некоторого времени вести за собой мир.

Вескость этих заявлений проистекала из того факта, что за ними, как и во многих случаях в прошлом, имевших жизненно важное значение для прогресса и свободы человечества, стоял британский флот. Первый и последний раз Лига Наций, по-видимому, имела в своем распоряжении реальную силу. Это были международные полицейские силы, опираясь на которые можно было применить всевозможные методы дипломатического и экономического нажима и убеждения. 12 сентября, то есть на следующий день, когда линейные крейсера «Худ» и «Ринаун», сопровождаемые 2-й эскадрой крейсеров и отрядом эсминцев, прибыли в Гибралтар, всюду царилло убеждение, что Англия подкрепит свои слова делом. Подавляющая часть общественности Англии немедленно выступила с поддержкой действенной политики. Считалось само собой разумеющимся, что это заявление и переброска военных кораблей не могли быть сделаны, если бы специалисты военно-морского министерства не произвели тщательных расчетов, какие силы флота потребуются на Средиземном море для успешного выполнения наших задач.

* * *

В октябре Муссолини, не встретив помех со стороны английского флота, переброска которого запоздала, бросил итальянские армии против Абиссинии и начал вторжение. 10 октября ассамблея Лиги пятьюдесятью голосами суверенных государств против одного постановила принять коллективные меры против Италии, и был создан «комитет восемнадцати», который должен был предпринять дальнейшие попытки добиться мирного урегулирования.

Оказавшись перед лицом таких обстоятельств, Муссолини выступил с недвусмысленным заявлением, свидетельствующим о его глубокой проницательности. Вместо того чтобы сказать: «Италия ответит на санкции войной», он сказал: «Италия ответит на них дисциплиной,

умеренностью и готовностью пойти на жертвы». В то же время, однако, намекнул, что не потерпит применения таких санкций, которые помешают его вторжению в Абиссинию. Если его действия окажутся под угрозой, он начнет войну против всякого, кто будет стоять на его пути.

«Пятьдесят стран! – сказал он. – Пятьдесят стран, предводительствуемых одной!» Такова была обстановка в период, предшествовавший роспуску парламента и всеобщим выборам в Англии, которые согласно конституции должны были состояться в это время.

* * *

Кровопролитие в Абиссинии, чувство ненависти к фашизму и призыв Лиги к применению санкций вызвали потрясение в английской лейбористской партии. Профсоюзные деятели, особенно Эрнест Бевин, по своему темпераменту отнюдь не были пацифистами. Решительный класс трудящихся был охвачен сильным стремлением драться с итальянским диктатором, осуществить энергичные санкции и в случае необходимости пустить в ход британский флот. На митингах, происходивших в атмосфере возбуждения, произносились резкие и горячие речи.

* * *

Однако такое пробуждение страны не отвечало ни взглядам, ни намерениям Болдуина. И только спустя несколько месяцев после выборов я начал понимать, на каких принципах строились санкции. Премьер-министр заявил, что, во-первых, санкции означают войну; во-вторых, что он твердо решил не допустить войны; и, в-третьих, что он решил осуществить санкции. Эти три условия были явно несовместимы. Под руководством Англии и под давлением со стороны Лавалья комитет Лиги Наций, которому поручили разработать программу санкций, воздерживался от таких санкций, которые могли бы спровоцировать войну. Поставки многих товаров, в том числе и военных материалов, в Италию были запрещены, и был составлен внушительный план. Но нефть, без которой абиссинская кампания не могла бы продолжаться, свободно поступала, так как все понимали, что приостановить поставку ее означало развязать войну. В этом вопросе позиция Соединенных Штатов, не члена Лиги Наций, но главного в мире поставщика нефти, хотя и благожелательная, все же не была ясна. Кроме того, прекращение поставок нефти Италии требовало прекращения таких поставок и Германии. Экспорт алюминия в Италию был строжайше запрещен; но алюминий был почти единственным металлом, производившимся Италией в количестве, превышавшем ее потребности. Ввоз в Италию железного лома и железной руды был также категорически запрещен во имя общественной справедливости. Но, поскольку итальянская металлургическая промышленность мало использовала их и поскольку это запрещение не распространялось на стальные болванки и чугун, Италия не испытывала никаких затруднений. Таким образом, меры, на проведение которых столь шумно настаивали, не были реальными санкциями, способными сковать агрессора. Это были лишь такие нерешительные санкции, которые агрессор стал бы терпеть, ибо они, хотя и создавали затруднения, на деле разжигали воинственные настроения итальянцев. Поэтому Лига Наций взялась за спасение Абиссинии, заранее убежденная в том, что ничем нельзя помешать вторгшимся итальянским армиям. Во время выборов все эти факты не были известны английской общественности. Англичане искренне поддерживали политику санкций и полагали, что это верный способ положить конец действиям Италии против Абиссинии.

Еще в меньшей степени правительство Его Величества намерено было использовать флот. Рассказывали всевозможные басни об итальянских эскадрильях пикирующих бомбардировщиков, пилотируемых летчиками-смертниками, готовыми обрушиться на палубы наших кораблей и взорвать их. Британский флот, находившийся в Александрии, получил теперь подкрепления. Одним жестом он мог бы заставить итальянские транспорты повернуть обратно и

уйти из Суэцкого канала, и в результате ему пришлось бы вызвать итальянский флот на бой. Нам говорили, что он неспособен противостоять такому противнику. Я с самого начала поднял этот вопрос, но меня тогда успокоили. Наши линкоры, конечно, были старые, а теперь оказалось, что у нас нет и самолетов для прикрытия с воздуха и что у нас очень мало боеприпасов для зенитной артиллерии. Однако, как выяснилось, адмирал – командующий флотом был возмущен, что ему приписывали утверждение, будто он не располагает достаточными силами для боевых действий. Прежде чем принять свое первое решение оказать сопротивление итальянской агрессии, правительству Его Величества, видимо, следовало тщательно изучить все возможности и составить определенное мнение.

Учитывая то, что нам известно теперь, можно не сомневаться, что смелое решение позволило бы перерезать итальянские коммуникации с Эфиопией и любое морское сражение, которое могло бы последовать в результате такого шага, было бы успешным для нас. Я никогда не был сторонником изолированных действий со стороны Великобритании, однако после того, как мы зашли уже так далеко, отступление было достойно сожаления. Кроме того, Муссолини никогда не посмел бы схватиться с решительно действующим английским правительством. Против Муссолини был почти весь мир, следовательно, ему пришлось бы рисковать своим режимом, вступая в единоборство с Англией – единоборство, в котором морские операции на Средиземном море явились бы быстрой и решающей проверкой сил. Да и каким образом могла бы Италия вести такую войну? Не считая весьма незначительного преимущества в современных легких крейсерах, ее флот был вчетверо меньше английского. Ее хваленая многомиллионная армия, которую якобы можно было собрать по мобилизации, не могла бы вступить в дело. Ее авиация как в количественном, так и в качественном отношении намного уступала даже нашим скромным военно-воздушным силам. Италия оказалась бы блокированной с первого же дня войны. Итальянские армии в Абиссинии очутились бы на голодном пайке и в отношении провианта, и в отношении боеприпасов. Германия еще не могла оказать действенной помощи. Именно тогда представлялась превосходная возможность нанести решающий удар во имя благородного дела, и притом с минимальным риском. Тот факт, что мужество изменило английскому правительству в этой обстановке, можно оправдать только его искренним миролюбием. По сути дела, это миролюбие было одной из причин, приведших к бесконечно более ужасной войне.

Муссолини удался его блеф, и из этого факта один важный наблюдатель сделал для себя далеко идущие выводы. Гитлер уже давно принял решение начать войну за расширение владений Германии. Теперь же у него сложилось мнение о вырождении Великобритании, и этим взглядам суждено было измениться слишком поздно для дела мира и слишком поздно для судьбы самого Гитлера. В Японии также внимательно наблюдали за развитием событий. Я все те годы не стремился занять какой-либо государственный пост, ибо уже достаточно побыл на таких должностях. Рост германской угрозы вызвал во мне желание взять в свои руки нашу военную машину. К этому времени я очень отчетливо представлял себе, что нам предстоит. Растерявшаяся Франция и робкая, миролюбивая Англия вскоре окажутся перед лицом бросивших им вызов европейских диктаторов. Я сочувствовал перемене настроений лейбористской партии. Возникла благоприятная возможность создать подлинно национальный кабинет. Насколько было известно, открылся вакантный пост в военно-морском министерстве, и мне очень хотелось занять его в случае победы консерваторов на выборах. Я, конечно, отлично понимал, что моего желания не разделяет ряд ближайших коллег Болдуина. Я олицетворял собой определенную политику, причем было общеизвестно, что я буду бороться за эту политику независимо от того, войду ли я в состав правительства или нет. Они, конечно, были бы весьма рады обойтись без меня. В известной мере решение этого вопроса зависело от большинства, которое им удалось бы получить на выборах.

Я одержал победу на выборах в избирательном округе Эппинг, отстаивая необходимость перевооружения и строгого и добросовестного проведения политики санкций. В общем я поддерживал правительство, и, хотя многие из моих друзей-консерваторов были оскорблены моей почти непрекращавшейся критикой мероприятий, проводимых правительством, я был избран значительным большинством.

* * *

Повсюду шли разговоры о том, что меня нужно ввести в правительство в качестве морского министра. Но как только были объявлены цифры, характеризовавшие масштабы победы Болдуина, последний, не теряя ни минуты, заявил через центральный совет⁷, что не было ни малейшего намерения включать меня в состав правительства. Этим путем он в какой-то мере оплатил свой долг пацифистской депутации, которую принимал за несколько дней до выборов. В печати было немало насмешек по поводу того, что меня не включили в состав правительства.

Министр иностранных дел сэр Сэмюэль Хор проездом через Париж в Швейцарию, куда он направился на вполне заслуженный зимний отдых, беседовал с Лавалем, тогда еще французским министром иностранных дел. Результатом этих переговоров явился пакт Хора – Лавала от 9 декабря. Стоит несколько остановиться на обстоятельствах, предшествовавших этому примечательному событию.

Мысль о том, что Англия возглавляет Лигу Наций в ее борьбе против фашистского вторжения Муссолини в Абиссинию, вызвала в стране небывалый подъем. Но как только выборы прошли и министры увидели, что они располагают большинством, которое даст им возможность в течение пяти лет руководить государством, пришлось столкнуться с некоторыми неприятными последствиями. Причиной их были заявления Болдуина: «Войны не должно быть» и «Не должно быть широкого перевооружения». Этот замечательный лидер партии, одержав на выборах победу под лозунгом руководства миром против агрессии, был глубоко убежден, что мы должны сохранить мир любой ценой. Англия твердо заявила, что ни при каких обстоятельствах не станет воевать из-за Абиссинии. О этот честный Болдуин! Полная победа на выборах; прочное консервативное большинство еще на пять лет; всемерное проявление праведного возмущения, но только не война, только не воевать! Ввиду этого французы твердо решили, что они не должны позволить втянуть себя в постоянную вражду с Италией только из-за той острой неприязни, которая неожиданно вспыхнула в Англии против Муссолини. Французы особенно укрепились в своем решении, вспомнив, как Англия отступила перед вызовом, брошенным ее флоту на Средиземном море Италией, и учитывая, что в случае, если бы Германия вторглась в пределы Франции, мы смогли бы послать ей на помощь в начальный период войны всего лишь две дивизии. Нетрудно понять позицию Лавала в этот момент.

Наступил декабрь, и возник ряд новых обстоятельств. Муссолини, испытывая большие затруднения в результате применения санкций и оказавшись перед лицом весьма серьезной угрозы со стороны «пятидесяти наций, предводительствуемых одной», был готов, как ходили слухи, пойти на компромисс в вопросе об Абиссинии. Хотя применение отравляющих веществ против туземного населения Эфиопии могло быть успешным, оно, конечно, не возвеличило бы Италию. Абиссинцы терпели поражение. Говорили, что они не собирались пойти на большие уступки и отдать значительную часть своей территории. Нельзя ли было заключить мир, который дал бы Италии то, что она агрессивно требовала, и оставил бы Абиссинии четыре пятых ее империи?

Но в Англии время от времени возникают боевые настроения. Реже, чем какая-либо другая страна в мире, она проявляет готовность бороться за какое-то дело или за какую-то идею,

⁷ Руководящий орган консервативной партии.

ибо в глубине души убеждена, что не сможет извлечь из конфликта никаких материальных выгод. Болдуин и его министры, оказывая в Женеве сопротивление Муссолини, вызвали большой подъем в Англии. Они зашли настолько далеко, что могли спасти себя в глазах истории, лишь пойдя на все. Если они не собирались подкрепить свои слова и жесты действиями, то, быть может, лучше было, подобно Соединенным Штатам, вообще держаться в стороне, дать событиям развиваться своим чередом и посмотреть, к чему это приведет. Это был возможный план. Но они приняли иной. Они воззвали к миллионам, и невооруженные, остававшиеся до сих пор равнодушными миллионы ответили громкими возгласами, заглушившими все другие крики: «Да, мы выступим против зла, и выступим теперь же. Дайте нам оружие».

Новый состав палаты общин оказался энергичным. Это качество было весьма нужно палате, учитывая то, что ей предстояло в ближайшее десятилетие. Поэтому, еще не остыв от возбуждения, вызванного выборами, палата была страшно потрясена, услышав весть о компромиссе по поводу Абиссинии, заключенном сэром Сэмюэлем Хором и Лавалем.

9 декабря кабинет одобрил план Хора – Лавалья⁸ о разделе Абиссинии между Италией и императором. 13 декабря Лиге Наций был представлен полный текст предложений Хора – Лавалья, что привело к отставке сэра Сэмюэля Хора. Иден был вызван премьер-министром на Даунинг-стрит, 10⁹, чтобы обсудить положение, создавшееся в связи с отставкой сэра Сэмюэля Хора. 22 декабря Иден стал министром иностранных дел.

* * *

Крах сопротивления Абиссинии и аннексия Италией всей страны произвели большое впечатление на германское общественное мнение. Даже те элементы, которые не одобряли политику или действия Муссолини, восхищались тем, как быстро, удачно и безжалостно, казалось, была проведена эта кампания. По общему мнению, Великобритания оказалась в результате основательно ослабленной. Она заслужила вечную ненависть Италии, а утрата ею престижа в мире находилась в приятном контрасте с ростом силы и репутации новой Германии.

«Я поражен, – писал один из наших представителей в Баварии, – с каким презрением говорят во многих кругах об Англии... Следует опасаться, что сочтут необходимым для Германии проявить более твердую позицию при переговорах об урегулировании дел в Западной Европе и более общем урегулировании европейских и неевропейских проблем».

Статья в «Мюнхнер цайтунг» (16 мая 1936 г.) содержит некоторые места, проливающие свет в этом отношении:

«Англичане любят жить в хороших условиях по сравнению с нашими германскими условиями. Это, конечно, вовсе не означает, что они неспособны на длительные усилия, но они избегают их насколько возможно, если при этом не страдает их личная безопасность или безопасность их страны. Они имеют также в своем распоряжении средства и ресурсы, которые позволяли им, в отличие от нас, на протяжении примерно столетия более или менее автоматически увеличивать свой капитал... после войны, во время которой англичане, действуя вначале несколько нерешительно, проявили затем, бесспорно, поразительную энергию. Британские хозяева мира считали, что они заслужили наконец небольшой отдых. Они разоружились по всем линиям – в гражданских областях даже больше, чем на суше и море. Они примирились с отказом от принципа двойного превосходства (на море) по сравнению с любой другой державой и согласились на паритет с Америкой...»

⁸ План Хора – Лавалья предусматривал передачу Италии эфиопских провинций Огаден и Тигре, а также области Данакиль. Еще большая территория стала бы «зоной экономической экспансии Италии» с правом контроля этой территории от имени Лиги Наций. Однако Италия не остановилась на этом и захватила всю Эфиопию. – *Прим. канд. ист. наук А.С. Орлова.*

⁹ Официальная резиденция английского премьер-министра.

Политика, которая хочет добиться успеха путем отсрочки решений, вряд ли может рассчитывать сегодня на то, что ей удастся выдержать вихрь, сотрясающий Европу, да и весь мир.

Сегодня вся Абиссиния окончательно, целиком и полностью принадлежит одной Италии. Поскольку это так, ни Женева, ни Лондон не могут сомневаться в том, что вытеснить итальянцев из Абиссинии можно, лишь применив чрезвычайную силу. Но для применения силы нет ни энергии, ни мужества».

Все это было, увы, справедливо. Правительство Его Величества неосторожно выступило в роли защитника великого дела международного значения. Своими смелыми речами оно повело за собой пятьдесят стран. Оказавшись перед лицом грубых фактов, Болдуин отступил. Длительное время цель политики правительства состояла в том, чтобы удовлетворять желания влиятельных кругов общественного мнения Англии, а не в том, чтобы учитывать реальные факты положения в Европе. Вызвав враждебность Италии, оно нарушило всю систему равновесия в Европе и ничего не добилося для Абиссинии. Оно довело Лигу Наций до полного фиаско, которое сильно повредило ей, а быть может, и нанесло пагубный ущерб ее действенности.

Глава 11 Гитлер наносит удар (1936 г.)

Как только гитлеровской Германии позволили перевооружиться без активного противодействия со стороны союзников, возникновение Второй мировой войны стало почти неизбежным. Чем дальше будет откладываться решающая проверка сил, тем меньше у нас будет шансов остановить Гитлера без серьезной борьбы, а затем, после тяжкого испытания, одержать победу. Летом 1935 года Германия в нарушение договоров восстановила обязательную воинскую повинность. Великобритания простила это, а заключив с ней сепаратное соглашение, позволила ей восстановить флот, и если бы та пожелала, строить подводные лодки в одинаковом количестве с Англией. Нацистская Германия тайно и незаконно создала военно-воздушные силы, которые к весне 1935 года открыто претендовали на равенство с английской авиацией. Она уже второй год после длительной тайной подготовки усиленно производила вооружение. Великобритания и вся Европа, а также далекая, как в то время считали, Америка оказались перед лицом организованной мощи и воли к войне самой боеспособной 70-миллионной нации Европы, жаждавшей вернуть себе свою национальную славу. А если бы она заколебалась, безжалостный военный, социальный и партийный режим погнал бы ее вперед.

Гитлер имел теперь полную возможность нанести удар. Ряд его последовательных шагов не встретил сколько-нибудь действенного сопротивления со стороны двух европейских либеральных демократий и, если не считать дальновидного президента Соединенных Штатов, лишь постепенно возбудил внимание этой страны. Таким образом, битва за мир, которую в 1935 году можно было выиграть, была теперь почти наверняка проиграна. Муссолини одержал победу в Абиссинии и бросил успешный вызов Лиге Наций и особенно Великобритании. Теперь он находился в жестокой вражде с нами и объединился с Гитлером. Возникла ось Берлин – Рим. Как оказалось, теперь осталось мало надежд на предотвращение войны или отсрочку ее путем такой проверки сил, которая была бы равносильна войне. У Франции и Англии почти не оставалось иного выбора, как ждать того момента, когда будет брошен вызов, и тогда сделать все возможное.

Быть может, еще было время отстоять систему коллективной безопасности на основе открыто выраженной готовности всех членов, которых это касалось, с оружием в руках осуществить решения Лиги Наций. Демократические страны и связанные с ними государства реально и потенциально все еще были значительно сильнее их противников, но положение их по сравнению с противниками не было и наполовину таким благоприятным, каким оно было год назад. Добронамеренность, сдерживаемая инертностью и робостью, не может проти-

востоять вооруженной и объятая решимостью безнравственности. Искренняя любовь к миру не может служить оправданием для втягивания сотен миллионов простых людей в тотальную войну. Ободряющие голоса слабых, добронамеренных ассамблей вскоре перестанут находить отклик и приниматься в расчет. Роковой день приближается.

* * *

На протяжении 1935 года Германия отвергала и саботировала все попытки западных держав начать переговоры о восточном Локарно. В этот момент новый рейх провозгласил себя оплотом против большевизма и заявил, что для него не может быть и речи о сотрудничестве с Советами. 18 декабря Гитлер сказал польскому послу в Берлине, что «он решительно выступает против всякого сотрудничества Запада с Россией». Придерживаясь таких взглядов, он пытался помешать и сорвать французские попытки достигнуть прямого соглашения с Москвой. Франко-советский пакт был подписан в мае, но не был ратифицирован ни одной из сторон. Помешать ратификации стало главной целью германской дипломатии. Берлин предупредил Лавалю, что если этот шаг будет сделан, то не может быть никакой надежды на дальнейшее франко-германское сближение. С этого времени стало отчетливым его нежелание настаивать на этом; но это не повлияло на развитие событий.

В январе 1936 года новый французский министр иностранных дел Фланден приехал в Лондон на похороны короля Георга V. Вечером, в день своего приезда, он обедал на Даунинг-стрит с Болдуином и Иденом. Разговор зашел о будущей позиции Франции и Англии в случае нарушения Германией Локарнского договора. Считали возможным, что Гитлер делает такой шаг, поскольку французское правительство намеревалось теперь ратифицировать франко-советский пакт. Фланден обещал выяснить официальную точку зрения французского кабинета и генерального штаба. В феврале, по его словам, он сообщил Идену в Женеве, что вооруженные силы Франции будут предоставлены в распоряжение Лиги, в случае если Германия нарушит договор, и просил английского министра об условленной помощи Великобритании в соответствии со статьями Локарнского договора.

28 февраля французская палата ратифицировала франко-советский пакт, а на следующий день французский посол в Берлине получил инструкции обратиться к германскому правительству и выяснить, на какой основе могут быть начаты общие переговоры о франко-германском соглашении. Гитлер попросил несколько дней для размышлений. 7 марта в 10 часов утра германский министр иностранных дел фон Нейрат вызвал на Вильгельмштрассе¹⁰ английского, французского, бельгийского и итальянского послов и объявил им о предложении заключить пакт сроком на 25 лет, провести демилитаризацию обеих сторон рейнской границы, заключить пакт, ограничивающий военно-воздушные силы, а также пакты о ненападении с восточными и западными соседями.

* * *

Демилитаризованная зона в Рейнской области была создана в соответствии со статьями 42, 43 и 44 Версальского договора. В этих статьях указывалось, что Германия не должна иметь или создавать укрепления на левом берегу Рейна и в пределах пятидесяти километров от его правого берега. Германия не должна была также держать в этой зоне какие-либо вооруженные силы, проводить там военные маневры или иметь там средства для проведения военной мобилизации. Все это венчал Локарнский договор, свободно заключенный обеими сторонами.

¹⁰ Улица в Берлине, на которой размещалось германское министерство иностранных дел.

По этому договору подписавшие его державы гарантировали каждая в отдельности и все коллективно неприкосновенность германо-бельгийской и германо-французской границ. Статья 2 Локарнского договора обещала, что Германия, Франция и Бельгия никогда не предпримут вторжения или нападения через эти границы. Если, однако, статьи 42 и 43 Версальского договора будут нарушены, это будет означать «неспровоцированный акт агрессии» и державы – участницы договора, пострадавшие вследствие сосредоточения вооруженных сил в демилитаризованной зоне, должны будут предпринять немедленные действия. О таком нарушении должно быть немедленно доведено до сведения Лиги Наций, а последняя, установив факт нарушения, должна затем сообщить державам – участницам договора, что они обязаны оказать военную помощь пострадавшей державе.

* * *

В тот же день, 7 марта 1936 года, спустя два часа после того, как было сделано предложение о заключении пакта сроком на 25 лет, Гитлер в полдень заявил в рейхстаге, что он намерен вернуть Германии Рейнскую область, и, пока он говорил, немецкие войска общей численностью приблизительно 35 тысяч хлынули через границу и заняли все основные немецкие города. Повсюду их встречали с радостью, несколько охлажденной страхом перед возможными действиями союзников. Одновременно, чтобы сбить с толку английское и американское общественное мнение, Гитлер заявил, что оккупация носит чисто символический характер. Германский посол в Лондоне вручил Идену предложения, подобные тем, которые Нейрат передал утром в Берлине послам других держав – участниц Локарнского договора. Это было утешением для тех по обеим сторонам Атлантики, кто хотел быть одураченным. Иден дал послу решительный ответ. Теперь нам известно, что эти примирительные предложения были сделаны Гитлером в соответствии с его планами и служили лишь маскировкой для совершенного им насильственного акта, успех которого имел важное значение для его престижа, а тем самым и для следующего шага, предусматривавшегося его программой.

Это было не только нарушение обязательства, вырванного силой оружия в войне, а также Локарнского договора, свободно подписанного в условиях мира, но и использование факта дружественного ухода союзников из Рейнской области за несколько лет до истечения установленного срока. Весть об этом вызвала сенсацию во всем мире, французское правительство во главе с Сарро и с Фланденом в качестве министра иностранных дел выступило с громкой гневной отповедью, взывая ко всем своим союзникам и к Лиге Наций. В ту пору Франция имела на своей стороне Малую Антанту, состоявшую из Чехословакии, Югославии и Румынии. Прибалтийские государства и Польша также входили во французскую систему. Но, что важнее всего, Франция имела полное основание рассчитывать на Великобританию, памятуя о той гарантии, которую мы дали в отношении французских границ на случай немецкой агрессии, и о том давлении, которое мы оказали на Францию, настаивая на скорейшем выводе войск из Рейнской области. Это был явный случай нарушения не только мирного договора, но и Локарнского договора; это был случай, предусмотренный обязательствами, принятыми на себя всеми заинтересованными державами.

* * *

Для Франции это было страшным ударом. Сарро и Фланден были склонны немедленно объявить всеобщую мобилизацию. Если бы они были в состоянии справиться со своей задачей, они бы так и поступили и тем самым заставили бы других последовать их примеру. Для Франции это был жизненно важный вопрос. Но она, по-видимому, не могла действовать без согласия Англии.

Впрочем, это объяснение, но отнюдь не оправдание. Вопрос этот имел жизненное значение для Франции, и всякое французское правительство, достойное этого названия, должно было принять определенные решения и остаться верным обязательствам, взятым на основе договора. Не раз в эти неустойчивые годы французские министры, входившие в состав бесконечно сменявшихся правительств, довольствовались тем, что находили в английском пацифизме оправдание для своего собственного пацифизма. Во всяком случае в своем намерении оказать сопротивление германской агрессии они не встретили поощрения со стороны англичан. Наоборот, если они колебались предпринять действия, то их английские союзники, не колеблясь, стали отговаривать их. Все воскресенья происходили взволнованные телефонные переговоры между Лондоном и Парижем. Правительство Его Величества советовало французам подождать, с тем чтобы обе страны могли предпринять совместные действия после всестороннего рассмотрения вопроса. Благовидный предлог для отступления! Британский кабинет, стремясь идти по линии наименьшего сопротивления, счел, что самый легкий путь – заставить Францию еще раз обратиться к Лиге Наций.

* * *

Во Франции также наблюдался сильный разброд. Политические деятели желали мобилизовать армию и предъявить ультиматум Гитлеру, а генералы, подобно их германским коллегам, зывали к спокойствию, терпению и отсрочкам. Теперь мы знаем, что в этот момент между Гитлером и германским верховным командованием возникли разногласия. Если бы французское правительство мобилизовало французскую армию, насчитывавшую около 100 дивизий, а также свои военно-воздушные силы (которые в то время ошибочно считались сильнейшими в Европе), германский генеральный штаб, несомненно, заставил бы Гитлера отступить и удалось бы обуздать его притязания. Это, возможно, оказалось бы роковым для его правления. Следует помнить, что в то время Франция была достаточно сильна, чтобы самостоятельно вытеснить немцев из Рейнской области, даже без помощи Великобритании, которая, несомненно, вынуждена была бы оказать помощь, если бы Франция начала действовать или если бы был применен Локарнский договор. На деле же Франция осталась абсолютно инертной и парализованной и тем самым безвозвратно утратила последний шанс остановить без серьезной войны обуреваемого честолюбивыми стремлениями Гитлера. Между тем Англия убеждала французское правительство переложить свое бремя на Лигу Наций, к тому времени уже ослабленную и приведенную в уныние провалом санкций и англо-германским морским соглашением, заключенным в предыдущем году.

В среду 11 марта в Лондон прибыл Фланден и в четверг, примерно в 8 часов 30 минут утра, посетил меня в моей квартире на Морпетменшенс. Он рассказал мне, что намерен потребовать от английского правительства одновременной мобилизации сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил обеих стран и что он получил заверения о поддержке от всех стран Малой Антанты, а также от других государств. Он зачитал мне внушительный перечень полученных им ответов. Не было никакого сомнения в том, что на стороне союзников по прошлой войне оставалось превосходство сил. Чтобы победить, им надлежало лишь действовать. С кем бы Фланден ни встречался, он всем говорил следующее:

«Весь мир, и в особенности малые страны, обращает сегодня свои взоры на Англию. Если Англия будет сейчас действовать, она сможет повести за собой Европу. Если у вас будет определенная политика, весь мир пойдет за вами, и таким образом вы предотвратите войну. Это ваш последний шанс. Если вы не остановите Германию теперь же, все будет кончено. Франция уже не сможет больше обеспечивать гарантии Чехословакии, ибо это окажется невозможным с географической точки зрения. Если вы не поддержите Локарнский договор, вам останется лишь ждать перевооружения Германии, помешать которому Франция не в силах. Если вы не

остановите сегодня Германию силой, война неизбежна, если даже вы установите временную дружбу с Германией. Что касается меня, то я не думаю, чтобы дружба между Францией и Германией была возможна. Отношения между этими двумя странами всегда будут напряженными. Тем не менее, если вы откажетесь от Локарно, я изменю свою политику, ибо ничего другого не останется».

То были смелые слова. Но действия прозвучали бы громче.

Лорд Лотиан сказал:

«В конце концов они просто вступают в свои собственные владения».

Такая точка зрения была характерной для англичан.

Собрав своих генералов после успешной оккупации Рейнской области, Гитлер смог показать необоснованность их страхов и доказать, насколько его суждение или «интуиция» выше суждений заурядных военных. Генералы подчинились. Как добрые немцы, они были рады, что их страна так быстро завоевывает позиции в Европе, в то время как ее бывшие противники столь разобщены. Несомненно, что престиж и авторитет Гитлера в высших кругах, которым принадлежала власть в Германии, был поднят на небывалую высоту, что поощрило его и позволило ему приняться уже за более крупные дела. Миру он объявил:

«Все территориальные притязания Германии удовлетворены».

Франция была в смятении. Преобладали страх перед войной и чувство облегчения, вызванное тем, что войны удалось избежать. Рядовая английская печать убеждала рядовых англичан утешаться мыслью, что «в конце концов немцы лишь возвратились в свою собственную страну. Что бы мы чувствовали, если бы нас не пускали в течение десяти или пятнадцати лет ну, скажем, в Йоркшир?». Никто даже не отметил, что исходные рубежи, откуда германская армия могла начать вторжение во Францию, оказались теперь вынесенными вперед на сотню миль. Факты, показывающие всем странам Малой Антанты и всей Европе, что Франция не будет сражаться и что Англия будет удерживать ее даже в том случае, если Франция захочет вступить в борьбу, ни у кого не вызвали беспокойства. Этот эпизод укрепил власть Гитлера над рейхом, поставил в смешное положение генералов, которые до тех пор старались сдерживать его, и бросил в то же время позорящую тень на их патриотизм.

* * *

Я все еще надеялся, что обращение Франции к Лиге Наций приведет к международному давлению на Германию, с тем чтобы она выполнила решения Лиги.

«Франция, – писал я 13 марта 1936 года, – обратилась к международному суду и требует справедливости. Если суд сочтет ее жалобу справедливой, но не сможет дать ей удовлетворение, окажется, что устав Лиги Наций – это обман, а коллективная безопасность – фикция. Если нельзя будет обеспечить законного удовлетворения обиженной стороны, вся доктрина международного права и сотрудничества, на которой основаны надежды на будущее, позорным образом рухнет. Она немедленно будет заменена системой союзов и группировок стран, лишенных всяких гарантий, помимо тех, которые может обеспечить им их сила. Если же Лига Наций могла бы заставить одну из самых могущественных стран в мире, которая оказалась агрессором, выполнить свои решения, тогда авторитет Лиги был бы поднят на такую высоту, что впредь Лига признавалась бы всеми верховной властью, способной разрешать и регулировать все споры между народами. В этом случае мы могли бы разом добиться осуществления наших самых сокровенных мечтаний».

Можно не сомневаться, что, если бы правительство Его Величества решило действовать твердо и смело через Лигу Наций, оно могло бы повести за собой объединенную Англию на решающую попытку предотвратить войну.

* * *

Вопрос об оккупации Рейнской области не обсуждался вплоть до 26 марта. Промежуток был частично заполнен сессией Совета Лиги Наций, проходившей в Лондоне. В результате Германии предложили обратиться в Гаагский международный суд и изложить свои доводы против франко-советского пакта, на который жаловался Гитлер, а также дать обещание не увеличивать свои войска в Рейнской области в ожидании дальнейших переговоров. Если Германия откажется выполнить эту последнюю просьбу, английское и итальянское правительства обязуются принять меры, вытекающие из их обязательств на основе Локарнского договора. Обещанию Италии нельзя было придавать большого значения. Муссолини уже установил тесный контакт с Гитлером. Германия чувствовала себя достаточно сильной, чтобы отвергнуть всякие условия, ограничивающие ее вооруженные силы в Рейнской области. Поэтому Иден настаивал на переговорах штабов Великобритании, Франции и Бельгии для того, чтобы изучить и заранее разработать любые совместные действия, которые могли бы оказаться необходимыми в будущем в соответствии с Локарнским договором. Молодой министр иностранных дел произнес смелую речь и увлек за собой палату. Сэр Остин Чемберлен и я пространно выступили в его поддержку.

В своей речи я сказал:

«Занятие Рейнской области имеет серьезное значение, поскольку это создает угрозу для Голландии, Бельгии и Франции. Я с тревогой слушал выступление министра иностранных дел, сообщившего, что немцы отказались даже воздержаться от строительства укреплений на время переговоров. Когда будет создана линия укреплений – а я полагаю, что это произойдет довольно скоро, – это, бесспорно, отразится на положении в Европе. *Будет создан барьер, прикрывающий парадную дверь Германии, и это даст Германии возможность Предпринимать вылазки на Восток и на Юг через другие двери*».

Все эти предсказания быстро сбылись одно за другим.

* * *

После оккупации Рейнской области и создания линии укреплений против Франции стало ясно, что следующим шагом будет включение Австрии в состав германского рейха. История, начавшаяся с убийства канцлера Дольфуса в июле 1934 года, имела вскоре логическое продолжение. Как нам теперь известно, германский министр иностранных дел Нейрат с поразительной откровенностью заявил 18 мая 1936 года американскому послу в Москве Буллиту, что германское правительство не предусматривает никаких активных действий во внешней политике до тех пор, пока Рейнская область не будет освоена. Он заявил, что, пока на французской и бельгийской границах не будет создана германская линия обороны, германское правительство будет делать все возможное, чтобы предотвратить выступление нацистов в Австрии, и во всяком случае не будет это поощрять, и что оно будет вести себя спокойно в отношении Чехословакии.

«Как только будут возведены наши укрепления, – сказал он, – и страны Центральной Европы поймут, что Франция не может вторгнуться на германскую территорию, все эти страны начнут придерживаться совершенно иных взглядов на свою внешнюю политику».

21 мая 1936 года Гитлер, выступая в рейхстаге, заявил, что «у Германии нет никакого намерения или желания вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или заключить соглашение об аншлюсе».

11 июля 1936 года он подписал с австрийским правительством договор, обязавшись не оказывать никакого влияния на внутренние дела Австрии, и в частности не оказывать активной

поддержки австрийскому национал-социалистскому движению. Через пять дней после подписания этого соглашения национал-социалистской партии в Австрии были посланы секретные инструкции расширить и активизировать свою деятельность. Тем временем германский генеральный штаб по приказу Гитлера приступил к разработке военных планов оккупации Австрии, когда пробьет час.

Глава 12

Напряженная пауза – Испания (1936–1937 гг.)

Здесь уместно изложить принципы английской политики в отношении Европы, которых я придерживался в течение многих лет и все еще продолжаю придерживаться. Я не мог лучше изложить их, чем я сделал это на заседании консервативных членов комиссии по иностранным делам, которые пригласили меня выступить перед ними на закрытом заседании в конце марта 1936 года.

«На протяжении 400 лет внешняя политика Англии состояла в том, чтобы противостоять сильнейшей, самой агрессивной, самой влиятельной державе на континенте и, в частности, не допустить захвата такой державой Бельгии, Голландии и Люксембурга. Если подойти к вопросу с точки зрения истории, то эту 400-летнюю неизменность цели на фоне бесконечной смены имен и событий, обстоятельств и условий следует отнести к самым примечательным явлениям, которые когда-либо имели место в жизни какой-либо расы, страны, государства или народа. Более того, во всех случаях Англия шла самым трудным путем. При столкновениях с Филиппом II Испанским, с Людовиком XIV, с Наполеоном, а затем с Вильгельмом II ей было бы легко и, безусловно, весьма соблазнительно присоединиться к сильнейшему и разделить с ним плоды его завоеваний. Однако мы всегда выбирали более трудный путь, объединялись с менее сильными державами, создавали из них коалицию и таким образом наносили поражение и срывали планы континентального военного тирана, кем бы он ни был, во главе какой бы страны ни стоял.

Заметьте, что политика Англии совершенно не считается с тем, какая именно страна стремится к господству в Европе. Дело не в том, Испания ли это, французская монархия, Французская империя, Германская империя или гитлеровский режим. Ей безразлично, о каких правителях или странах идет речь; ее интересует лишь то, кто является самым сильным тираном или кто может превратиться в такого тирана.

В связи с этим встает вопрос: какая держава в Европе является сейчас сильнейшей и кто стремится установить свое деспотическое господство? Сегодня, в нынешнем году, по-видимому, на известный период 1937 года французская армия – сильнейшая в Европе. Но никто не боится Франции. Все знают, что Франция хочет, чтобы ее не трогали, и что она стремится только к самосохранению. Все знают, что французы мирно настроены и охвачены страхом. В то же время это храбрые, решительные, миролюбивые люди, которых гнетет чувство тревоги. Это либеральная страна, имеющая свободные парламентские институты.

Германия же никого не боится. Она вооружается в масштабах, еще невиданных в истории этой страны. Во главе ее стоит кучка торжествующих головорезов. При правлении этих деспотов денег не хватает, недовольство растет. Очень скоро им придется сделать выбор между экономическим и финансовым крахом или внутренним переворотом, с одной стороны, и войной, у которой не может быть иной цели и которая, если она успешно закончится, не может иметь иного результата, кроме германизации Европы под нацистским контролем, с другой.

Поэтому мне кажется, что сейчас снова создались все прежние условия и что наше национальное спасение зависит от того, удастся ли вновь собрать все силы Европы, чтобы сдержать, ограничить и, если необходимо, расстроить планы установления германского господства. Наш долг – в первую очередь заботиться о жизни и способности Британской империи к сопротив-

лению, а также о величии нашего острова и не предаваться иллюзиям, мечтая об идеальном мире, который означает лишь, что вместо нас контроль установила бы другая, худшая сила и что в будущем руководство принадлежало бы ей.

Мои три основных положения состоят в следующем. Во-первых, мы должны оказать сопротивление претенденту на роль властелина или потенциальному агрессору. Во-вторых, Германия при ее нынешнем нацистском режиме, с ее громадными вооружениями, созданными с такой быстротой, несомненно, играет эту роль. В-третьих, Лига Наций самым действенным образом сплачивает многие страны и объединяет наш собственный народ, позволяя обуздать возможного агрессора. Прежде всего мы должны учитывать нашу действительную связь с Францией. Это не означает, что мы должны создать излишне враждебное отношение к Германии. Наш долг и наши интересы требуют, чтобы мы не допускали накаливания отношений между этими двумя странами. Нам это будет нетрудно в той мере, в какой это касается Франции.

Подобно нам, это – парламентарная демократия, сильно настроенная против войны, и, подобно нам, сталкивающаяся с серьезными трудностями при подготовке своей обороны. Поэтому, говорю я, мы должны считать наш оборонительный союз с Францией основой всего. Все остальное мы должны подчинить этому факту теперь, когда наступили такие трудные и опасные времена. Самое главное – решить, в каком направлении следует идти. Я лично стою за вооруженную Лигу всех наций или столько же наций, сколько удастся привлечь к этому, лигу, противостоящую потенциальному агрессору, причем основой этой лиги должны быть Англия и Франция».

Между занятием Гитлером Рейнской области в марте 1936 года и захватом им Австрии в марте 1938 года прошло целых два года. Интервал оказался более продолжительным, чем я ожидал. Все произошло так, как предполагалось и указывалось, но промежуток между ударами, следовавшими друг за другом, был более длительным. В этот период Германия не теряла времени. Укрепление Рейнской области, или Западного вала, шло быстрыми темпами, и постепенно росла грандиозная линия постоянных и полупостоянных укреплений. Германская армия, методически пополнявшаяся теперь на основе обязательной воинской повинности и укрепленная за счет многочисленных добровольцев, с каждым месяцем становилась все сильнее как по своей численности, так и по боеспособности своих соединений. Германские военно-воздушные силы сохраняли и неуклонно увеличивали свое превосходство над Великобританией. Германские военные заводы работали с большой нагрузкой. В Германии день и ночь крутились колеса и били молоты. Вся промышленность Германии превращалась в арсенал, и все население сплачивалось в одну дисциплинированную военную машину. Осенью 1936 года Гитлер приступил к осуществлению четырехлетнего плана реорганизации германской экономики, с тем чтобы она была более самообеспеченной на случай войны. За границей он заключил тот «сильный союз», который, как он заявил в «Майн кампф», был необходим для внешней политики Германии. Он договорился с Муссолини, и была создана ось Рим – Берлин.

До середины 1936 года агрессивная политика Гитлера и нарушение им договора опирались не на силу Германии, а на разобщенность и робость Франции и Англии, а также на изоляцию Соединенных Штатов. Каждый из его предварительных шагов был рискованной игрой, и он знал, что в этой игре он не сможет преодолеть серьезного противодействия. Захват Рейнской области и ее последующее укрепление были самым рискованным ходом. Он увенчался блестящим успехом. Противники Гитлера были слишком нерешительными и не могли дать ему отпор. Когда в 1938 году он предпринял следующий шаг, его блеф уже не был блефом. Агрессия опиралась на силу, и, весьма возможно, на преобладающую силу. Когда правительства Франции и Англии поняли, какие ужасные изменения произошли, было уже слишком поздно.

В конце июля 1936 года все большее ослабление парламентарного режима в Испании и рост сил, выступавших за коммунистическую или анархистскую революцию, привели к уже давно подготовлявшемуся военному восстанию. В прошлом Испания не раз бывала свидетелем

лем заговоров военных руководителей. Когда генерал Санхурхо погиб во время авиационной катастрофы, генерал Франко поднял знамя восстания и был поддержан всей армией, включая и солдат. Церковь, за примечательным исключением доминиканской церкви, и почти все представители правого крыла и центра присоединились к нему, и он сразу же стал хозяином нескольких важных провинций. Испанские моряки, перебив своих офицеров, присоединились к тем, кого вскоре стали называть коммунистической стороной. Началась ожесточенная гражданская война. Франция предложила план невмешательства, на основе которого обеим сторонам предоставлено было вести войну без всякой помощи извне.

Английское, германское, итальянское и русское правительства приняли этот план. В результате испанское правительство, оказавшееся теперь в руках самых крайних революционеров, было лишено права даже купить оружие, заказанное на золото, которым оно фактически владело. Соглашение это строго соблюдалось Великобританией; но Италия и Германия, с одной стороны, и Советская Россия, с другой, постоянно нарушали свои обязательства и вмешивались в борьбу одна против другой. Германия, в частности, применила свою авиацию, совершая такие ужасные эксперименты, как бомбардировка беззащитного городка Герника.

* * *

В это время произошло еще одно событие, о котором необходимо здесь упомянуть. 25 ноября 1936 года послы всех держав, аккредитованные в Берлине, были вызваны в министерство иностранных дел, где фон Нейрат сообщил им детали антикоминтерновского пакта, который был заключен с японским правительством. Целью пакта была совместная борьба с международной деятельностью Коминтерна как в пределах границ договаривающихся государств, так и вне их.

* * *

28 мая 1937 года, после коронации короля Георга VI, Болдуин ушел в отставку. Его долгая государственная служба была должным образом вознаграждена пожалованием ему графского титула и ордена Подвязки. Он сложил с себя свою огромную власть, которую так тщательно накапливал и сохранял, но использовал как можно меньше. Он ушел с поста в ореоле народной благодарности и уважения. Не было никаких сомнений в том, кто станет его преемником. На посту министра финансов Невилл Чемберлен не только выполнял в последние пять лет основную работу в правительстве, но и был самым способным и энергичным министром, человеком высокоталантливым и принадлежавшим к семье, прославленной в истории. За год до этого, выступая в Бирмингеме, я охарактеризовал его словами Шекспира, как «вьючную лошадь в наших великих делах», и он принял эту характеристику как комплимент. Наши отношения, как общественные, так и личные, продолжали оставаться холодными, но в то же время ровными и корректными.

* * *

Я позволю себе сделать отступление, чтобы сравнить двух премьер-министров – Болдуина и Чемберлена, которых я знал очень давно и при которых я служил или намеревался служить. Стенли Болдуин был более рассудительным человеком, обладал более широким кругозором, но не способен был охватить организационные детали работы. Он был очень далек от вопросов внешней политики и военных дел. Он мало знал Европу, а то, что он знал о ней, ему не нравилось. Болдуин отлично разбирался в вопросах партийной политики в Англии и оли-

цетворял собой, в широком смысле слова, и ту силу, и те слабости, которые присущи нашему островному народу. Как лидер консервативной партии он пять раз вел борьбу на всеобщих выборах и трижды вышел победителем. У него была необычайная способность выжидать развития событий и сохранять невозмутимость перед лицом враждебной критики. Он обладал исключительной способностью заставлять время работать на себя и вовремя пользоваться подходящей возможностью. Мне казалось, что в нем были воскрешены черты сэра Роберта Уолпола, но, конечно, без того разложения, которое было характерным для XVIII столетия. Болдуин почти столь же долго, как Уолпол, был властелином на английской политической арене.

Невилл Чемберлен, с другой стороны, был подвижным человеком, в высшей степени упрямым и самоуверенным. В отличие от Болдуина, он считал себя способным понять все проблемы Европы и даже всего мира. Вместо смутной, но тем не менее глубокой интуиции, присущей Болдуину, нашим премьер-министром стал человек очень деловитый и целеустремленный, но только в той мере, в какой это отвечало политическому курсу, в который он верил сам. Как министр финансов, а теперь и как премьер-министр Чемберлен строжайшим образом ограничивал расходы на военные цели. На протяжении всего этого периода он выступал решительным противником всевозможных чрезвычайных мероприятий. У него было свое законченное мнение обо всех политических деятелях того времени в Англии и в других странах, и он считал, что может иметь дело с любым из них. Но больше всего он надеялся войти в историю как «великий миротворец». Во имя этого он всегда был готов оспаривать очевидные факты и идти на огромный риск для себя лично и страны. К несчастью, на него обрушились волны, силу которых он не мог измерить, и ураган, перед которым он не согнулся, однако устоять против которого не смог. В последние перед войной годы мне легче было бы работать с Болдуином, каким я его знал, чем с Чемберленом. Впрочем, ни один из них не пожелал бы работать со мной, пока не возникла в том крайняя необходимость.

* * *

Однажды в 1937 году я встретился с германским послом в Англии фон Риббентропом. В одной из своих очередных статей, опубликованных два раза в месяц, я отметил, что одна из его речей была неправильно истолкована. Мы, конечно, и раньше встречались с ним несколько раз в обществе. Теперь он пригласил меня к себе в гости для беседы. Риббентроп принял меня в просторной комнате верхнего этажа здания германского посольства. Наша беседа продолжалась более двух часов. Риббентроп был чрезвычайно учтив, и мы прошли с ним по всей европейской арене, обсуждая вопросы военного и политического характера. Суть его речей сводилась к тому, что Германия хочет дружбы с Англией. Он сказал мне, что ему предлагали пост министра иностранных дел Германии, но он просил Гитлера отпустить его в Лондон, чтобы добиться англо-германского союза. Германия оберегала бы все величие Британской империи. Немцы, быть может, и попросят вернуть им немецкие колонии, но это, конечно, не кардинальный вопрос. Важнее было, чтобы Англия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Германии нужен лебенсraum, или жизненное пространство, для ее все возрастающего населения. Поэтому она вынуждена поглотить Польшу и Данцигский коридор. Что касается Белоруссии и Украины, то эти территории абсолютно необходимы для обеспечения будущего существования германского рейха, насчитывающего свыше 70 миллионов душ. На меньшее согласиться нельзя. Таким образом, единственное, чего немцы просили от Британского Содружества и империи, – это не вмешиваться. На стене комнаты, в которой мы беседовали, висела большая карта, к которой посол несколько раз подводил меня, чтобы наглядно проиллюстрировать свои планы.

Выслушав все это, я сразу же выразил уверенность в том, что английское правительство не согласится предоставить Германии свободу рук в Восточной Европе. Хотя мы и в самом деле

находились в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидели коммунизм не меньше, чем его ненавидел Гитлер, Риббентропу следует твердо знать, что, если бы даже Франция была в полной безопасности, Великобритания никогда не утратила бы интереса к судьбам континента настолько, чтобы позволить Германии установить свое господство над Центральной и Восточной Европой. Мы стояли перед картой, когда я сказал это. Риббентроп резко отвернулся от карты и потом сказал:

«В таком случае война неизбежна. Иного выхода нет. Фюрер на это решился. Ничто его не остановит и ничто не остановит нас».

Затем мы снова сели в кресла. Я был лишь рядовым членом парламента, но в известной мере видным человеком. Я счел необходимым заявить германскому послу следующее (я отлично помню слова, какие я произнес):

«Когда вы говорите о войне, которая, несомненно, стала бы всеобщей войной, вы не должны недооценивать Англию. Это удивительная страна, и мало кто из иностранцев способен понять ее образ мышления. Не судите по настроениям нынешнего правительства. Достаточно призвать народ к защите великого дела, как само правительство и английский народ предпримут самые неожиданные действия».

Я еще раз повторил:

«Не следует недооценивать Англию. Она очень умна. Если вы ввергнете всех нас в новую великую войну, Англия сплотит весь мир против вас так же, как и в прошлый раз».

Услышав эти слова, посол встал и раздраженно сказал:

«Англия, быть может, очень умна, но на этот раз ей не удастся сплотить весь мир против Германии».

Мы перешли на более безобидные темы, и больше ничего примечательного не произошло. Этот инцидент, однако, запечатлелся в моей памяти, и, поскольку я в свое время докладывал о нем министерству иностранных дел, я счел себя вправе воспроизвести эту беседу здесь.

Когда победители предали Риббентропа суду, грозя ему смертной казнью, он изложил эту беседу в извращенном виде и требовал, чтобы меня вызвали в качестве свидетеля. Если бы я был вызван, я рассказал бы об этом разговоре именно так, как изложено здесь.

Глава 13

Вооруженная Германия (1936–1938 гг.)

В войне, как и во внешней политике и прочих делах, преимуществ добиваются, выбрав из многих привлекательных или непривлекательных возможностей самую главную. Американская военная мысль родила формулу «главной стратегической цели». Услышав о ней впервые, наши офицеры расхохотались, но впоследствии мудрость этой формулы стала очевидной и ее признали. Это, бесспорно, должно быть правилом, все же остальные большие дела должны быть соответствующим образом подчинены этому соображению. Несоблюдение этого простого правила приводит к путанице и к бесплодности действий, и впоследствии положение почти всегда оказывается значительно хуже, чем оно могло бы быть.

Лично мне не стоило особого труда придерживаться этого правила еще задолго до того, как оно было провозглашено. Я все время думал о той страшной Германии, которую я видел в действии в 1914–1918 годы и которая неожиданно вновь обрела свою военную мощь, тогда как союзники, едва уцелевшие в то время, ныне ошеломленно сидели сложа руки. Поэтому я всеми способами и при любом удобном случае старался использовать свое влияние на палату общин, а также на отдельных министров, призывая активизировать наши военные приготовления и привлечь к себе союзников в интересах того, что вскоре должно было стать общим делом.

* * *

Разными способами я старался добиться ясного понимания соотношения английских и немецких вооружений. Я потребовал созыва специального закрытого заседания парламента. На это последовал отказ под тем предлогом, что это «вызвало бы излишнюю тревогу». Я почти не получил никакой поддержки. Печать всегда неприязненно относится к закрытым парламентским заседаниям. Затем 20 июля 1936 года я спросил премьер-министра, не согласится ли он принять делегацию членов Тайного совета и еще нескольких лиц, чтобы выслушать их мнение о сложившейся обстановке. Лорд Солсбери потребовал, чтобы на это совещание была также допущена делегация от палаты лордов. Согласие было получено. Хотя я лично обратился к Эттли и сэру Арчибальду Синклеру, лейбористская и либеральная партии отказались выделить своих представителей. 28 июля мы были приняты Болдуином, лордом Галифаксом и сэром Томасом Инскипом¹¹ в кабинете премьер-министра в здании палаты общин. Вместе со мной были видные деятели консервативной партии и беспартийные деятели. Нас представил сэр Остин Чемберлен. Наше совещание продолжалось два дня, по три-четыре часа в день. Я всегда говорил, что Болдуин умел хорошо слушать. Казалось, он слушал нас с величайшим интересом и вниманием. С ним было несколько членов Комитета имперской обороны. В первый день я открыл обсуждение, выступив с речью, продолжавшейся час с четвертью.

Закончил я следующими словами:

«Во-первых, мы стоим перед лицом величайшей опасности и самых критических обстоятельств за всю нашу историю. Во-вторых, мы можем надеяться разрешить нашу проблему, лишь действуя совместно с Французской Республикой. Союз британского флота и французской армии с их объединенными воздушными силами, действующими с баз, расположенных вблизи французской и бельгийской границ, а также все то, за что стоят Англия и Франция, служит таким сдерживающим средством, от которого может зависеть спасение. Так или иначе, на это можно возлагать наибольшие надежды.

Переходя к деталям, мы должны устранять все, что мешает росту наших сил. Мы, конечно, не можем предусмотреть все возможные опасности. Мы должны сосредоточить внимание на главном и пострадать в другом.

...Говоря еще более конкретно, мы должны ускорить развитие нашей авиации, оказывая ей предпочтение по сравнению со всем остальным. Любой ценой мы должны привлечь цвет нашей молодежи в авиацию, какие бы стимулы для этого ни потребовались. Мы должны использовать все источники, все средства. Мы должны ускорить и упростить наше производство самолетов, расширить его и, не колеблясь, заключить с Соединенными Штатами и другими странами контракты на возможно большее количество авиационных материалов и всевозможного оборудования. Нам грозит такая опасность, какой мы еще не знали до сих пор, – подобная опасность не грозила нам даже в разгар подводной войны (1917 год)...

Одна мысль угнетает меня: месяцы быстро текут. Если мы слишком долго будем откладывать мероприятия по укреплению нашей обороны, большая сила может помешать нам завершить этот процесс».

* * *

Министры чрезвычайно внимательно отнеслись к нашим грозным предупреждениям, но только после парламентских каникул, 23 ноября 1936 года, Болдуин пригласил всех нас на

¹¹ Э. Галифакс в то время был лордом – председателем совета, а Т. Инскип – министром обороны.

совещание, где нам должны были сделать обоснованное заявление по поводу обстановки в целом. Сэр Томас Инскип выступил с откровенным и толковым сообщением, в котором не скрыл от нас серьезности положения. В сущности он сказал, что наши подсчеты и, в частности, мои заявления по этому поводу рисовали слишком мрачные перспективы. Он сказал также, что предпринимаются большие усилия (так это в действительности и было), дабы вернуть утраченные позиции, но нет причин, которые оправдывали бы принятие правительством чрезвычайных мер, и что подобные меры неизбежно нарушили бы всю промышленную жизнь страны, вызвали бы серьезную тревогу и вскрыли бы все существующие недостатки, но что в возможных пределах предпринимается все необходимое. В ответ на это сэр Остин Чемберлен выразил наше общее мнение, заявив, что наша тревога не исчезла и что мы отнюдь не удовлетворены. С этим мы и ушли.

Не могу спорить, можно ли было еще тогда, то есть в конце 1936 года, выправить положение. Однако можно и нужно было добиться гораздо большего ценой напряженных усилий. Нечего и говорить, что самый факт и последствия таких усилий оказали бы огромное воздействие на Германию, если не на самого Гитлера. Важнейший факт заключался в том, что немцы опередили нас как в авиации, так и в военном производстве, если даже учесть наши сравнительно меньшие военные потребности, а также то, что мы были вправе рассчитывать на Францию, на французскую армию и на французскую авиацию. Уже не в наших силах было опередить Гитлера или восстановить равенство в воздухе. Уже ничто не могло помешать немецкой армии и немецкой авиации стать сильнейшими в Европе. Мы лишь могли с помощью чрезвычайного напряжения сил, которое вывело бы нас из равновесия, улучшить положение, но полностью его выправить мы уже были не в состоянии.

Эти мрачные выводы, которые правительство не оспаривало всерьез, бесспорно, оказали влияние на его внешнюю политику. И, пытаясь составить определенное мнение о решениях, которые принял Чемберлен, став премьер-министром, в период, предшествовавший мюнхенскому кризису, и во время самого кризиса, следует полностью учитывать влияние их. В то время я был рядовым членом парламента и не занимал никакого официального поста. Я делал все, что было в моих силах, чтобы побудить правительство начать широкую и чрезвычайную подготовку, рискуя даже вызвать тревогу во всем мире. При этом я рисовал, несомненно, еще более мрачную картину, чем она была в действительности. Некоторые, возможно, считают, что упорное отстаивание мною мнения о том, что мы отстали на два года, никак не согласовалось с моим желанием схватиться с Гитлером в октябре 1938 года. Но я продолжаю считать, что поступал правильно, подстегивая всеми способами правительство, и что при всех обстоятельствах, которые будут описаны ниже, было бы лучше начать борьбу с Гитлером в 1938 году, чем тогда, когда мы наконец вынуждены были это сделать, – в сентябре 1939 года. Но об этом позднее.

* * *

Вплоть до заключения перемирия в июне 1940 года, в мирное время и во время войны, как частное лицо или как глава правительства я всегда поддерживал тесные отношения с часто сменявшимися премьер-министрами Французской Республики и со многими ее ведущими министрами. Мне очень хотелось узнать правду о перевооружении Германии и проверить свои выкладки с помощью данных, имевшихся в их распоряжении. Поэтому я написал Даладье, с которым был лично знаком.

Черчилль – Даладье
3 мая 1938 года

Ваши предшественники Блюм и Фланден были столь любезны, что сообщили мне французские данные о состоянии германских военно-воздушных сил за последние годы. Я был бы весьма обязан, если бы Вы высказали мне, какова Ваша точка зрения сейчас. Я располагаю несколькими источниками информации, надежность которых была доказана в прошлом, но мне хотелось бы проверить эти сведения на основе данных, полученных из независимого источника.

В ответ Даладье прислал мне документ на семнадцать страницах, датированный 11 мая 1938 года. Он писал, что этот документ «был всесторонне продуман штабом французских военно-воздушных сил». Я показал этот важный документ моим друзьям, работавшим в непосредственно заинтересованных в этом вопросе английских министерствах. Французские выкладки о размерах германских военно-воздушных сил несколько превышали английские данные. В начале июня я смог написать Даладье, опираясь в значительной мере на авторитетное мнение.

Черчилль – Даладье

6 июня 1938 года

Я весьма признателен Вам за исключительно ценную информацию, полученную мною через французского военного атташе. Можете не сомневаться, что я буду пользоваться ею крайне осторожно и только в наших общих интересах.

Общая оценка состояния германских воздушных сил в настоящее время совпадает с частным мнением, которое я смог составить по этому поводу. Склонен думать, однако, что германская авиационная промышленность выпускает несколько большее число самолетов, чем это полагают. Весьма вероятно, что к 1 апреля 1939 года германские военно-воздушные силы будут насчитывать 300 эскадрилий, а к 1 апреля 1940 года – 400 эскадрилий.

Я очень хотел также сопоставить находившиеся в моем распоряжении сведения о состоянии германской армии со сведениями, которые я смог получить из английских источников. Поэтому я добавил следующее:

Осмелюсь приложить очень коротенькую записку информационного характера, содержащую сведения, которые мне удалось получить из различных источников по поводу нынешней и предполагаемой будущей мощи германской армии. Я бы хотел знать, согласуются ли эти сведения в общих чертах с данными, которыми Вы располагаете. Было бы вполне достаточно, если бы Вы отметили карандашом все те цифры, которые, по Вашему мнению, являются неправильными.

Памятная записка

По состоянию на 1 июня германская армия насчитывает 36 регулярных и 4 танковые дивизии, полностью укомплектованных по штатам военного времени. Нетанковые дивизии быстро приобретают способность утроиться, а в данное время могут быть удвоены. Артиллерии может хватить полностью лишь на 70 дивизий. Офицеров всех родов войск недостает. Тем не менее можно предполагать, что к 1 октября 1938 года у немцев будет не менее 56 дивизий плюс 4 танковые дивизии, то есть 60 полностью снаряженных и вооруженных соединений типа дивизии. Помимо этого имеются обученные кадры, достаточные для укомплектования еще примерно 36 дивизий, уже намеченных по плану. Для этих дивизий может быть выделено вооружение, стрелковое оружие и небольшое количество артиллерии, если для некото-

рой части действующей армии будут установлены более низкие нормы. При этом не учитываются людские резервы Австрии, которая могла бы выставить максимально 12 дивизий, готовых использовать вооружение и боевую технику германской военной промышленности. Помимо всего этого имеется некоторое число людей и частей, не сведенных в бригады, – войска пограничной охраны, дивизии ландвера и так далее, которые сравнительно плохо вооружены.

18 июня 1938 года Даладье написал мне:

«Мне было весьма приятно узнать, что сведения, приведенные в моем письме от 16 мая, соответствуют Вашим данным.

Я считаю абсолютно правильными все сведения, касающиеся германской армии, которые были приведены в памятной записке, приложенной к Вашему письму от 6 июня. Следует отметить, однако, что из 36 дивизий обычного типа, которыми уже располагает Германия, 4 полностью моторизованы, а 2 будут моторизованы в ближайшее время».

Сведения, полученные нами после войны из германских источников, показали, что эта схематическая картина состояния германской армии летом 1938 года была поразительно точной, учитывая, что составлена она была частным лицом.

На протяжении этого рассказа не раз упоминалось о французской авиации. Вплоть до 1933 года Франция занимала видное место среди европейских стран по размерам военно-воздушного флота. Но в тот самый год, когда Гитлер пришел к власти, выявилось роковое отсутствие интереса к авиации и поддержки ее. Деньги стали отпускаться неохотно, уменьшилась производственная мощность заводов, современные типы самолетов не создавались. Франция при своей сорокачасовой рабочей неделе не могла производить столько, сколько производила германская промышленность, напряженно работавшая в условиях, приравненных к условиям военного времени. Все это произошло примерно тогда же, когда Англия утратила равенство в воздухе, о чем было так подробно рассказано. По существу, западные союзники, имея право создать любые военно-воздушные силы, которые они сочли бы необходимыми для обеспечения своей безопасности, пренебрегли этим жизненно важным оружием, тогда как немцы, которым договор запрещал это, сделали это оружие острием своей дипломатии и в конечном счете нападения.

Французское правительство Народного фронта в 1936 году и позднее предприняло немало серьезных усилий по подготовке французской армии и французского военного флота к войне. В области авиации соответственных усилий предпринято не было. Лишь летом 1938 года, когда министром авиации стал Ги ла Шамбр, были предприняты энергичные меры с целью возрождения мощи французской авиации. Но тогда уже оставалось всего лишь 18 месяцев. Какие бы меры ни предприняла Франция, уже ничто не могло помешать росту германской армии, усиливавшейся с каждым годом и догнавшей, таким образом, французскую армию. Но вызывает удивление тот факт, что французская авиация была доведена до подобного плачевного состояния. Не мне судить об ответственности и вине министров дружественных и союзных стран, но когда во Франции начинают искать «виновных», то, по-видимому, именно в этой области поиски должны быть особенно тщательными.

* * *

Боевой дух английского народа и недавно избранного им парламента неуклонно рос по мере того, как люди начинали сознавать германскую, а вскоре германо-итальянскую опасность. Английский народ теперь хотел и даже жаждал всевозможного рода мероприятий, которые могли бы положить конец его тревогам, если бы они были предприняты на два-три года раньше.

Но если его настроение стало более правильным, то сила его противников, а также трудность его задачи возросли. Многие утверждают, что после того, как мы покорно смирились с захватом Рейнской области, уже ничто, кроме войны, не могло бы остановить Гитлера. Окончательное суждение вынесут будущие поколения. Многое, однако, можно было сделать для того, чтобы мы были лучше подготовлены и таким образом подстерегавшая нас опасность уменьшилась. А кто может сказать, как развивались бы в этом случае события?

Глава 14

Иден в министерстве иностранных дел. Его отставка

Министр иностранных дел занимает в британском кабинете особое положение. Он находится на высоком и ответственном посту, и к нему относятся с явным уважением, но обычно если не весь кабинет, то по крайней мере его главные члены внимательно следят за тем, как он ведет дела. Он обязан обо всем информировать их. Как правило, он знакомит своих коллег со всеми деловыми телеграммами, отправляемыми и получаемыми им, с докладами наших посольств за границей, показывает им записи своих бесед с иностранными послами и другими высокопоставленными лицами. Так по крайней мере обстояло дело, когда я был членом кабинета. Такое тщательное наблюдение, конечно, в первую очередь осуществляет премьер-министр, который лично или через кабинет несет ответственность за контроль и имеет право контроля основной линии внешней политики. От него во всяком случае не должно быть никаких секретов. Ни один министр иностранных дел не может выполнять свои задачи, если он не пользуется постоянной поддержкой своего шефа. Для того чтобы все шло гладко, необходимо не только согласие между ними по основным принципам, но и полное единство взглядов и даже в известной мере сходство темпераментов. Это тем более важно, если премьер-министр сам уделяет особое внимание внешней политике.

Иден был министром иностранных дел Болдуина, стремление которого к миру и спокойной жизни было всем хорошо известно. Он не принимал активного участия в руководстве внешней политикой. Чемберлен же стремился осуществлять деспотический контроль за деятельностью многих министерств. У него были свои определенные взгляды на вопросы внешней политики, и с самого начала он утвердил свое бесспорное право обсуждать внешнеполитические проблемы с иностранными послами. Занятие им поста премьер-министра означало поэтому небольшое, но существенное изменение в положении министра иностранных дел.

К этому добавилось глубокое, хотя вначале и скрытое, различие в точках зрения и настроениях. Премьер-министр хотел поддерживать хорошие отношения с обоими европейскими диктаторами и считал, что лучший метод – это умиротворение и попытки избегать всего, что могло бы оскорбить их. Иден же прославился в Женеве, сплотив европейские страны против одного из диктаторов. Получив свободу рук, он, вполне вероятно, довел бы санкции до грани войны, а быть может, и дальше. Он был верным сторонником союза с Францией.

Он только что настаивал на «переговорах штабов». Он стремился установить более тесные отношения с Советской Россией. Он сознавал опасность, которую представлял собой Гитлер, и страшился ее. Его тревожила слабость наших вооружений и воздействие этого фактора на внешнюю политику. Можно сказать, что у нас с ним по существу не было серьезных расхождений во взглядах; правда, он был у власти. Поэтому мне с самого начала казалось, что между этими двумя ведущими членами кабинета, несомненно, возникнут расхождения по мере того, как международная обстановка будет становиться все более напряженной.

* * *

Начиная с лета 1937 года и до конца этого года расхождения в методах и целях между премьер-министром и его министром иностранных дел все усиливались. События, приведшие к отставке Идена в феврале 1938 года, развивались логическим путем.

Прежде всего разногласия возникли в вопросе о наших отношениях с Германией и Италией. Чемберлен намерен был добиваться благосклонности обоих диктаторов. В июле 1937 года он пригласил на Даунинг-стрит итальянского посла графа Гранди. Беседа проходила с ведома Идена, но в его отсутствие. Чемберлен говорил о своем желании добиться улучшения отношений между Англией и Италией. Граф Гранди высказал предположение, что первым шагом могло бы явиться личное письменное обращение премьер-министра к Муссолини. Чемберлен тут же, во время беседы, сел и написал такое письмо. Он отправил письмо, не показав его министру иностранных дел, находившемуся в то время в министерстве иностранных дел, на расстоянии всего лишь нескольких ярдов. Письмо не дало никаких ощутимых результатов, и наши отношения с Италией ввиду усилившейся итальянской интервенции в Испании все ухудшались.

Чемберлен был проникнут сознанием своей особой личной миссии, состоявшей, по его мнению, в том, чтобы достигнуть дружеского соглашения с диктаторами Италии и Германии, и считал, что он сумеет этого добиться. В качестве предварительного шага к общему урегулированию разногласий с Муссолини он готов был признать захват Италией Абиссинии. Гитлеру он готов был предложить уступки в вопросе о колониях. В то же время он не был склонен уделить сколько-нибудь значительное внимание проблеме укрепления английских вооруженных сил или необходимости тесного сотрудничества с Францией как в военно-штабной, так и в политической областях. Иден же был убежден, что какое бы то ни было соглашение с Италией возможно лишь как часть общего урегулирования средиземноморских проблем, которое затрагивало бы и Испанию и было бы достигнуто в тесном взаимопонимании с Францией. Признание нами позиции Италии в Абиссинии было бы важным козырем в наших переговорах с Италией о таком урегулировании. Министр иностранных дел считал, что неправильно было бы отказываться от этого козыря на предварительной стадии и в то же время проявлять слишком большое желание начать переговоры.

Осенью 1937 года эти разногласия приобрели большую остроту. Чемберлен считал, что министерство иностранных дел мешает ему в его попытках начать переговоры с Германией и Италией, а Иден был того мнения, что его начальник проявляет чрезмерную поспешность в своем подходе к диктаторам, особенно в условиях, когда английские вооруженные силы так слабы. Таким образом, между ними существовали глубокие расхождения как практического, так и психологического порядка.

* * *

Несмотря на мои разногласия с правительством, я очень симпатизировал министру иностранных дел. Он казался мне самым решительным и смелым человеком в правительстве, и хотя как личный секретарь, а позднее как заместитель министра иностранных дел он вынужден был приноравливаться ко многим вещам, которые я критиковал и которые я все еще осуждаю, я был убежден, что мыслит он правильно и понимает суть дела. Со своей стороны он считал себя обязанным приглашать меня на приемы в министерстве иностранных дел, и мы свободно общались с ним.

Осенью 1937 года, идя несколько разными путями, мы с Иденом пришли к одинаковому мнению о том, что нельзя допускать активного вмешательства держав оси в гражданскую

войну в Испании. Я всегда поддерживал его в палате общин, когда он действовал решительно, хотя эти действия и были чрезвычайно ограничены по своему характеру. Я знал, как трудно ему иметь дело с некоторыми из его старших коллег по кабинету и с его непосредственным начальником. Я знал, что он действовал бы смелее, если бы не был связан по рукам и ногам. В конце августа мы часто виделись с ним в Каннах, и однажды я пригласил его и Ллойд Джорджа на завтрак в ресторан, находившийся на полпути между Каннами и Ниццей. Мы говорили на самые разнообразные темы: о борьбе в Испании, о постоянном вероломстве Муссолини и о его интервенции в Испании – и в конце затронули, конечно, вопрос о неуклонно растущей мощи Германии. Я полагал, что мы все придерживались в общем одинакового мнения. Министр иностранных дел, естественно, был весьма сдержан во всем, что касалось его отношений с его начальником и коллегами, и эта деликатная тема не затрагивалась. Он держался исключительно корректно, но все же я был уверен, что он не чувствует себя счастливым на своем высоком посту.

* * *

Вскоре на Средиземном море возник кризис, с которым он твердо и умело справился, и в результате этот кризис был разрешен так, что это делало честь нашей политике. Ряд торговых судов был потоплен так называемыми испанскими подводными лодками. Не было ни малейшего сомнения, что лодки были не испанские, а итальянские. Это были явно пиратские действия, и они побудили к активности всех знавших о них. 10 сентября в Нионе собралась конференция средиземноморских держав. На конференцию поехал министр иностранных дел в сопровождении Ванситтарта и начальника военно-морского штаба Чэтфилда.

*Черчилль – Идену
9 сентября 1937 года*

В своем последнем письме Вы указывали, что были бы весьма рады повидать перед отъездом из Женевы Ллойд Джорджа и меня. Сегодня мы встретились, и я осмелюсь изложить Вам наше мнение.

Настал момент призвать Италию выполнить свой международный долг. Необходимо положить конец пиратским действиям подводных лодок на Средиземном море и потоплению судов многих стран, когда ставится под угрозу жизнь членов команд этих судов. Для этого все средиземноморские державы должны договориться о том, чтобы держать свои подводные лодки вдали от определенных торговых путей. На этих торговых путях французские и английские военные корабли должны вести поиски подводных лодок, и обнаруженную с помощью гидролокатора подводную лодку необходимо преследовать и топить как пирата. Италию следует самым вежливым образом просить принять в этом участие. Если же она не пожелает, ей нужно заявить: «Вот что мы собираемся предпринять».

Прошу Вас, используйте это письмо частным образом или публично, как Вы сочтете это полезным в интересах Англии и дела мира.

P.S. Я прочел это письмо Ллойд Джорджу, который выразил свое полное согласие с ним.

Конференция в Нионе была непродолжительной и увенчалась успехом. Было решено создать англо-французские патрули по борьбе с подводными лодками. Задачи этих патрулей не оставляли сомнения в том, какая судьба будет ждать любую обнаруженную подводную лодку. Италия неохотно согласилась с этим, и преступные действия сразу же прекратились.

Нионская конференция, хотя это был лишь изолированный инцидент, показывает, какое сильное влияние на настроения и политику диктаторов могли бы совместно оказать Англия и Франция, если бы они твердо выразили свою готовность применить силу. Нельзя категорически утверждать, что подобная политика на данной стадии предотвратила бы войну. Она вполне могла бы отсрочить ее. Известно, что, в то время как «умиротворение» во всех его формах лишь поощряло агрессию и усиливало власть диктаторов над их собственными народами, всякий признак позитивного контрастования западных демократий немедленно ослаблял напряжение. Так обстояло дело на протяжении всего 1937 года. Затем обстановка и условия изменились.

В начале октября 1937 года я был приглашен в министерство иностранных дел на обед в честь премьера Югославии Стоядиновича.

После обеда, когда все мы встали из-за стола и я беседовал с Иденом, к нам подошел лорд Галифакс. Он весело сообщил, что Геринг пригласил его посетить Германию, чтобы поохотиться, и он надеялся, что ему, очевидно, удастся встретиться с Гитлером. Он сказал, что говорил об этом с премьер-министром, который полагал, что это будет очень хорошим делом, а поэтому он принял приглашение. Мне показалось, что Иден был удивлен и что ему это не понравилось. Но в общем все сошло благополучно. Галифакс отправился в Германию как «магистр по лисьей охоте». Нацистская печать приветствовала его как «лорда Галалифакса». «Галали!» – таков был охотничий клич на континенте. После спортивных развлечений он действительно был приглашен в Берхтесгаден и имел неофициальную беседу с Гитлером, который держался с ним запросто. Беседа шла не слишком хорошо. Трудно себе представить двух людей, менее способных понять друг друга. С одной стороны, йоркширский аристократ, клерикал, ярый миролюбец, воспитанный в обстановке радушного благожелательства, которым была отмечена вся жизнь старой Англии, хорошо проявивший себя на войне как офицер. С другой – злой дух, поднявшийся из нищеты, пламенеющий при мысли о поражении, сжигаемый ненавистью и обуреваемый жаждой мщения, преисполненный намерения сделать германскую расу хозяином Европы, а быть может, и всего мира. Беседа оказалась лишь пустой болтовней и оставила чувство недоумения.

* * *

Здесь уместно упомянуть о том, что Риббентроп дважды приглашал меня посетить Гитлера. Задолго до этого, еще будучи заместителем министра колоний и майором Оксфордширского территориального кавалерийского полка, я в качестве гостя кайзера присутствовал на германских маневрах в 1907-м и в 1909 году. Но теперь было иное дело. Возник смертельный спор, и я принимал в нем участие. Я охотно встретился бы с Гитлером, если бы был уполномочен на то Англией. Но, отправившись туда как частное лицо, я поставил бы себя и свою страну в невыгодное положение. Если бы я согласился с пригласившим меня в гости диктатором, я ввел бы его в заблуждение. Если бы я не согласился с ним, он был бы оскорблен и меня обвинили бы в том, что я испортил отношения между Англией и Германией. Поэтому я отклонил или, скорее, оставил без внимания оба приглашения. Англичане, посетившие в эти годы германского фюрера, оказались впоследствии в неудобном положении или были скомпрометированы. Но никто не был так сильно введен в заблуждение, как Ллойд Джордж, восторженные рассказы которого о его беседах с Гитлером сегодня странно читать. Гитлер, бесспорно, обладал даром зачаровывать людей, а сознание силы и власти может производить непомерно сильное впечатление на посетителя.

* * *

В те ноябрьские дни Иден испытывал все большее беспокойство по поводу медленных темпов нашего перевооружения.

11 ноября он встретился с премьер-министром и попытался поделиться с ним своими опасениями. Невилл Чемберлен не стал долго его слушать и посоветовал ему «пойти домой и принять таблетку аспирина». Возвратившись из Берлина, Галифакс сообщил о своей беседе с Гитлером. Тот заявил ему, что единственная нерешенная проблема в отношениях между Англией и Германией – это вопрос о колониях. По мнению Галифакса, немцы не спешили. Перспектив на немедленное установление мира не было. Его выводы были неблагоприятными, а настроение подавленным.

В феврале 1938 года министр иностранных дел убедился в том, что он почти полностью изолирован в кабинете, тогда как премьер-министр, возражавший против его взглядов, пользуется сильной поддержкой. Целая группа влиятельных министров считала политику министерства иностранных дел опасной и даже вызывающей. С другой стороны, более молодые министры готовы были понять точку зрения Идена. Некоторые из них позднее жаловались, что он не пожелал им довериться. Однако он не собирался создавать какую-то группировку для борьбы со своим руководителем. Начальники штабов не могли оказать ему никакой помощи. Кстати, они занимали осторожную позицию и слишком акцентировали опасности создавшегося положения. Они не хотели чересчур сближаться с французами, опасаясь, что это вынудит нас взять на себя такие обязательства, выполнить которые мы окажемся не в состоянии. Они скептически оценивали военную мощь России после чистки, которая там была проведена. Они считали необходимым подходить к разрешению наших проблем так, как если бы у нас было три врага – Германия, Италия и Япония, которые могли напасть на нас одновременно, тогда как помочь нам мало кто мог. Мы могли бы просить предоставить в наше распоряжение воздушные базы во Франции, но мы были бы не в состоянии послать армию сразу же. Даже это скромное предложение натолкнулось в кабинете на сильное сопротивление.

* * *

Однако явный разрыв произошел в связи с новой и особой проблемой. Вечером 11 января 1938 года английского посла в Вашингтоне посетил заместитель американского государственного секретаря Сэмнер Уэллес с секретным и конфиденциальным письмом президента Рузвельта Чемберлену. В этом письме президент выражал глубокое беспокойство по поводу ухудшения международного положения и предлагал взять на себя инициативу встречи в Вашингтоне представителей некоторых правительств для обсуждения основных причин существующих разногласий. Однако прежде чем предпринять такой шаг, он хотел узнать мнение английского правительства об этом плане, оговорив, что ни одно другое правительство не должно быть осведомлено ни о характере этого предложения, ни о самом его существовании. Он просил ответа на это письмо не позднее 17 января и дал понять, что обратится к правительствам Франции, Германии и Италии только в том случае, если его предложение встретит «сердечную и полную поддержку правительства Его Величества». Это был исключительно важный и смелый шаг.

Препровождая это секретнейшее письмо в Лондон, английский посол сэр Рональд Линдсей писал, что, с его точки зрения, план, выдвинутый президентом, представляет собой подлинную попытку ослабить международное напряжение и что, если правительство Его Величества откажет ему в своей поддержке, это сведет на нет успехи англо-американского сотрудничества, достигнутые за последние два года. Самым настоятельным образом он рекомендовал

английскому правительству принять это предложение. Министерство иностранных дел получило вашингтонскую телеграмму 12 января и в тот же вечер послало копию ее премьер-министру, находившемуся в своей загородной резиденции. На следующее утро он прибыл в Лондон и по его указаниям был составлен ответ на письмо президента. В это время Иден проводил кратковременный отпуск на юге Франции. Ответ Чемберлена сводился к тому, что, хотя он ценит доверие президента Рузвельта, выразившееся в том, что тот проконсультировался с ним в связи с предлагаемым планом уменьшения напряжения, существующего в Европе, он хотел бы объяснить, в каком положении находятся его собственные попытки достичь соглашения с Германией и Италией, в особенности с последней.

«Правительство Его Величества готово со своей стороны, по возможности с одобрения Лиги Наций, признать де-юре оккупацию Абиссинии Италией, если бы оно убедилось в том, что итальянское правительство со своей стороны обнаруживает признаки желания способствовать восстановлению доверия и дружественных отношений».

Премьер-министр упоминает об этих фактах, говорилось далее в письме, для того, чтобы президент мог судить о том, не помешает ли его предложение английским усилиям и не будет ли правильнее отложить осуществление американского плана.

Этот ответ несколько разочаровал президента. Он сообщил, что 17 января даст письменный ответ Чемберлену. Письмо президента пришло в Лондон утром 18 января. В этом письме он соглашался отложить осуществление своего предложения ввиду того, что английское правительство предполагало вести прямые переговоры, однако при этом он добавлял, что глубоко озабочен предположением о возможности признания правительством Его Величества позиции Италии в Абиссинии. Он считал, что это самым вредным образом отразилось бы на политике Японии на Дальнем Востоке и произвело бы неблагоприятное впечатление на американское общественное мнение.

Письмо президента рассматривалось на ряде заседаний комиссии кабинета по иностранным делам. Идену удалось добиться значительного изменения первоначальной позиции. Большинство министров считало, что он удовлетворен, а он не дал ясно понять, что это не так. После этих совещаний вечером 21 января в Вашингтон были отправлены два послания. Суть их заключалась в том, что премьер-министр горячо приветствует инициативу президента, но отнюдь не жаждет нести какую бы то ни было ответственность за ее неудачу, если бы американские предложения встретили плохой прием.

Таким образом, Чемберлен отверг предложение президента Рузвельта об использовании американского влияния для того, чтобы собрать ведущие европейские державы и обсудить с ними возможность общего урегулирования, для которого, конечно, требовалась, хотя бы и условно, могучая сила Соединенных Штатов. Такая позиция четко выявила расхождения во взглядах между английским премьер-министром и его министром иностранных дел. В течение некоторого времени их расхождения не выходили за пределы кабинета, но это были коренные расхождения.

* * *

Было совершенно ясно, что отпор, который Чемберлен дал президенту, не может служить основанием для отставки министра иностранных дел. Рузвельт действительно шел на большой риск во внутривластной области, сознательно толкая Соединенные Штаты на европейскую арену, над которой уже сгустились тучи. Если бы стало известно хоть что-нибудь о состоявшемся обмене мнений, это всколыхнуло бы все изоляционистские силы. С другой стороны, выступление Соединенных Штатов на раздираемой ненавистью и страхом европейской арене не больше чем что бы то ни было другое способно было отдалить, а быть может, и предотвратить войну. Для Англии это было почти вопросом жизни и смерти. Задним числом,

конечно, трудно судить о том, какое влияние это могло бы оказать на ход событий в Австрии, а позднее в Мюнхене. Отказ от этого предложения – ибо по сути дела это был отказ – означал утрату последнего слабого шанса спасти мир от тирании каким бы то ни было иным способом, помимо войны. Даже сейчас нельзя прийти в себя от изумления, вспоминая, как Чемберлен с его ограниченным кругозором и неопытностью в европейских делах оказался настолько самодовольным, что отвел руку, протянутую ему через Атлантический океан. Этот эпизод продемонстрировал потрясающее отсутствие чувства меры и даже инстинкта самосохранения у этого честного, знающего, проникнутого самыми лучшими намерениями человека, которому вверены были судьбы нашей страны. В настоящий момент трудно даже представить себе то состояние ума, при котором был возможен такой жест.

* * *

Мне предстоит еще рассказать о том, какой прием встретили предложения о сотрудничестве, исходившие от русских накануне Мюнхена. Если бы только английский народ знал и понимал, что, пренебрегши своей обороной и пытаясь ослабить оборону Франции, мы порывали теперь с двумя могущественными нациями, величайшие усилия которых были необходимы для нашего и их собственного спасения, история, возможно, приняла бы иной оборот. Но тогда все шло так легко изо дня в день. Пусть же теперь, десять лет спустя, уроки прошлого послужат нам путеводной нитью.

Отправляясь 25 января в Париж для консультации с французами, Иден вряд ли заглядывал в будущее с большой верой. Теперь все зависело от успеха переговоров с Италией, значение которых мы так подчеркивали в наших ответах президенту. Французские министры усиленно доказывали Идену необходимость включения Испании в общее соглашение с итальянцами. Впрочем, в этом вопросе его не приходилось особенно убеждать. 10 февраля премьер-министр и министр иностранных дел встретились с графом Гранди, который заявил, что итальянцы в принципе готовы начать обмен мнениями.

15 февраля стало известно, что австрийский канцлер Шушниг подчинился германскому требованию о включении в состав австрийского кабинета в качестве министра внутренних дел и начальника австрийской полиции главного нацистского агента Зейсс-Инкварта. Это мрачное событие не предотвратило кризис в отношениях между Чемберленом и Иденом. 18 февраля они снова встретились с графом Гранди. Это было в последний раз, когда они действовали совместно. Посол отказался обсуждать как позицию Италии по отношению к Австрии, так и английский план отвода добровольцев или так называемых добровольцев – в данном случае речь шла о пяти дивизиях итальянской регулярной армии – из Испании. Гранди предложил, однако, начать общие переговоры в Риме. Премьер-министр склонен был принять это предложение, в то время как министр иностранных дел решительно возражал против такого шага.

За этим последовали длительные беседы и заседания кабинета. Пока что единственный заслуживающий доверия рассказ об этих событиях приведен в биографии Чемберлена. К. Фейлинг¹² указывает, что премьер-министр «дал кабинету понять, что если Иден не уйдет в отставку, то уйдет он». Иден считал бесполезным продолжать поиски какого-то выхода и в полночь 20 февраля ушел в отставку. «Я считаю, что это делает ему честь», – отметил премьер-министр. Вместо него министром иностранных дел был немедленно назначен лорд Галифакс.

¹² Schuschnigg. Ein Reguier in Rot-Weiss-Rat. S. 37. Nuremberg Documents (H. M. Stationery Office). Part 1. P. 249. Schuschnigg. Op. cit. P. 51–52.

* * *

Поздно вечером 20 февраля я сидел в своей старой комнате в Чартуэлле (где я часто сижу и теперь), когда мне позвонили и сообщили, что Иден ушел в отставку. Признаюсь, что сердце мое упало и на некоторое время мрачные волны отчаяния захлестнули меня. За мою долгую жизнь у меня было немало периодов подъема и упадка. В самые худшие времена начавшейся вскоре войны у меня всегда был прекрасный сон. В период кризиса 1940 года, когда на меня была возложена такая большая ответственность, а также во многие другие трудные и тревожные минуты последующих пяти лет я всегда мог, бросившись в постель после целого дня работы, спать до тех пор, пока меня не будили по какому-либо экстренному поводу. Я крепко спал и просыпался со свежими силами, не испытывая ничего, кроме желания взяться за разрешение любых проблем, которые приносила мне утренняя почта. Однако в ту ночь, 20 февраля 1938 года, сон бежал от меня. С полуночи до рассвета я лежал в постели, охваченный чувством горя и страха. Перед моими глазами стояла одинокая, сильная, молодая фигура, боровшаяся против давних мрачных, ползучих течений самотека и капитуляции, неправильных расчетов и слабых импульсов. Кое в чем я лично действовал бы по-иному, но в тот момент мне казалось, что именно в этом человеке воплощены надежды английского народа, надежды великой старой английской нации, которая столько сделала для человечества и которая могла еще столько ему дать. Теперь он ушел. Я следил за тем, как дневной свет медленно вползает в окна, и перед моим мысленным взором вставало видение смерти.

Глава 15

Захват Австрии (февраль 1938 г.)

В современную эпоху, когда государства оказываются разгромленными в войне, они обычно сохраняют свое устройство, свое лицо и тайну своих архивов. На этот раз, когда война была доведена до решительного конца, нам стала известна вся закулисная история деятельности противника. На основе материалов, оказавшихся в нашем полном распоряжении, удалось довольно точно установить правильность наших собственных сведений и представлений. Мы уже видели, как в июле 1936 года Гитлер дал указание германскому генеральному штабу разработать военные планы оккупации Австрии на тот случай, когда пробьет час. Эта операция получила название «Отто». Теперь, спустя год, 24 июня 1937 года, специальной директивой он скрепил эти планы. 5 ноября Гитлер раскрыл свои дальнейшие замыслы руководителям вооруженных сил. Германия должна получить большее «жизненное пространство». Скорее всего его можно было бы найти в Восточной Европе – в Польше, Белоруссии и на Украине. Но чтобы получить его, пришлось бы пойти на большую войну, а значит, и на уничтожение населения, проживающего в этих районах. Германии пришлось бы считаться с ее двумя «ненавистными врагами» – Англией и Францией, для которых «германский колосс в центре Европы был бы невыносим». Поэтому, дабы использовать преимущества, которые ей давали ее успехи в области военного производства, а также патриотический пыл, пробужденный нацистской партией и выражаемый ею, она должна при первой же благоприятной возможности начать войну и справиться со своими двумя противниками, пока они еще не готовы к борьбе.

Нейрат, Фрич и даже Бломберг, находившиеся под влиянием взглядов германского министерства иностранных дел, генерального штаба и офицерского корпуса, были встревожены этой политикой. Они считали, что риск будет слишком велик.

Эти государственные деятели признавали, что благодаря дерзости фюрера Германия решительно опередила союзников во всех областях перевооружения. Армия крепла с каждым месяцем, внутренний упадок во Франции и отсутствие твердой воли в Англии были благопри-

ятными факторами, которые, вполне возможно, и впредь будут оказывать влияние. Что значит год или два, когда все идет так хорошо? Чтобы завершить создание военной машины, им нужен какой-то срок, и если фюрер время от времени будет выступать с примирительными речами, эти ни на что не способные, вырождающиеся демократии будут ограничиваться болтовней. Но Гитлер не был убежден в этом. Его рассудок подсказывал ему, что в победе нельзя быть уверенным. Нужно идти на риск. Нужно сделать прыжок. Он был окрылен своими успехами – во-первых, перевооружение, во-вторых, обязательная воинская повинность, в-третьих, Рейнская область, в-четвертых, соглашение с Италией Муссолини.

Ждать, пока все будет готово, это значит ждать того времени, когда уже будет слишком поздно. Историкам и другим людям, которым не нужно действовать изо дня в день, легко говорить, что он мог бы вершить судьбами всего мира, если бы продолжал укрепление своих сил еще два-три года, прежде чем нанести удар. Но это не так. В жизни человека, так же как и в жизни государства, никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Гитлер решил поторопиться и начать войну, пока он еще был в расцвете сил.

4 февраля 1938 года он отстранил Фрича и взял в свои руки верховное командование вооруженными силами. Бломберг, престиж которого в офицерском корпусе был подорван в результате неподходящего брака, также пал. В той мере, в какой один человек, каким бы одаренным и могущественным он ни был, какие бы ужасные наказания он ни мог налагать, способен диктовать свою волю в столь обширных областях, фюрер установил прямой контроль не только над политикой государства, но и над военной машиной. В ту пору он обладал почти такой же властью, какую имел Наполеон после Аустерлица и Йены. Правда, у него не было славы, которую приносят победы, одержанные в великих битвах благодаря личному руководству, но он уже добился триумфа в политической и дипломатической областях. Все его приближенные и приверженцы знали, что эти триумфы одержаны только им одним благодаря трезвости его суждений и смелости.

* * *

Помимо намерения включить все народы тевтонской расы в рейх, о котором столь откровенно говорится в «Майн кампф», у Гитлера имелись две причины, побуждавшие его добиваться присоединения Австрийской Республики. Австрия открывала Германии дверь в Чехословакию и широкие ворота в Юго-Восточную Европу. Со времени убийства канцлера Дольфуса австрийской организацией нацистской партии в июле 1934 года процесс подрыва независимого австрийского правительства с помощью денег, интриг и путем применения силы не прекращался. Нацистское движение в Австрии крепло с каждым успехом, где бы то ни было достигнутым Гитлером, будь то в Германии или в его борьбе с союзниками. Необходимо было действовать постепенно. Официально Папен получил указания поддерживать самые дружественные отношения с австрийским правительством и добиваться официального признания им австрийской нацистской партии как законной организации. В этот период позиция Муссолини вынуждала к некоторой сдержанности. После убийства Дольфуса итальянский диктатор вылетел в Венецию, чтобы встретить и успокоить его вдову, нашедшую там убежище, а на южной границе Австрии были сосредоточены значительные итальянские силы. Но теперь, в начале 1938 года, произошли решающие перемены в расстановке сил в Европе и переоценка ценностей. Франции противостояла линия Зигфрида, барьер из стали и бетона, становящийся все более грозным, и преодоление его, казалось, стоило бы французам огромных человеческих жертв. Дверь с Запада была закрыта.

Муссолини был втянут в германскую систему в результате санкций, которые оказались настолько неэффективными, что они лишь вызвали его раздражение, не ослабив ни в малейшей степени его власти. Он, очевидно, с удовольствием вспоминал знаменитое изречение

Макиавелли: «Люди мстят за мелкие обиды, но не за серьезные». Самое главное, западные демократии, по-видимому, не раз давали доказательство того, что они смиряются с любым насилием, пока они сами не подверглись прямому нападению. Папен искусно действовал внутри политической системы Австрии. Многие видные деятели Австрии уступили его нажиму и интригам. Господствовавшая неуверенность неблагоприятно отражалась на туризме, имевшем столь важное значение для Вены. И все это происходило на фоне террористической деятельности и взрывов бомб, расшатывавших и без того непрочную основу Австрийской Республики.

Было решено, что пробил час захватить контроль над австрийской политикой, введя в состав венского кабинета руководителей незадолго до этого легализованной австрийской нацистской партии. 12 февраля 1938 года, через восемь дней после того, как Гитлер взял в свои руки верховное командование, австрийский канцлер Шушниг был вызван в Берхтесгаден. Шушниг повинился и выехал в сопровождении своего министра иностранных дел Гвидо Шмидта.

Теперь мы располагаем отчетом Шушнига, в котором приведен нижеследующий диалог. Гитлер упомянул об обороне австрийской границы. Там была создана оборонительная система, для преодоления которой потребовалось бы проведение военной операции, что в свою очередь подняло бы вопрос о мире и войне.

«Гитлер: Стоит мне только отдать приказ – и в одну ночь все ваши смехотворные пугала на границе будут сметены. Не думаете ли вы всерьез, что сможете задержать меня хоть на полчаса? Кто знает, быть может, в одно прекрасное утро я неожиданно появлюсь в Вене, подобно весенней грозе, а тогда вы действительно кое-что испытаете. Мне очень хотелось бы избавить Австрию от такой участи, ибо эта акция повлекла бы за собой много жертв. За армией вошли бы мои СА и легион! И никто бы не мог помешать им мстить, даже я. Не хотите ли вы превратить Австрию в новую Испанию? Я хотел бы, по возможности, избежать этого.

Шушниг: Я соберу необходимые сведения и приостановлю всякие оборонительные работы на германской границе. Я, конечно, понимаю, что вы можете вторгнуться в Австрию, но, г-н рейхсканцлер, хотим мы этого или нет, это будет означать кровопролитие. Мы не одни в этом мире, и такой шаг, вероятно, будет означать войну.

Гитлер: Легко говорить о войне, сидя здесь, в этих удобных креслах. Но война означает бесконечные страдания для миллионов. Готовы ли вы взять на себя такую ответственность, г-н Шушниг? Не думайте, что кто-либо на земле может отвлечь меня от моих решений! Италия? У меня с Муссолини одинаковые взгляды, и теснейшие узы дружбы связывают меня с Италией. Англия? Англия не пошевелит ни одним пальцем ради Австрии... Франция? Два года назад, когда мы вошли в Рейнскую область с горсткой батальонов, – в то время я рисковал многим. Если бы Франция выступила тогда, нам пришлось бы отступить... Но сейчас для Франции слишком поздно!»

Эта первая беседа состоялась в 11 часов утра. После официального завтрака австрийцы были вызваны в небольшую комнату, и там Риббентроп и Папен вручили им письменный ультиматум.

Условия не подлежали обсуждению. Они включали назначение в состав австрийского кабинета австрийского нациста Зейсс-Инкварта в качестве министра общественного порядка и безопасности, общую амнистию всем арестованным австрийским нацистам и официальное включение австрийской нацистской партии в Отечественный фронт, находившийся под покровительством правительства.

Позднее Гитлер принял австрийского канцлера.

«Я повторяю, что это ваш последний шанс. Я жду, что через три дня это соглашение будет выполнено».

В своем дневнике Йодль пишет:

«На Шушнига и Гвидо Шмидта вновь оказан сильнейший политический и военный нажим. В 11 часов вечера Шушниг подписывает “протокол”».

Когда Папен вез Шушнига обратно на санях по заснеженным дорогам в Зальцбург, он сказал: «Вот каким бывает фюрер. Теперь вы испытали это на самом себе. Но в следующий раз вы проведете время гораздо приятнее. Фюрер может быть действительно обаятельным».

20 февраля Гитлер сказал в рейхстаге:

«Я рад сообщить вам, господа, что за последние несколько дней было достигнуто большое взаимопонимание со страной, которая особенно близка нам по многим причинам. Рейх и германская Австрия связаны не только потому, что на их территории живет один и тот же народ, но и потому, что у этих стран общая долгая история и общая культура. Трудности, возникшие при выполнении соглашения от 11 июля 1936 года, вынудили нас предпринять попытку устранить непонимание и помехи, препятствовавшие окончательному примирению¹³. Если бы это не было сделано, то в один прекрасный день, умышленно или нет, несомненно, могло бы создаться невыносимое положение, а подобное положение могло бы привести к весьма серьезной катастрофе. Я рад заверить вас, что подобные соображения отвечали взглядам австрийского канцлера, которого я пригласил к себе. Это было сделано с намерением добиться ослабления напряжения в наших отношениях путем предоставления при существующих законах таких же законных прав гражданам, придерживающимся национал-социалистских идей, какими пользуются другие граждане германской Австрии. Наряду с этим практическим вкладом в дело мира явится общая амнистия и установление лучшего взаимопонимания между двумя государствами в результате еще более дружественного сотрудничества, насколько это возможно в самых различных областях – политической, личной и экономической. Все это явится дополнением к соглашению от 11 июля и не будет выходить за рамки этого соглашения. В этой связи я перед лицом германского народа выражаю свою искреннюю благодарность австрийскому канцлеру за его глубокое понимание и искреннюю готовность, с которыми он принял мое приглашение и работал вместе со мной. Мы смогли найти путь, отвечающий высшим интересам обеих стран, ибо в конечном счете это интересы всего германского народа, сыновьями которого все мы являемся, где бы мы ни родились»¹⁴.

Вряд ли можно было бы найти для поучения англичан и американцев лучший образчик обмана и лицемерия. Я привожу это высказывание потому, что оно уникально в этом отношении. Поразительно, как эта речь могла вызвать у интеллигентных людей в свободных странах какие-то иные чувства, помимо презрения.

* * *

Драма на континенте разворачивалась своим чередом. Муссолини направил теперь Шушнигу послание, указав, что он считает позицию, занятую Австрией в Берхтесгадене, правильной и находчивой. Он заверил его в неизменности позиции Италии в австрийском вопросе и в своей личной дружбе. 24 февраля австрийский канцлер выступил в австрийском парламенте, приветствуя урегулирование с Германией. Но с некоторой резкостью он подчеркнул, что Австрия никогда не пойдет дальше конкретных условий соглашения. 3 марта он через австрийского военного атташе в Риме послал конфиденциальное послание Муссолини, сообщая дуче о своем намерении укрепить политическое положение в Австрии путем проведения плебисцита. Спустя 24 часа он получил донесение от австрийского военного атташе в Риме,

¹³ Hitler's Speeches (N.H. Baynes, Editor). Vol 2. P. 1407–1408.

¹⁴ Schuschnigg. Op. cit. S. 66–72.

который описывал свою беседу с Муссолини. Дуче высказался оптимистически. Положение, сказал он, должно улучшиться. Немедленная разрядка в отношениях между Римом и Лондоном приведет к ослаблению существующего напряжения... Что касается плебисцита, то Муссолини сделал следующее предостережение:

«Это ошибка. Если результат будет удовлетворительным, народ скажет, что плебисцит был подтасован. Если результат будет плохим, положение правительства окажется невыносимым, а если он не даст определенных результатов, тогда он вообще бесполезен».

Но Шушниг принял твердое решение. 9 марта он официально объявил, что в следующее воскресенье, 13 марта, по всей Австрии состоится плебисцит.

Вначале никаких событий не произошло. У Зейсс-Инкварта эта идея, казалось, не встретила возражений. Однако 11 марта в 5 часов 30 минут Шушнигу позвонили по телефону из полицейского управления в Вене и сообщили:

«Час назад германская граница в Зальцбурге была закрыта. Германские таможенные работники отозваны. Железнодорожная связь прервана».

Следующее донесение австрийский канцлер получил от своего генерального консула в Мюнхене. В нем говорилось, что германский армейский корпус в Мюнхене мобилизован. Предполагаемое направление – Австрия!

В то же утро, несколько позднее, Зейсс-Инкварт явился к Шушнигу и сообщил, что Геринг только что заявил ему по телефону, что плебисцит должен быть отменен и что решение необходимо принять в течение часа. Если за это время никакого ответа не последует, Геринг будет считать, что Зейсс-Инкварт не допускают к телефону, и примет соответствующие меры. Узнав от ответственных официальных лиц, что полиция и армия не вполне надежны, Шушниг информировал Зейсс-Инкварта, что плебисцит будет отложен. Спустя четверть часа последний вернулся с ответом от Геринга, второпях написанным на листке, вырванном из блокнота:

«Положение можно спасти только в том случае, если канцлер немедленно подаст в отставку и если через два часа Зейсс-Инкварт будет назначен канцлером. Если в течение этого времени ничего не будет сделано, начнется вторжение германских войск в Австрию»¹⁵.

Шушниг отправился к президенту Микласу и вручил ему прошение об отставке. Пока он находился в кабинете президента, ему подали расшифрованное послание итальянского правительства, которое сообщало, что оно не может дать никакого совета. Старый президент проявил упрямство: «Итак, в решающий час я остался один». Он упорно отказывался назначить канцлером нациста. Он твердо решил вынудить немцев пойти на позорные и насильственные действия. Но к этому они были хорошо подготовлены.

На следующий день, 11 марта, Гитлер отдал германским вооруженным силам приказ оккупировать Австрию. Операция «Отто», так долго обсуждавшаяся и так тщательно подготавливавшаяся, началась.

* * *

Триумфальное вступление в Вену было мечтой австрийского ефрейтора. В ночь на субботу 12 марта нацистская партия в столице намеревалась устроить факельное шествие в честь героя-победителя. Но никто не явился. Поэтому трех ошеломленных баварцев из интендантской службы, приехавших поездом, чтобы подготовить квартиры для постоя вторгающихся войск, с триумфом пронесли на руках по улицам города. О причине срыва этого плана стало известно не скоро. Германская военная машина тяжело прогромыкала через границу и застряла у Линца. Несмотря на превосходную погоду и хорошие условия, большая часть танков вышла из строя. Обнаружились дефекты тяжелой моторизованной артиллерии, и дорога от

¹⁵ Feiling Keith. Life of Neville Chamberlain. P. 347–348.

Линца до Вены оказалась забитой остановившимися тяжелыми машинами. Ответственность за затор, показавший, что на данном этапе своего восстановления германская армия еще не находится в полной готовности, была возложена на командующего 4-й группой армий фаворита Гитлера генерала фон Рейхенау.

Проезжая на машине через Линц, Гитлер увидел этот затор и пришел в бешенство. Легкие танки были выведены из колонны и в беспорядке вошли в Вену рано утром в воскресенье. Бронемашин и тяжелых моторизованные артиллерийские орудия были погружены на железнодорожные платформы и только благодаря этому успели к церемонии. Хорошо известны снимки, на которых показан Гитлер, едущий по улицам Вены среди ликующих или испуганных толп народа. Но этот момент мистической славы был омрачен элементом беспокойства. Фюрер был разъярен явными недостатками своей военной машины. Он обрушился на своих генералов, но и те не остались в долгу. Они напомнили ему о его нежелании прислушаться к Фричу и принять к сведению его предупреждение о том, что Германия не в состоянии пойти на риск большого конфликта. Но видимость была соблюдена. Состоялись официальные торжества и парады. В воскресенье, после того как германские войска и австрийские нацисты вступили во владение Веной, Гитлер провозгласил ликвидацию Австрийской Республики и присоединение ее территории к германскому рейху.

В тот момент Риббентроп собирался покинуть Лондон и занять пост министра иностранных дел Германии. Чемберлен дал в его честь прощальный завтрак на Даунинг-стрит, 10. Мы с женой приняли приглашение премьер-министра и поехали на завтрак. За столом было человек шестнадцать. Моя жена сидела возле сэра Александра Кадогана, на одном из концов стола. Примерно в середине завтрака курьер из министерства иностранных дел вручил ему пакет. Он вскрыл его и погрузился в чтение. Затем он встал, обошел вокруг стола, подошел к премьер-министру и передал ему полученную записку, и хотя, судя по поведению Кадогана, ничего особенного не произошло, я невольно обратил внимание на то, что премьер-министр глубоко задумался. Кадоган вернулся с бумагой к своему месту. Позднее мне сообщили содержание этой записки. В ней говорилось, что Гитлер вторгся в Австрию и что германские механизированные части быстро продвигаются к Вене. Завтрак продолжался своим чередом, однако вскоре госпожа Чемберлен, получив какой-то сигнал от своего супруга, поднялась и пригласила: «Пойдемте все в гостиную пить кофе». Мы направились туда, но мне и, быть может, кое-кому из других гостей было ясно, что супруги Чемберлен стремились поскорее закончить прием. Какое-то беспокойство охватило присутствовавших. Все стояли, готовясь проститься с почетными гостями.

Но Риббентроп и его жена, казалось, ничего не заметили. Напротив, они задержались почти на полчаса, занимая хозяина и хозяйку оживленной беседой. В один из этих моментов я подошел к госпоже Риббентроп и, прощаясь с ней, сказал:

«Надеюсь, что Англия и Германия сохранят свои дружественные отношения».

«Смотрите только не нарушайте их сами», – кокетливо ответила она.

Я уверен, что оба они отлично понимали, что именно произошло, но считали ловким ходом подольше удерживать премьер-министра от его деловых обязанностей и телефона. Наконец Чемберлен обратился к послу:

«Я должен извиниться, но я обязан заняться сейчас срочными делами», – и без дальнейших церемоний он вышел из гостиной.

Риббентропы все еще задерживались, но большинство из нас под разными предлогами отправились по домам. Надо полагать, и они наконец откланялись. Это был последний раз, когда я видел Риббентропа – вплоть до того момента, когда его повесили.

* * *

Надругательство над Австрией и покорение прекрасной Вены со всей ее славой, культурой и ее вкладом в историю Европы явились для меня большим ударом. На другой день после этих событий, 14 марта, я сказал в палате общин:

«Трудно преувеличить серьезность событий, произошедших 12 марта. Европа столкнулась с программой агрессии, хорошо спланированной и рассчитанной. Эта программа осуществляется этап за этапом, и не только для нас, но и для других стран выбор один – либо подчиниться, подобно Австрии, либо принять действенные меры, пока еще есть время отвратить опасность, а если отвратить ее нельзя, то справиться с ней. Сколько имеющихся сейчас ресурсов придется нам израсходовать для обеспечения нашей безопасности и для поддержания мира, если мы пассивно будем ожидать развития событий? Сколько друзей отвернется от нас, сколько потенциальных союзников один за другим окажутся втянутыми в этот ужасный водоворот? Сколько раз будет удаваться блеф, пока наконец непрерывно собираемые под прикрытием этого блефа силы действительно будут накоплены?.. В каком положении мы окажемся, например, через два года, когда германская армия будет, конечно, значительно больше французской и когда все малые страны сбегут из Женевы, чтобы выразить свое уважение все растущей мощи нацистской системы и договориться с нацистами на лучших для них условиях?»

И далее:

«Вена – центр коммуникаций всех стран, входивших в состав старой Австро-Венгерской империи, и стран, расположенных на юго-востоке Европы. Дунай на большом протяжении теперь в руках немцев. Овладев Веной, нацистская Германия получила возможность установить военный и экономический контроль над всеми коммуникациями Юго-Восточной Европы – шоссейными, речными и железнодорожными.

В настоящий момент Чехословакия изолирована как в экономическом, так и в военном отношении. Выход для ее торговли через Гамбург, предусмотренный мирным договором, конечно, может быть в любой момент закрыт. Ее железнодорожные и речные пути, идущие на юг и дальше на юго-восток, могут быть отрезаны в любой момент. Ее торговля может быть обложена непосильными для нее сборами. Это страна, которая некогда была крупнейшим промышленным районом старой Австро-Венгерской империи. Теперь она отрезана или может быть отрезана немедленно, если в результате происходящего сейчас обсуждения не будут приняты меры к охране коммуникаций Чехословакии. Она в мгновение ока может быть отрезана от своих источников сырья в Югославии и от естественных рынков, созданных ею там. Экономическая жизнь этого небольшого государства может очень сильно пострадать в результате такого акта насилия, который был осуществлен в прошлую пятницу ночью».

* * *

На этот раз сигнал тревоги исходил от русских, которые 18 марта предложили созвать конференцию для обсуждения создавшегося положения. Они хотели обсудить, хотя бы в общих чертах, пути и способы претворения в жизнь франко-советского пакта в рамках действий Лиги Наций в случае серьезной угрозы миру со стороны Германии. Это предложение встретило прохладный прием в Париже и Лондоне. У французского правительства были другие заботы. На авиационных заводах происходили крупные забастовки, армии Франко глубоко вклинивались в территорию коммунистической Испании. Чемберлен был мрачен и полон скептицизма. Его оценка будущих опасностей и способов борьбы с ними коренным образом отличалась от моей. Я в то время настаивал на том, что только заключение франко-англо-русского союза даст надежду сдержать натиск нацистов.

Фейлинг рассказывает, что настроения премьер-министра нашли свое отражение в его письме сестре от 20 марта:

«План “Великого союза”, как называет его Уинстон, приходил мне в голову задолго до того, как Уинстон упомянул о нем. Я беседовал по этому вопросу с Галифаксом, и мы передали этот план на рассмотрение начальников штабов и экспертов министерства иностранных дел. Это очень привлекательная идея. Действительно, многое можно сказать в ее защиту, пока не подойдешь к ней с точки зрения практической ее осуществимости. После этого ее привлекательность исчезает. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что Франция и мы ничего не можем сделать для спасения Чехословакии от вторжения немцев, если бы последние решились на такой шаг... Поэтому я отказался от всякой мысли о предоставлении гарантий Чехословакии или Франции в связи с ее обязательствами перед этой страной»¹⁶.

Во всяком случае это было какое-то определенное решение. Но оно было принято на основе неправильных предпосылок. В современных войнах между великими державами или союзами оборона тех или иных районов не может быть обеспечена только местными усилиями. Нужно принимать в расчет огромный баланс всего фронта военных действий. В еще большей мере это относится к политике в период, предшествующий войне, когда войну еще можно предотвратить. Начальникам штабов и экспертам министерства иностранных дел, конечно, не пришлось сильно напрягать свои умственные способности для того, чтобы иметь возможность сказать премьер-министру, что английский флот и французскую армию нельзя развернуть в горах Богемии как барьер между Чехословацкой Республикой и гитлеровской армией вторжения.

Это было ясно при одном взгляде на карту. Однако даже в тот момент уверенность в том, что переход линии богемской границы повлечет за собой всеобщую войну в Европе, могла бы предотвратить или задержать следующий акт агрессии со стороны Гитлера. Как глубоко ошибался Чемберлен в своих личных выводах, видно, если учесть ту гарантию, которую он дал Польше через год после того, как стратегическая ценность Чехословакии была уничтожена, а мощь и престиж Гитлера возросли чуть ли не вдвое!

* * *

24 марта 1938 года, выступая в палате общин, премьер-министр изложил нам свое мнение по поводу шага, предпринятого русскими:

«Правительство Его Величества считает, что косвенным, но отнюдь не менее неизбежным следствием действий, предлагаемых советским правительством, явилось бы усиление тенденции к созданию замкнутых группировок стран, что, по мнению правительства Его Величества, было бы вредно для дела мира в Европе».

Однако премьер-министр не мог обойти молчанием тот неприятный факт, что «международное доверие сильно поколеблено» и что рано или поздно правительству придется определить обязательства Великобритании в Европе. Каковы будут наши обязательства в Центральной Европе?

«Если вспыхнет война, она вряд ли затронет только тех, кто взял на себя законные обязательства. Немыслимо предугадать, где она закончится и какие правительства окажутся вовлеченными в нее».

Далее следует отметить, что довод о вредности «замкнутых группировок стран» теряет свою ценность, если альтернативой оказывается захват агрессором одной страны за другой. При этом игнорируются также все вопросы справедливости в отношениях между странами. В конце концов ведь существовала Лига Наций и ее устав. Курс действий премьер-министра был

¹⁶ Nuremberg Documents. Part 2. P. 4.

теперь намечен: одновременный дипломатический нажим на Берлин и Прагу, умиротворение Италии и определение наших строго ограниченных обязательств перед Францией. Для осуществления двух первых мероприятий исключительно важно было тщательно и точно определить последние.

Глава 16

Чехословакия

В течение нескольких лет казалось, что вопрос о том, умно или глупо Англия и Франция вели себя в мюнхенском деле, станет предметом долгих споров историков. Однако такие споры стали маловероятными благодаря новым сведениям, полученным из германских источников и в особенности на процессе в Нюрнберге. Главных спорных вопросов было два: во-первых, могли ли решительные действия Англии и Франции принудить Гитлера к отступлению или же привести к его свержению в результате военного заговора и, во-вторых, стало ли за год, прошедший от Мюнхена до начала войны, положение западных держав по сравнению с положением Германии лучше, чем в сентябре 1938 года.

Уже написано и будет еще написано много томов о кризисе, который закончился в Мюнхене принесением в жертву Чехословакии. Поэтому я намерен привести здесь лишь несколько основных фактов и установить масштабы событий. Они неизбежно вытекали из решимости Гитлера воссоединить всех немцев в великом рейхе и продолжать экспансию на Восток, а также из его убеждения, что руководители Франции и Англии не будут воевать, так как они миролюбивы и не хотят перевооружаться. К Чехословакии была применена обычная тактика. Были преувеличены и использованы имевшие некоторое основание жалобы судетских немцев. Кампания против Чехословакии была публично открыта выступлением Гитлера в рейхстаге 20 февраля 1938 года.

«Больше десяти миллионов немцев, – заявил он, – живут в двух сопредельных с нами государствах». Защита этих соотечественников и обеспечение им “свободы – общей, личной, политической и идеологической” – было долгом Германии. Такое публичное заявление о намерении германского правительства проявить интерес к положению немцев в Австрии и Чехословакии было непосредственно связано с тайными планами политического наступления Германии в Европе. Нацистское правительство Германии открыто преследовало две цели: поглощение рейхом всех германских меньшинств за рубежом и расширение таким путем его жизненного пространства на Востоке. Менее рекламировавшаяся цель германской политики носила военный характер. Этой целью была ликвидация Чехословакии, имевшей потенциальное значение авиационной базы России и военного союзника англо-французов в случае войны. Еще в июне 1937 года германский генеральный штаб по указанию Гитлера активно составлял планы вторжения в чехословацкое государство и его уничтожения.

В одном из проектов говорилось:

«Целью и задачей такого внезапного наступления германских вооруженных сил должно быть устранение с самого начала и до конца войны угрозы операциям на Западе с тыла из Чехословакии и лишение русской авиации наиболее важных оперативных баз в Чехословакии»¹⁷.

Тот факт, что западные демократии примирились с порабощением Австрии немцами, поощрил Гитлера, который стал более решительно осуществлять свои замыслы насчет Чехословакии. Установление военного контроля над Австрией, собственно говоря, рассматривалось как необходимая предпосылка к штурму богемского бастиона. В разгар вторжения в Австрию Гитлер сказал в автомобиле генералу Гальдеру:

«Это будет большим неудобством для чехов».

¹⁷ Hitler's Speeches. Vol. 2. P. 1571.

Гальдер сразу понял весь смысл этого замечания, которое осветило ему будущее. Оно показало ему намерения Гитлера и одновременно его военную безграмотность с точки зрения Гальдера.

«Для германской армии, – объяснил Гальдер, – было практически невозможно напасть на Чехословакию с юга. Единственная железная дорога через Линц была совершенно неприкрыта, и о внезапности не могло быть и речи».

Однако основная политико-стратегическая мысль Гитлера была правильной. Западный вал рос, и, не будучи законченным, он уже навевал французской армии ужасные воспоминания о Сомме и Пашендейле. Гитлер был убежден, что ни Англия, ни Франция не будут воевать.

В день вступления германской армии в Австрию, согласно донесению посла Франции в Берлине, Геринг дал чехословацкому посланнику в Берлине торжественное заверение, что у Германии нет «никаких злых умыслов в отношении Чехословакии». 14 марта французский премьер-министр Блюм торжественно заявил чехословацкому посланнику в Париже, что Франция безоговорочно выполнит обязательства в отношении Чехословакии. Эти дипломатические заверения не могли скрыть мрачной действительности. Изменилась вся стратегическая ситуация на континенте. Германия могла теперь сосредоточить как свои аргументы, так и армии непосредственно против западных границ Чехословакии. Пограничные районы этой страны были населены немцами, и там существовала агрессивная и активная партия германских националистов, которые были готовы сыграть роль «пятой колонны» в случае столкновения. 10 апреля французское правительство было реорганизовано. Премьером стал Даладье, а министром иностранных дел – Боннэ. Им двоим предстояло нести ответственность за политику Франции в ближайшие решающие месяцы.

В надежде удержать Германию от дальнейшей агрессии английское правительство в соответствии с решением Чемберлена стало искать соглашения с Италией по вопросу о районе Средиземного моря. Такое соглашение укрепило бы положение Франции и позволило бы как французам, так и англичанам сосредоточить внимание на событиях в Центральной Европе. Муссолини, в известной мере удовлетворенный падением Идена и чувствовавший силу своих позиций, не отверг раскаяния Англии; 16 апреля 1938 года было подписано англо-итальянское соглашение, которое фактически давало Италии свободу рук в Абиссинии и Испании в обмен на ее сомнительную доброжелательность в Центральной Европе.

Гитлер бдительно следил за обстановкой. Ему также было важно знать, на чью сторону встанет Италия в случае европейского кризиса. На совещании с начальниками штабов в конце апреля он обсуждал вопрос о том, как форсировать решение этого вопроса.

Муссолини хотел свободы рук в Абиссинии. Несмотря на согласие английского правительства, ему могла в конце концов понадобиться поддержка Германии в этой аванюре. В таком случае он примирился бы с действиями Германии против Чехословакии. Вопрос нужно поставить ребром, и при урегулировании чешского вопроса Италия будет на стороне Германии. Конечно, заявления английских и французских государственных деятелей изучались в Берлине. Там с удовлетворением отметили намерение этих западных держав убедить чехов проявить благоразумие в интересах мира в Европе. Нацистская партия Судетской области во главе с Генлейном сформулировала к этому времени свои требования автономии для граничивших с Германией районов Чехословакии. Эта программа была изложена 24 апреля в речи Генлейна в Карлсбаде. Английский и французский посланники в Праге вскоре после этого посетили министра иностранных дел Чехословакии, чтобы выразить надежду, что чешское правительство сделает все возможное для урегулирования этого вопроса.

17 мая начались переговоры по судетскому вопросу между чешским правительством и Генлейном, который на обратном пути посетил Гитлера. В Чехословакии предстояли муниципальные выборы, и в качестве подготовки к ним германское правительство начало войну нервов. Уже распространялись упорные слухи о передвижении германских войск к чешской

границе. 20 мая сэру Невиллу Гендерсону предложили сделать на этот счет запрос в Берлине. Немецкие опровержения не успокоили чехов, которые в ночь на 21 мая отдали приказ о частичной мобилизации армии.

* * *

Теперь необходимо рассмотреть намерения немцев. Гитлер уже раньше пришел к убеждению, что ни Франция, ни Англия не станут сражаться за Чехословакию. 28 мая он созвал своих главных советников и отдал распоряжения о подготовке к нападению на Чехословакию. Позднее он рассказал об этом публично в выступлении в рейхстаге 30 января 1939 года:

«Ввиду этой невыносимой провокации... я решил урегулировать раз и навсегда, и на этот раз радикально, вопрос о судетских немцах. 28 мая я отдал приказ, во-первых, о подготовке ко 2 октября военной акции против этого государства и, во-вторых, об огромном и ускоренном расширении фронта нашей обороны на Западе»¹⁸.

Военные советники Гитлера, однако, не разделяли единодушно его безграничной уверенности. Ввиду все еще огромного превосходства сил союзников (за исключением авиации) было невозможно убедить немецких генералов, что Англия и Франция не дадут отпора вызову фюрера. Для разгрома чехословацкой армии и для прорыва или обхода линии богемских крепостей понадобились бы практически 35 дивизий. Немецкие командующие вооруженными силами довели до сведения Гитлера, что чешскую армию нужно считать боеспособной и располагающей современным оружием и снаряжением. Хотя укрепления Западного вала, или линии Зигфрида, уже существовали в виде сооружений полевого типа, они были еще далеко не завершены. Таким образом, в момент нападения на чехов для защиты всей западной границы Германии против французской армии, которая могла мобилизовать 100 дивизий, немцы располагали бы всего 5 кадровыми и 8 резервными дивизиями. Генералы были в ужасе от подобного риска, зная, что, выждав несколько лет, германская армия могла бы вновь стать хозяином положения.

Хотя правильность политических расчетов Гитлера уже имела доказательства в виде пацифизма и слабости, проявленных союзниками при введении воинской повинности в Германии, а также по вопросу о Рейнской области и об Австрии, германское верховное командование не могло поверить, что блеф Гитлера увенчается успехом в четвертый раз. Разумным людям представлялось невероятным, чтобы великие нации-победительницы, обладавшие явным военным превосходством, еще раз свернули с пути, диктовавшегося им не только долгом и честью, но и здравым смыслом и осторожностью. Кроме всего этого, существовала Россия, связанная с Чехословакией узами славянства и занимавшая в то время весьма угрожающую позицию в отношении Германии.

Отношения Советской России с Чехословакией как государством и лично с президентом Бенешем основывались на тесной и прочной дружбе. Это объяснялось известной расовой близостью, а также сравнительно недавними событиями, которые требуют краткого разъяснения. Президент Бенеш рассказал мне эту историю в Марракеше, где он посетил меня в январе 1944 года. В 1935 году Гитлер предложил Бенешу уважение целостности Чехословакии во всех отношениях в обмен на гарантию ее нейтралитета в случае франко-германской войны. Когда Бенеш указал на договорное обязательство действовать в подобных случаях совместно с Францией, германский посол ответил, что денонсировать договор нет необходимости. Будет достаточно нарушить его в надлежащий момент – если этот момент наступит – простым отказом от мобилизации и выступления. Маленькая республика не имела возможности возмущаться подобным предложением. Она и так уже очень боялась Германии, в особенности потому, что последняя могла в любой момент создать чрезвычайные затруднения и серьезную угрозу для Чехослова-

¹⁸ Hitler's Speeches. Vol. 2. P. 1571.

кии, если бы она подняла и муссировала вопрос о судетских немцах. Поэтому чехи оставили предложение без комментариев, ничего не обещав, и больше года вопрос не поднимался.

Осенью 1936 года президент Бенеш получил от высокопоставленного военного лица в Германии уведомление, что, если он хочет воспользоваться предложением фюрера, ему следует поторопиться, так как в России в скором времени произойдут события, которые сделают любую возможную помощь Бенеша Германии ничтожной.

Пока Бенеш размышлял над этим тревожным намеком, ему стало известно, что через советское посольство в Праге осуществляется связь между высокопоставленными лицами в России и германским правительством. Это было одним из элементов так называемого заговора военных и старой гвардии коммунистов, стремившихся свергнуть Сталина и установить новый режим на основе прогерманской ориентации. Не теряя времени, президент Бенеш сообщил Сталину все, что он мог выяснить. За этим последовала беспощадная, но, возможно, бесполезная чистка военного и политического аппарата в Советской России и ряд процессов в январе 1937 года, на которых Вышинский столь блестяще выступал в роли государственного обвинителя.

Хотя в высшей степени маловероятно, чтобы коммунисты из старой гвардии присоединились к военным или наоборот, они, несомненно, были полны зависти к вытеснившему их Сталину. Поэтому могло оказаться удобным разделаться с ними одновременно в соответствии с обычаями тоталитарного государства. Были расстреляны Зиновьев, Бухарин, Радек и другие из числа первоначальных руководителей революции, маршал Тухачевский, который представлял Советский Союз на коронации короля Георга VI, и многие из высших офицеров армии. Чемберлену и генеральным штабам Англии и Франции чистка 1937 года казалась прежде всего внутренним разгромом русской армии. У них создалось представление, что яростная ненависть и мстительность раздирают Советский Союз. Это было, пожалуй, преувеличением: основанную на терроре систему правления вполне возможно укрепить беспощадным и успешным утверждением ее власти. Главное значение для нашего рассказа имеет тесная близость между Россией и Чехословакией, а также Сталиным и Бенешем.

Однако ни внутренние трения в Германии, ни связи между Сталиным и Бенешем не были известны внешнему миру и не получили должной оценки у английских и французских министров. Линия Зигфрида, пусть даже незавершенная, представлялась им страшным препятствием. Хотя германская армия возникла недавно, ее точная численность и боевая мощь не были известны, и их, бесспорно, преувеличивали. Существовала, кроме того, неизведанная опасность нападения авиации на беззащитные города. И превыше всего была ненависть к войне во всех демократических странах.

Тем не менее 12 июня Даладье подтвердил обещание, данное 14 марта его предшественником, и заявил, что обязательства Франции по отношению к Чехословакии «священны и от выполнения их нельзя уклониться».

Однако Гитлер был убежден, что только его оценка положения была правильной. 18 июня он дал окончательную директиву о нападении на Чехословакию, причем попытался успокоить своих встревоженных генералов.

Гитлер – Кейтелю

Я приму решение о действиях против Чехословакии, только если буду твердо уверен, как это было в случае вступления в демилитаризованную зону и в Австрию, что Франция не выступит и что поэтому Англия не вмешается¹⁹.

Чтобы запутать дело, в начале июля Гитлер послал в Лондон своего личного адъютанта капитана Видемана. Лорд Галифакс принял этого эмиссара 18 июля, по-видимому, без ведома

¹⁹ Bonnet Georges. De Washington an Quai d'Orsay. P. 360–361.

германского посольства. Во время этой беседы было сказано, что фюрер обижен тем, что мы не откликнулись на его прежние предложения. Может быть, английское правительство согласилось бы на приезд Геринга в Лондон для более детальных переговоров? При известных обстоятельствах немцы, возможно, согласились бы отложить на год действия против чехов.

Несколько дней спустя Чемберлен обсудил эту возможность с германским послом. Чтобы подготовить почву в Праге, английский премьер-министр уже предлагал чехам послать в Чехословакию представителя для расследования и для содействия дружественному компромиссу.

26 июля 1938 года Чемберлен объявил в парламенте о миссии лорда Ренсимена в Прагу с целью попытаться найти решение путем договоренности между чешским правительством и Генлейном. 3 августа лорд Ренсимен приехал в Прагу, и начались бесконечные и сложные переговоры с различными заинтересованными сторонами. Через две недели переговоры были прерваны. После этого события начали развиваться очень быстро.

В течение августа тревога продолжала нарастать. 27 августа я заявил своим избирателям:

«В этом древнем лесу Тейдон-Бойс, само название которого напоминает нам об эпохе норманнов, в самом сердце мирной, живущей под властью законов Англии, нам трудно осознать ярость страстей, бушующих в Европе. За этот тревожный месяц вы, несомненно, читали в газетах одну неделю хорошие сообщения, другую неделю плохие; сегодня лучше, завтра хуже. Однако я обязан сказать вам, что вся Европа и весь мир неуклонно идут к кризису, который невозможно оттянуть надолго.

Войны, бесспорно, можно избежать. Однако угроза миру не будет устранена до тех пор, пока не будут расформированы призванные под ружье германские армии. Ибо, когда страна, которой никто не угрожает, которой некого бояться, приводит в боевую готовность полтора миллиона солдат, она делает очень серьезный шаг... Мне кажется, и я обязан ясно сказать вам об этом, что эти огромные силы приведены в боевую готовность не без намерения достигнуть решающих результатов в весьма ограниченный отрезок времени...»

* * *

2 сентября после полудня я получил от советского посла извещение о том, что он хотел бы приехать в Чартуэлл и немедленно переговорить со мной по срочному делу. Уже довольно давно я поддерживал дружеские личные отношения с Майским, который часто встречался с моим сыном Рандольфом. Поэтому я принял посла, и после нескольких вступительных слов он рассказал мне со всеми точными и официальными подробностями историю, изложенную ниже. Вскоре после начала его рассказа я понял, что он делает это заявление мне – частному лицу – потому, что советское правительство предпочитает такой путь непосредственному обращению в министерство иностранных дел, где оно могло бы натолкнуться на резкий отпор. Заявление посла было сделано с вполне очевидной целью – чтобы я передал все услышанное правительству Его Величества. Посол не сказал этого прямо, но это было ясно потому, что он не просил сохранить разговор в тайне. Поскольку дело сразу же показалось мне исключительно важным, я старался не вызвать предубеждения у Галифакса и Чемберлена и поэтому не высказал своего мнения и не употребил выражений, которые могли бы вызвать разногласия между нами.

Черчилль – лорду Галифаксу

3 сентября 1938 года

Я получил неофициально из абсолютно надежного источника следующие сведения, которые я считаю своим долгом передать Вам, хотя меня об этом не просили.

Вчера, 2 сентября, французский поверенный в делах в Москве (сам посол в отпуске) посетил Литвинова и спросил его от имени французского правительства, какую помощь Россия окажет Чехословакии в случае нападения Германии, учитывая в особенности затруднения, которые могут возникнуть в связи с нейтралитетом Польши и Румынии. Литвинов, со своей стороны, спросил о намерениях самих французов, указав, что у Франции есть прямые обязательства, тогда как обязательство России стоит в зависимости от действий Франции. Французский поверенный в делах не ответил на этот вопрос. Тем не менее Литвинов заявил ему, во-первых, что Советский Союз решил выполнить свои обязательства. Он признал трудности, связанные с позицией Польши и Румынии, но высказал мнение, что в отношении Румынии их можно преодолеть.

За последние месяцы правительство Румынии подчеркнуто дружественно относилось к России, и их взаимоотношения значительно улучшились. По мнению Литвинова, преодолеть возражения Румынии было бы легче всего через Лигу Наций. Если бы, например, Лига Наций решила, что Чехословакия – жертва агрессии и что агрессор – Германия, это, вероятно, определило бы позицию Румынии в вопросе о пропуске через ее территорию русских войск и авиации.

Французский поверенный в делах заметил, что Совет Лиги может не проявить единодушия. Он получил ответ, что, по мнению Литвинова, было бы достаточно решения большинством голосов и что Румыния, вероятно, присоединилась бы к большинству в Совете. Поэтому Литвинов рекомендовал, чтобы Совет Лиги был созван на основании статьи 11 в связи с тем, что существует угроза войны и необходимы консультации между членами Лиги.

Литвинов считает, что, чем скорее это будет сделано, тем лучше, так как времени может оказаться очень мало. Далее он сказал французскому поверенному в делах, что следовало бы немедленно начать переговоры между начальниками штабов России, Франции и Чехословакии о средствах и путях оказания помощи. Советский Союз готов сразу же приступить к таким переговорам.

В-четвертых, Литвинов напомнил о своем интервью от 17 марта, копия которого, несомненно, есть у Вас в министерстве иностранных дел. Там он защищал идею консультаций между миролюбивыми державами относительно лучших методов сохранения мира, возможно, с целью опубликования совместной декларации при участии трех заинтересованных великих держав – Франции, России и Великобритании. Он считает, что Соединенные Штаты оказали бы такой декларации моральную поддержку. Все эти заявления были сделаны от имени советского правительства и отражают его мнение относительно наилучшего пути предотвращения войны...

Возможно, конечно, что все это стало Вам известно по другим каналам, но заявления Литвинова показались мне настолько важными, что я не мог полагаться на волю случая.

Я послал это сообщение лорду Галифаксу, как только продиктовал его. 5 сентября лорд Галифакс ответил в осторожных выражениях, что в настоящее время не считает полезными действия такого рода, которые предусматривает статья 11, но он будет иметь их в виду.

7 сентября французский посол в Лондоне посетил лорда Галифакса, чтобы попросить от имени своего правительства разъяснения позиции, которую займет Англия в случае германского нападения на Чехословакию.

Боннэ, который был тогда министром иностранных дел, утверждает, что 10 сентября 1938 года он задал нашему послу в Париже сэру Эрику Фиппсу следующий вопрос:

«Завтра Гитлер может напасть на Чехословакию. Если это случится, Франция немедленно объявит мобилизацию. Она обратится к вам и скажет: “Мы выступаем, идете ли вы с нами?” Что ответит Великобритания?»²⁰

Ниже следует ответ, одобренный кабинетом и посланный лордом Галифаксом через сэра Эрика Фиппса 12 сентября.

«Я, конечно, понимаю, насколько важно было бы для французского правительства иметь ясный ответ на этот вопрос. Однако, как Вы уже сказали Боннэ, сам по себе вопрос, хотя и ясный по форме, невозможно отделить от обстоятельств, в которых он может быть поставлен и которые сейчас могут быть только гипотетическими.

Кроме того, в этом вопросе правительство Его Величества не может иметь в виду только собственную позицию, поскольку любое принятое им решение или любой его шаг будет фактически обязательством и для доминионов. Их правительства, несомненно, не захотят, чтобы их позиция предreshалась за них заранее, пока не известны обстоятельства, о которых они пожелают иметь свое суждение. Поэтому в той мере, насколько я могу ответить сейчас на вопрос Боннэ, этот ответ должен быть следующим: хотя правительство Его Величества никогда не допустит угрозы безопасности Франции, оно не в состоянии делать точные заявления о характере своих будущих действий или об их сроках в обстановке, которую оно не может сейчас предвидеть».

В связи с заявлением, что «правительство Его Величества никогда не допустит угрозы безопасности Франции», французы запросили, какой помощи они могут ожидать, если она будет оказана. По словам Боннэ, из Лондона ответили, что в первые шесть месяцев войны помощь выразится в отправке двух немоторизованных дивизий и 150 самолетов. Нужно признать, что, если Боннэ искал предлоги для того, чтобы бросить чехов на произвол судьбы, его поиски оказались небезуспешными.

12 сентября Гитлер выступил на съезде нацистской партии в Нюрнберге с яростными нападениями на чехов, которые в ответ ввели на следующий день военное положение в определенных районах республики; 14 сентября переговоры с Генлейном были окончательно прерваны, а 15 сентября судетский лидер бежал в Германию.

Наступил кульминационный момент кризиса.

Глава 17

Мюнхенская трагедия

В ночь на 14 сентября Даладье связался с Чемберленом. По мнению французского правительства, совместное обращение руководителей Франции и Англии лично к Гитлеру могло бы принести пользу. Чемберлен, однако, уже принял решение самостоятельно. По собственной инициативе он послал Гитлеру телеграмму, выразив желание приехать и повидаться с ним. На следующий день Чемберлен уведомил о своем шаге кабинет, а во второй половине дня получил от Гитлера ответ с приглашением в Берхтесгаден. Утром 15 сентября английский премьер-министр вылетел на мюнхенский аэродром. Момент был выбран не во всех отношениях удачно. Когда известие об этом было получено в Праге, руководители Чехословакии не могли поверить ему. Они были поражены тем, что английский премьер-министр сам нанес визит Гит-

²⁰ Feiling. Op. cit. P. 367.

леру в момент, когда они впервые оказались хозяевами внутреннего положения в Судетской области. Чехословацкие деятели считали, что этот визит ослабит их позиции в отношениях с Германией. Вызывающая речь Гитлера 12 сентября и организованный немцами мятеж генлейновцев не встретили поддержки местного населения. Генлейн бежал в Германию, и лишившаяся вождя партия судетских немцев явно не желала открытых выступлений. В так называемом «четвертом плане» чехословацкое правительство официально предложило лидерам судетских немцев такие административные планы местной автономии, которые не только превосходили требования, выдвинутые в апреле Генлейном в Карлсбаде, но и полностью соответствовали взглядам, высказанным Чемберленом в речи 24 марта и сэром Джоном Саймоном в речи 27 августа. Однако даже лорд Ренсимен понимал, что немцы меньше всего хотят приемлемого соглашения между чешским правительством и лидерами судетских немцев. Поездка Чемберлена дала последним возможность повысить требования: по инструкции из Берлина экстремисты в судетской партии теперь открыто требовали присоединения к рейху.

* * *

Самолет премьер-министра прибыл на мюнхенский аэродром днем 16 сентября. Оттуда Чемберлен поездом выехал в Берхтесгаден. Тем временем все радиостанции Германии передали заявление Генлейна с требованием аннексии рейхом Судетской области. Это было первым известием, которое услышал Чемберлен, когда он прибыл в Мюнхен. Несомненно, было заранее запланировано, чтобы он узнал об этом до встречи с Гитлером. Вопрос об аннексии никогда до тех пор не поднимался ни германским правительством, ни Генлейном. А несколькими днями раньше английское министерство иностранных дел заявило, что аннексия не является приемлемой для английского правительства.

Фейлинг уже опубликовал все имеющиеся записи бесед между Чемберленом и Гитлером. Главный вывод, который мы можем сделать из его рассказа, следующий: «Несмотря на суровость и беспощадность, которые, как мне казалось, я прочел на его лице, у меня сложилось впечатление, что это – человек, на слово которого можно положиться»²¹. На деле, как мы видели, Гитлер уже несколькими месяцами раньше предпринял и подготовил вторжение в Чехословакию, которое ожидало лишь последнего сигнала. По возвращении в Лондон в субботу 17 сентября премьер-министр созвал заседание кабинета. К этому времени лорд Ренсимен вернулся в Лондон, и его доклад, конечно, был заслушан с вниманием. Все это время Ренсимен был нездоров, а вследствие огромного напряжения, которого требовала от него его миссия, он сильно похудел. Теперь он рекомендовал «политику немедленных и решительных действий», а именно – «передачу Германии районов с преимущественно немецким населением». Это предложение по крайней мере имело тот плюс, что оно было просто.

И премьер-министр, и лорд Ренсимен были убеждены, что только уступка Судетской области Германии может заставить Гитлера отказаться от вторжения в Чехословакию. У Чемберлена от встречи с Гитлером осталось сильное впечатление, «что последний в боевом настроении». Английский кабинет придерживался также мнения, что у французов не было боевого духа. Поэтому не могло быть и речи о сопротивлении требованиям, которые Гитлер предъявлял чехословацкому государству. Некоторые министры нашли утешение в разговорах о «праве на самоопределение», «праве национального меньшинства на справедливость»; возникла даже склонность «стать на сторону слабого против грубых чехов».

Теперь было необходимо согласовать отступление с французским правительством. 18 сентября Даладьё и Боннэ приехали в Лондон. Чемберлен в принципе уже решил принять требования Гитлера, которые были ему изложены в Берхтесгадене. Оставалось только сформули-

²¹ Feiling. Op. cit. P. 367.

ровать предложения, которые английские и французские представители в Праге должны были вручить чешскому правительству. Французские министры привезли ряд проектов предложений, которые, бесспорно, были составлены более искусно. Они не поддерживали идею плебисцита, потому что, по их мнению, это могло бы вызвать требование новых плебисцитов в словацких и русинских районах. Они выступали за прямую передачу Судетской области Германии. Французские министры добавили, однако, что английскому правительству совместно с Францией и с Россией, с которой они не консультировались, следует гарантировать новые границы изувеченной Чехословакии. Английский и французский кабинеты были в то время похожи на две стиснутые перезрелые дыни, в то время как больше всего был нужен блеск стали. В одном они были все согласны – с чехами не нужно консультироваться. Их нужно поставить перед совершившимся фактом решения их опекунов. С младенцами из сказки, брошенными в лесу, обошлись не хуже.

Передавая свое решение, или, вернее, ультиматум, чехам, Англия и Франция заявили:

«Французское и английское правительства понимают, какой великой жертвы ожидают от Чехословакии. Они сочли своим долгом откровенно изложить совместно условия, абсолютно необходимые для безопасности... Премьер-министр должен возобновить переговоры с Гитлером не позднее среды, а если возможно, то и раньше. Мы поэтому считаем, что должны просить вашего скорейшего ответа».

Предложения, включавшие немедленную передачу Германии всех районов Чехословакии, где, процент немцев среди населения составлял больше половины, были, таким образом, вручены чехословацкому правительству во второй половине дня 19 сентября.

* * *

В 2 часа ночи на 21 сентября английский и французский посланники в Праге посетили президента Бенеша, чтобы фактически уведомить его о том, что нет надежды на арбитраж на основе германо-чехословацкого договора 1925 года, и чтобы призвать его принять англо-французские предложения, «прежде чем вызвать ситуацию, за которую Франция и Англия не могут взять на себя ответственность». Французское правительство по крайней мере достаточно стыдилось этого уведомления и предложило своему посланнику сделать его только в устной форме. Под этим нажимом чешское правительство приняло 21 сентября англо-французские предложения.

* * *

В тот же день, 21 сентября, я передал в печать в Лондон следующее заявление о кризисе:

«Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы. Такой крах не принесет мира или безопасности ни Англии, ни Франции. Наоборот, он поставил эти две страны в положение, которое будет становиться все слабее и опаснее. Одна лишь нейтрализация Чехословакии означает высвобождение 25 германских дивизий, которые будут угрожать Западному фронту; кроме того, она откроет торжествующим нацистам путь к Черному морю. Речь идет об угрозе не только Чехословакии, но и свободе и демократии всех стран. Мнение, будто можно обеспечить безопасность, бросив малое государство на съедение волкам, – роковое заблуждение. Военный потенциал Германии будет возрастать в течение короткого времени гораздо быстрее, чем Франция и Англия смогут завершить мероприятия, необходимые для их обороны».

* * *

21 сентября на заседании ассамблеи Лиги Наций Литвинов выступил с официальным предостережением:

«...В настоящее время пятое государство – Чехословакия испытывает вмешательство во внутренние дела со стороны соседнего государства и находится под угрозой громко провозглашенной агрессии...

Один из старейших, культурнейших, трудолюбивейших европейских народов, обретший после многовекового угнетения свою государственную самостоятельность, не сегодня-завтра может оказаться вынужденным с оружием в руках отстаивать эту самостоятельность...

Такое событие, как исчезновение Австрийского государства, прошло незамеченным для Лиги Наций. Сознавая значение, которое это событие должно иметь для судеб всей Европы, и в первую очередь для Чехословакии, советское правительство сейчас же после аншлюса обратилось официально к другим великим европейским державам с предложением о немедленном коллективном обсуждении возможных последствий этого события с целью принятия коллективных предупредительных мер. К сожалению, это предложение, осуществление которого могло избавить нас от тревог, испытываемых ныне всем миром, о судьбе Чехословакии, не было оценено по достоинству.

Когда за несколько дней до моего отъезда в Женеву французское правительство в первый раз обратилось к нам с запросом о нашей позиции в случае нападения на Чехословакию, я дал от имени своего правительства совершенно четкий и недвусмысленный ответ, а именно: мы намерены выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное руководство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом... Только третьего дня чехословацкое правительство впервые запросило советское правительство, готово ли оно в соответствии с чехословацким пактом оказать немедленную и действенную помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет такую же помощь, и на это советское правительство дало совершенно ясный и положительный ответ».

Поистине поразительно, что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в данном кризисе. Мне приходилось слышать утверждения, что в силу географических условий Россия не имела возможности послать войска в Чехословакию и что помощь России в случае войны была бы ограничена скромной поддержкой с воздуха. Согласие Румынии, а также в меньшей степени Венгрии на пропуск русских войск через их территорию было, конечно, необходимо. Такого согласия вполне можно было бы добиться, по крайней мере от Румынии, как указывал мне Майский, с помощью нажима и гарантий великого союза под эгидой Лиги Наций. Из России в Чехословакию через Карпаты вели две железные дороги: северная, от Черновцов, через Буковину, и южная, по венгерской территории, через Дебрецен. Одни эти железные дороги, которые проходят далеко от Бухареста и Будапешта, вполне могли бы обеспечить снабжение русской армии в 30 дивизий. В качестве фактора сохранения мира эти возможности оказали бы серьезное сдерживающее влияние на Гитлера и почти наверняка привели бы к гораздо более серьезным событиям в случае войны. Вместо этого все время подчеркивалось двуличие Советского Союза и его вероломство. Советские предложения фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать, с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого поплатились за это.

* * *

Униженное англо-французскими предложениями чешское правительство вышло в отставку. Было создано беспартийное правительство во главе с генералом Сыровы, который во время Первой мировой войны командовал чешскими легионами в Сибири. 22 сентября президент Бенеш обратился по радио к чешскому народу с исполненным достоинства призывом к спокойствию. В то самое время, когда Бенеш готовился к выступлению, Чемберлен летел на вторую встречу с Гитлером, на этот раз в Годесберге, в Рейнской области. Английский премьер-министр вез с собой как основу для окончательных переговоров с фюрером детальные англо-французские предложения, принятые чешским правительством. Он встретился с Гитлером в том самом отеле в Годесберге, откуда Гитлер поспешно выехал четырьмя годами раньше, чтобы расправиться с Ремом. С самого начала Чемберлен понял, что ему приходится иметь дело с тем, что он назвал «совершенно неожиданной ситуацией». По возвращении он так рассказал палате общин об этой сцене:

«Я надеялся, что по возвращении в Годесберг мне нужно будет лишь спокойно обсудить с ним привезенные мной предложения. Я был глубоко потрясен, когда в начале беседы мне сказали, что эти предложения неприемлемы и что они будут заменены такими новыми предложениями, каких я вовсе не имел в виду...»

Переговоры были прерваны до следующего дня. Все утро 23 сентября Чемберлен прошагал по балкону отеля. После завтрака он послал Гитлеру письмо, заявив о готовности передать новые германские предложения чешскому правительству, но указав на ряд серьезных затруднений. Ответ, присланный Гитлером во второй половине дня, мало свидетельствовал о намерении уступить. Чемберлен попросил, чтобы при заключительной встрече вечером ему вручили официальный меморандум с приложением карт. Чехи проводили мобилизацию, и правительства Англии и Франции официально сообщили своим представителям в Праге, что они не могут дальше брать на себя ответственность советовать чехам отменить мобилизацию. В 10 часов 30 минут вечера Чемберлен снова встретился с Гитлером. Предоставим лучше слово самому Чемберлену:

«Меморандум и карта были вручены мне при последней встрече с канцлером, которая началась в половине одиннадцатого и продолжалась до глубокой ночи. Впервые в меморандуме был указан определенный срок. Ввиду этого я говорил в данном случае очень откровенно. Я подчеркнул со всей возможной решительностью весь риск, сопряженный с настойчивым требованием подобных условий, а также страшные последствия войны в случае ее возникновения. Я заявил, что язык и тон этих документов, которые я назвал скорее ультиматумом, чем меморандумом, глубоко шокируют общественное мнение в нейтральных странах. Я горько упрекнул канцлера за то, что он никак не откликнулся на мои усилия по сохранению мира.

Я должен добавить, что Гитлер подтвердил со всей серьезностью сказанное им мне в Берхтесгадене, а именно, что это последнее его территориальное притязание в Европе и что у него нет желания включать в рейх народы других рас, кроме германской».

Чемберлен вернулся в Лондон днем 24 сентября. На следующий день состоялись три заседания кабинета. Настроение и в Лондоне, и в Париже стало заметно решительнее. Было решено отклонить условия, поставленные в Годесберге, и об этом сообщили германскому правительству. Французский кабинет одобрил это решение, и частичная мобилизация во Франции была проведена быстро и более успешно, чем предполагали. Вечером 25 сентября французские министры снова приехали в Лондон и неохотно подтвердили свое обязательство в отношении чехов. На следующий день сэр Горас Вильсон был послан с личным письмом к Гитлеру в Берлин – за три часа до выступления Гитлера в Спортпаласе. Единственным ответом, которого смог добиться сэр Горас, было то, что Гитлер не отступит от срока, назначенного в годесберг-

ском ультиматуме, а именно, что в субботу 1 октября он вступит на соответствующие территории, если к 2 часам дня в среду 28 сентября не получит согласия чехов.

В тот же вечер Гитлер выступил с речью в Берлине. Он упомянул об Англии и Франции в духе примирения, обрушившись в то же время с грубыми и резкими нападками на Бенеша и чехов. Он заявил категорически, что чехи должны очистить Судетскую область к 26 сентября и что после этого дальнейшие события в Чехословакии его интересовать не будут.

«Это мое последнее территориальное притязание в Европе», – сказал он.

Чемберлен получил ответ Гитлера на письмо, посланное через сэра Гораса Вильсона. Этот ответ дал проблеск надежды. Гитлер соглашался участвовать в совместной гарантии новых границ Чехословакии и дать заверения насчет способа проведения нового плебисцита. Времени терять было нельзя. Срок германского ультиматума, содержавшегося в годесбергском меморандуме, истекал в 2 часа пополудни на следующий день, в среду 28 сентября. Поэтому Чемберлен составил следующее личное обращение к Гитлеру:

«Прочитав Ваше письмо, я вполне уверен, что Вы можете добиться всех основных целей без войны и без промедления. Я готов сам немедленно приехать в Берлин, чтобы обсудить порядок передачи вместе с Вами и с представителями чешского правительства, а также, если Вы этого пожелаете, с представителями Франции и Италии. Я убежден, что мы могли бы прийти к соглашению за одну неделю»²².

В то же время он послал Муссолини телеграмму с уведомлением об этом последнем призыве к Гитлеру:

«Я надеюсь, что Ваше превосходительство сообщит германскому канцлеру о согласии быть представленным и призовет его принять мое предложение, которое спасет наши народы от войны».

Вечером 27 сентября французский посол в Берлине получил указание сделать новые дополнительные предложения о расширении территории Судетской области, которая подлежала немедленной германской оккупации. В то время, когда Франсуа-Понсе был у Гитлера, от Муссолини пришла телеграмма, рекомендовавшая принять предложение Чемберлена о совещании и извещавшая о согласии Италии принять в нем участие. В три часа пополудни 28 сентября Гитлер послал телеграммы Чемберлену и Даладье с предложением встретиться на следующий день в Мюнхене вместе с Муссолини. В этот самый момент Чемберлен выступал в палате общин с общим обзором последних событий. Незадолго до конца его выступления лорд Галифакс, сидевший на галерее для пэров, передал ему телеграмму с приглашением в Мюнхен. В этот момент Чемберлен рассказывал о письме, которое он послал Муссолини, и о результатах этого шага:

«Гитлер согласился отложить мобилизацию на 24 часа... Это еще не все. Я могу сообщить палате еще кое-что. Гитлер сейчас уведомил меня, что он приглашает меня встретиться с ним в Мюнхене завтра утром. Он пригласил также Муссолини и Даладье. Муссолини дал согласие, и я не сомневаюсь, что Даладье поступит так же. Мне нет нужды говорить, каков будет мой ответ... Палата, я уверен, согласится отпустить меня сейчас, чтобы я мог подумать о том, что может дать это последнее усилие».

Итак, Чемберлен вылетел в Германию в третий раз.

* * *

Об этой памятной встрече было написано очень много. Здесь возможно только подчеркнуть некоторые его характерные особенности. Россия не была приглашена. Точно так же и самим чехам не позволили присутствовать на совещании. Правительство Чехословакии было

²² Feiling. Op. cit. P. 372.

уведомлено вечером 28 сентября в нескольких словах о том, что на следующий день состоится совещание представителей четырех европейских держав. Согласие между «большой четверкой» было достигнуто без промедления. Переговоры начались в полдень и продолжались до двух часов ночи. Меморандум был составлен и подписан в 2 часа ночи 30 сентября. По существу это было принятие годесбергского ультиматума. Эвакуация Судетской области должна была быть проведена в пять этапов, начиная с 1 октября, и закончена за 10 дней. Окончательное определение границ предоставлялось международной комиссии. Документ был вручен чешским делегатам, которым позволили приехать в Мюнхен узнать о решении.

Пока трое государственных деятелей ожидали составления экспертами окончательного документа, премьер-министр спросил Гитлера, не хочет ли он поговорить с ним конфиденциально. Гитлер «ухватился за эту мысль»²³.

Двое деятелей встретились в мюнхенской квартире Гитлера утром 30 сентября. При беседе не было никого, кроме переводчика. Чемберлен предложил следующий, подготовленный им, проект декларации, где говорилось:

«Мы, фюрер и канцлер Германии и английский премьер-министр, продолжили сегодня нашу беседу и единодушно пришли к убеждению, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и англо-германское морское соглашение как символ желания наших обоих народов никогда не вести войну друг против друга.

Мы полны решимости рассматривать и другие вопросы, касающиеся наших обеих стран, при помощи консультаций и стремиться в дальнейшем устранять какие бы то ни было поводы к разногласиям, чтобы таким образом содействовать обеспечению мира в Европе».

Гитлер прочел эту записку и подписал ее без возражений.

В тайных беседах со своим итальянским сообщником он, вероятно, обсуждал менее дружелюбные решения. Весьма показательно письмо, написанное Муссолини Гитлеру в июне 1940 года и опубликованное недавно:

Рим. 26 июня 1940 года

«Фюрер! Теперь, когда пришло время разделаться с Англией, я напоминаю Вам о том, что я сказал Вам в Мюнхене о прямом участии Италии в штурме острова. Я готов участвовать в нем сухопутными и воздушными силами, и Вы знаете, насколько я этого желаю. Я прошу Вас дать ответ, чтобы я мог перейти к действиям. В ожидании этого дня шлю Вам товарищеский привет.

Муссолини»²⁴

Нет никаких сведений о другом свидании Гитлера с Муссолини в Мюнхене в последующий период.

Чемберлен возвратился в Англию. В Хестоне, где приземлился его самолет, он помахал совместной декларацией, которую он дал подписать Гитлеру, и прочел ее толпе видных деятелей и других лиц, собравшихся приветствовать его. Когда его автомобиль ехал с аэродрома мимо громко приветствовавшей его толпы, Чемберлен сказал сидевшему рядом с ним Галифаксу: «Все это кончится через три месяца». Однако из окна здания на Даунинг-стрит он снова

²³ Feiling. Op. cit. P. 376.

²⁴ Les lettres secretes par Hitler et Mussolini. Introduction de Andre Francois-Poncet.

помахал своим клочком бумаги и сказал следующее: «Вторично из Германии на Даунинг-стрит привезен почетный мир. Я верю, что это будет мир для нашего времени».

* * *

Мы располагаем сейчас также ответом фельдмаршала Кейтеля на конкретный вопрос, заданный ему представителем Чехословакии на Нюрнбергском процессе:

«Представитель Чехословакии полковник Эгер спросил фельдмаршала Кейтеля: “Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?”

Фельдмаршал Кейтель ответил:

«Конечно, нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена (то есть достижения соглашения в Мюнхене) было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии»²⁵.

* * *

Здесь, пожалуй, будет уместно изложить некоторые принципы морали и поведения, которые могут послужить руководством в будущем. Подобный случай никогда нельзя рассматривать в отрыве от обстановки. В момент события многие факты могут остаться неизвестными, и их оценка поневоле основывается главным образом на догадках, на которые влияют общие настроения и цели того, кто пытается вынести суждение. Те, кто по темпераменту и характеру склонны искать ясных и коренных решений, кто готов драться при малейшем вызове со стороны иностранной державы, не всегда оказывались правы. С другой стороны, те, кто обычно склоняет голову и терпеливо и упорно ищет мирного компромисса, не всегда неправы. Наоборот, в большинстве случаев они могут оказываться правыми не только с моральной, но и с практической точки зрения. Сколько войн было предотвращено с помощью терпения и упорной доброй воли! Религия и добродетель в равной степени одобряют смирение и покорность в отношениях не только между людьми, но и между нациями. Сколько войн было вызвано горячими головами! Сколько недоразумений, вызвавших войны, можно было бы устранить с помощью выжидания! Как часто страны вели жестокие войны, а затем, через несколько лет мира, оказывались не только друзьями, но и союзниками!

Нагорная проповедь – последнее слово христианской этики. Все уважают квакеров. Однако министры принимают на себя ответственность за управление государствами на иных условиях.

Их первый долг – поддерживать такие отношения с другими государствами, чтобы избежать столкновений и войны и сторониться агрессии в какой бы то ни было форме, будь то в националистических или идеологических целях. Однако безопасность государства, жизнь и свобода сограждан, которым они обязаны своим положением, позволяют и требуют не отказываться от применения силы в качестве последнего средства или когда возникает окончательное и твердое убеждение в ее необходимости. Если обстоятельства этого требуют, нужно применить силу. А если это так, то силу нужно применить в наиболее благоприятных для этого условиях. Нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелее и ее труднее будет выиграть. Таковы мучительные дилеммы, с которыми человечество так часто сталкивалось на протяжении своей истории. Окончательный приговор в таких случаях может произнести только история в соответствии с фактами, которые были известны сторонам в момент события, а также с теми фактами, которые выяснились позже.

²⁵ Reynaud Paul. La France a sauve l'Europe. Vol. 1. P. 561.

Решение французского правительства покинуть на произвол судьбы своего верного союзника Чехословакию было печальной ошибкой, имевшей ужасные последствия. В этом деле, как в фокусе, сосредоточились не только соображения мудрой и справедливой политики, но и рыцарства, чести и сочувствия маленькому народу, оказавшемуся под угрозой. Великобритания, которая, несомненно, вступила бы в борьбу, если бы была связана договорными обязательствами, оказалась все-таки глубоко замешанной в этом деле. Мы вынуждены с прискорбием констатировать, что английское правительство не только дало свое согласие, но и толкало французское правительство на роковой путь.

Глава 18

Мюнхенская зима

30 сентября Чехословакия склонилась перед мюнхенскими решениями.

«Мы хотим, – сказали чехи, – заявить перед всем миром о своем протесте против решений, в которых мы не участвовали».

Президент Бенеш вышел в отставку потому, что «он мог бы оказаться помехой развитию событий, к которому должно приспособляться наше новое государство». Бенеш уехал из Чехословакии и нашел убежище в Англии. Расчленение чехословацкого государства шло в соответствии с соглашением. Однако немцы были не единственными хищниками, терзавшими труп Чехословакии. Немедленно после заключения Мюнхенского соглашения 30 сентября польское правительство направило чешскому правительству ультиматум, на который надлежало дать ответ через 24 часа. Польское правительство потребовало немедленной передачи ему пограничного района Тешин. Не было никакой возможности оказать сопротивление этому грубому требованию.

Героические черты характера польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания. В 1919 году это была страна, которую победа союзников после многих поколений раздела и рабства превратила в независимую республику и одну из главных европейских держав. Теперь, в 1938 году, из-за такого незначительного вопроса, как Тешин, поляки порвали со всеми своими друзьями во Франции, в Англии и в США, которые вернули их к единой национальной жизни и в помощи которых они должны были скоро так сильно нуждаться. Мы увидели, как теперь, пока на них падал отблеск могущества Германии, они поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии. В момент кризиса для английского и французского послов были закрыты все двери. Их не допускали даже к польскому министру иностранных дел. Нужно считать тайной и трагедией европейской истории тот факт, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, доблестны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И все же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости.

Нам еще предстоит рассказать о неудаче их военных приготовлений и планов; о надменности и ошибках их политики; об ужасных бойнях и лишениях, на которые они обрекли себя своим безумием. Однако мы всегда найдем у них вечное стремление бороться с тиранией и готовность переносить с изумительной твердостью все мучения, которые они вечно на себя навлекают.

Венгры также были несколько причастны к мюнхенскому совещанию. Хорти побывал в Германии в августе 1938 года, но Гитлер проявил большую сдержанность. Хотя он долго беседовал с регентом Венгрии днем 23 августа, он не сообщил ему срока намеченных им действий против Чехословакии.

«Ему самому время не известно. Всякий, кто захочет участвовать в пиршестве, должен помочь в его приготовлении».

Однако час пиршества не был сообщен. Впрочем, теперь венгры выдвинули свои претензии.

* * *

Сейчас, когда мы все пережили годы сильнейшего морального и физического напряжения и трудов, нелегко нарисовать для нового поколения картину страстей, которые разгорелись в Англии в связи с Мюнхенским соглашением. В среде консерваторов в семьях и среди ближайших друзей возникли такие конфликты, каких я никогда не видел. Мужчины и женщины, которых связывали давние партийные, светские и семейные узы, смотрели друг на друга с гневом и презрением. Разрешить этот спор не могли ликующие толпы, которые приветствовали Чемберлена по пути с аэродрома или на Даунинг-стрит и окрестных улицах. Его не могли разрешить и усилия партийных организаторов. Мы, оказавшиеся в то время в меньшинстве, не обращали внимания ни на насмешки, ни на злобные взгляды сторонников правительства. Кабинет был потрясен до основания, но дело было сделано, и члены кабинета поддерживали друг друга. Только один министр поднял свой голос. Военно-морской министр Дафф Купер отказался от своего высокого поста, которому он придал особое достоинство мобилизацией флота. В тот момент, когда Чемберлен господствовал над подавляющей частью общественного мнения, Дафф Купер пробился через ликующую толпу, чтобы заявить о полном несогласии с ее вождем.

При открытии трехдневных прений по вопросу о Мюнхене он произнес речь о своей отставке. Это было ярким эпизодом в нашей парламентской жизни. Дафф Купер говорил легко, без всяких записок, и в течение сорока минут держал в своей власти враждебное большинство своей партии. Лейбористам и либералам, которые были яростными противниками правительства того времени, было легко аплодировать ему. Это была ссора, раздиравшая партию тори. Некоторые из высказанных им истин необходимо привести здесь:

«Все это время существовало глубокое разногласие между премьер-министром и мной. Премьер-министр считает, что к Гитлеру нужно обращаться на языке вежливого благоразумия. Я полагаю, что он лучше понимает язык бронированного кулака...

Премьер-министр доверяет доброй воле и слову Гитлера, хотя, когда Гитлер нарушил Версальский договор, он обещал соблюдать Локарнский. Когда Гитлер нарушил Локарнский договор, он обязался больше ни во что не вмешиваться и не предъявлять дальнейших территориальных претензий в Европе. Когда он силой вторгся в Австрию, он уполномочил своих подручных дать авторитетное заверение, что не будет вмешиваться в дела Чехословакии. Это было менее шести месяцев назад. И все же премьер-министр считает, что он может полагаться на добросовестность Гитлера».

* * *

Длительные прения не уступали по силе страстям, бушевавшим вокруг проблем, поставленных на карту. Я хорошо помню, что буря, которой были встречены мои слова «Мы потерпели полное и абсолютное поражение», заставила меня сделать паузу, прежде чем продолжать речь. Многие искренне восхищались упорными и непоколебимыми усилиями Чемберлена сохранить мир и его личными трудами в этом деле. В нашем рассказе невозможно не отметить многочисленные просчеты и неверные оценки людей и фактов, на которых основывался Чемберлен. Однако мотивы, которыми он руководствовался, никогда не вызывали сомнений, а путь, по которому он шел, требовал величайшего морального мужества. Этим качествам я

воздал должное два года спустя в речи после его кончины. Палата общин 366 голосами против 114 одобрила политику правительства Его Величества, «которая во время недавнего кризиса предотвратила войну». 30 или 40 несогласных с правительством консерваторов могли только выразить свое неодобрение, воздержавшись от голосования. Так мы и сделали – дружно и официально.

В своем выступлении я сказал:

«По-моему, если бы чехов предоставили самим себе, если бы им сказали, что они не получат помощи от западных держав, они могли бы добиться лучших условий, чем те, которые они получили в результате всех этих колоссальных пертурбаций. Вряд ли условия могли быть хуже.

Все кончено. Молчаливая, скорбная, покинутая, сломленная Чехословакия скрывается во мраке. Она во всех отношениях пострадала от связей с Францией, чьей политикой она так долго руководствовалась...

Я нахожу невыносимым сознание, что наша страна входит в орбиту нацистской Германии, подпадает под ее власть и влияние и что наше существование начинает зависеть от ее доброй воли или прихоти. Именно чтобы помешать этому, я всеми силами настаивал на укреплении всех твердынь обороны: во-первых, на своевременном создании военно-воздушных сил, которые превосходили бы любые другие, способные достигнуть наших берегов; во-вторых, на сплочении коллективной мощи многих стран и, в-третьих, на заключении союзов и военных конвенций, конечно, в рамках Устава, для того, чтобы собрать силы и хотя бы задержать поступательное движение этой державы. Все это оказалось тщетным. Однако народ должен знать правду. Он должен знать, что нашей обороной недопустимо пренебрегали и что она полна недостатков. Он должен знать, что мы без войны потерпели поражение, последствия которого мы будем испытывать очень долго. Он должен знать, что мы пережили ужасный этап нашей истории, когда было нарушено все равновесие Европы и когда на время западным демократиям вынесен ужасный приговор: «Тебя взвесили и нашли легковесным». И не думайте, что это конец. Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горечи, которую мы будем пить год за годом, если только мы не встанем, как встарь, на защиту свободы, вновь обрета могучим усилием нравственное здоровье и воинственную энергию».

* * *

После того как прошло чувство облегчения, вызванное Мюнхенским соглашением, Чемберлен и его правительство столкнулись с острой дилеммой. Премьер-министр сказал: «Я верю, что это будет мир для нашего времени». Однако большинство его коллег хотело использовать «наше время» для скорейшего перевооружения. На этой почве возник раскол в кабинете. Чувство тревоги, вызванное мюнхенским кризисом, яркое разоблачение наших нехваток, в особенности нехватки зенитных орудий, требовали решительного перевооружения. Возникло сильное движение за энергичное перевооружение. Оно, конечно, подвергалось критике со стороны германского правительства и инспирированной им печати. Однако насчет мнения английского народа не могло быть сомнений. Радуюсь тому, что премьер-министр спас нас от войны, громкими овациями приветствуя мир, народ в то же время остро ощущал потребность в оружии. Все военные министерства выдвинули свои требования и указывали на тревожные нехватки, выявившиеся во время кризиса. Кабинет пришел к приемлемому компромиссу, решив вести всю возможную подготовку, не нарушая торговли страны и не раздражая немцев и итальянцев мерами широких масштабов.

* * *

1 ноября совершенно ничтожная личность, д-р Гаха, был избран на вакантный пост президента остатков Чехословакии. В Праге пришло к власти новое правительство.

«Положение в Европе и во всем мире, – заявил министр иностранных дел этого несчастного правительства, – не таково, чтобы мы могли надеяться на период спокойствия в ближайшем будущем».

Гитлер придерживался того же мнения. Официальный дележ добычи был произведен Германией в начале ноября. Тешин так и остался оккупированным Польшей. Словаки, которых Германия использовала как пешку на шахматной доске, получили ненадежную автономию. Венгрия получила кусок мяса за счет Словакии. Когда вопрос об этих последствиях Мюнхена был поднят в палате общин, Чемберлен пояснил, что французское и английское предложение о международных гарантиях Чехословакии, которое было сделано после заключения Мюнхенского пакта, касалось не существующих границ этого государства, но лишь гипотетического случая неспровоцированной агрессии.

«В настоящее время, – сказал он весьма хладнокровно, – мы просто являемся свидетелями пересмотра границ, установленных Версальским договором... Пересмотр идет, и что касается венгерской границы, то Чехословакия и Венгрия согласились считать окончательным арбитраж Германии и Италии».

* * *

Спорили о том, кто больше выиграл в силе за год, последовавший за Мюнхеном, – Гитлер или союзники. Многие люди в Англии, знавшие о нашей незащищенности, испытывали облегчение, когда с каждым месяцем развивались наши воздушные силы и приближался выпуск самолетов типа «Харрикейн» и «Спитфайр». Число эскадрилий росло, как и количество зенитных орудий. Точно так же общие темпы подготовки промышленности к войне продолжали ускоряться. Однако какими бы неопределимыми ни казались эти достижения, они были пустяками по сравнению с могучим ростом вооружений Германии. Как уже разъяснялось выше, производство вооружений по общенациональному плану – задача, требующая четырех лет. Первый год не дает ничего, второй – очень мало, третий – много, а четвертый – изобилие. Гитлеровская Германия в этот период переживала уже третий или четвертый год интенсивной подготовки в таких жестких условиях, которые были почти равны условиям военного времени. Англия, с другой стороны, двигалась вперед без стимула срочности, при более слабых импульсах и в значительно меньших масштабах. В 1938–1939 годах все военные расходы Англии достигли суммы 304 миллиона фунтов стерлингов²⁶, а расходы Германии равнялись по меньшей мере полутора миллиардам фунтов. В этот последний год перед войной Германия выпускала, вероятно, по крайней мере вдвое, а может быть, и втрое больше оружия, чем Англия и Франция, взятые вместе. Ее большие танковые заводы, вероятно, уже перешли к работе на полную мощность. Поэтому немцы получали оружие гораздо быстрее, чем мы.

Покорение Чехословакии лишило союзников чешской армии из 21 регулярной дивизии, 15 или 16 уже мобилизованных дивизий второго эшелона, а также линии чешских горных крепостей, которая в дни Мюнхена требовала развертывания 30 германских дивизий, то есть основных сил мобильной и полностью подготовленной германской армии. По свидетельствам генералов Гальдера и Йодля, во время мюнхенских переговоров на Западе оставалось только

²⁶ 1937–1938 гг. – 234 млн фунтов стерлингов, 1938–1939 гг. – 304 млн фунтов, 1939–1940 гг. – 367 млн фунтов.

13 германских дивизий, из которых лишь 5 состояли из кадровых солдат. Бесспорно, что из-за падения Чехословакии мы потеряли силы, равные примерно 35 дивизиям. Кроме того, в руки противника попали заводы «Шкода» – второй по значению арсенал Центральной Европы, который в период с августа 1938 года по сентябрь 1939 года выпустил почти столько же продукции, сколько выпустили все английские военные заводы за то же время. В то время как вся Германия трудилась под усиленным нажимом, почти равным напряжению военного времени, французские рабочие еще в начале 1936 года добились желанной 40-часовой недели.

Еще более катастрофическим было изменение в соотношении сил французской и германской армий. С каждым месяцем после 1938 года германская армия росла не только по численности личного состава, числу соединений и в отношении накопления резервов, но и по качеству и зрелости. Прогресс в подготовке войск и в их опытности шел рука об руку с непрерывным ростом вооружений. Во французской армии не было подобных улучшений и роста. Ее догоняли во всех отношениях. В 1935 году Франция без помощи своих прежних союзников могла бы вторгнуться в Германию и снова оккупировать ее почти без серьезных боев. В 1936 году все еще не могло быть никаких сомнений в ее подавляющем превосходстве. Из германских источников мы теперь знаем, что такое же положение сохранялось и в 1938 году. Именно сознание слабости заставило германское верховное командование прилагать все силы, чтобы удерживать Гитлера от каждого из успешных ударов, которые укрепили его славу. В последовавший за Мюнхеном год, который мы сейчас рассматриваем, германская армия приближалась к полной боевой готовности, хотя у нее было меньше обученных резервов, чем у французов. Поскольку источником сил этой армии служило население, вдвое превосходившее по численности население Франции, полное превосходство германской армии над французской было лишь вопросом времени. Немцы имели преимущество и в моральном состоянии. Отказ от помощи союзнику, в особенности под воздействием страха перед войной, подрывает дух армии. Сознание того, что их заставляют уступить, приводит в уныние и офицеров, и солдат. В то время как в Германии уверенность, успех и сознание растущей мощи разжигали воинственные инстинкты расы, признание собственной слабости обескураживало французских военных любых рангов.

* * *

Однако в одном весьма важном отношении мы начали догонять Германию и улучшать наше собственное положение. В 1938 году процесс замены английских истребителей-бипланов вроде «гладиаторов» современными типами «Харрикейн», а позднее «Спитфайр» еще только начался. Фактически 1938 год застал нас прискорбно отсталыми в отношении качества, и, хотя в 1939 году мы кое-что сделали, чтобы ликвидировать неравенство сил, наше положение было все же сравнительно хуже, чем в 1940 году, когда пришел час испытания.

В 1938 году мы были совершенно неподготовленными для отражения воздушных налетов на Лондон. Однако решающая воздушная битва за Англию была невозможна, пока немцы не заняли Францию, а также Голландию и Бельгию и не получили таким образом необходимые базы на близком расстоянии от наших берегов. Без этих баз истребители того времени не могли бы эскортировать свои бомбардировщики. Германские армии были не способны нанести французам поражение в 1938 или 1939 году.

Колоссальный выпуск танков, с помощью которых немцы прорвали французский фронт, начал осуществляться только в 1940 году. В условиях превосходства сил Франции на Западе и существования незавоеванной Польши на Востоке немцы, конечно, не могли бы сосредоточить все силы своей авиации против Англии, как они смогли это сделать после того, как Францию принудили к капитуляции. При этом не приняты в расчет ни позиция России, ни сопротивление, которое могла оказать Чехословакия.

По всем вышеперечисленным причинам год передышки, который был якобы выигран в Мюнхене, поставил Англию и Францию по сравнению с гитлеровской Германией в гораздо худшее положение, чем то, в котором они находились в момент мюнхенского кризиса.

Наконец, нужно напомнить такой потрясающий факт: за один-единственный 1938 год Гитлер в результате аннексии присоединил к рейху и подчинил своей абсолютной власти 6 миллионов 750 тысяч австрийцев и 3 миллиона 500 тысяч судетских немцев – всего свыше 10 миллионов подданных, работников и солдат. Действительно, страшная чаша весов склонилась в его пользу.

Глава 19

Прага, Албания и польская гарантия (январь – апрель 1939 г.)

Чемберлен продолжал верить, что для обеспечения заметного улучшения международной обстановки ему нужно лишь установить личный контакт с диктаторами. Он не подозревал, что они уже приняли решение. Окрыленный надеждами, он предложил приехать вместе с лордом Галифаксом в Италию в январе. После некоторой задержки приглашение было получено, и встреча состоялась 11 января. Невольно приходится краснеть, читая в «Дневнике» Чиано замечания, которые делались за нашей спиной в Италии по адресу нашей страны и ее представителей.

«В сущности, – пишет Чиано, – визит имел малое значение... Действительный контакт не был установлен. Как далеки мы от этих людей! Это совершенно иной мир. Мы говорили об этом с дуче после обеда.

«Эти люди, – сказал Муссолини, – сделаны из другого материала, чем Фрэнсис Дрейк и другие великолепные искатели приключений, создавшие империю. В конечном счете это – утомленные потомки многих поколений богачей...»

«Англичане, – отметил Чиано, – не хотят сражаться. Они пытаются отступать как можно медленнее, но они не хотят сражаться... Наши переговоры с англичанами окончены. Ничего не было достигнуто. Я сообщил Риббентропу по телефону, что это – фиаско, абсолютно лишнее значения... Глаза Чемберлена наполнились слезами, когда поезд тронулся и его соотечественники запели: «Он хороший парень».

«Что это за песенка?» – спросил Муссолини»²⁷.

18 января Риббентроп побывал в Варшаве для того, чтобы начать дипломатическое наступление на Польшу. За поглощением Чехословакии должно было последовать окружение Польши. На первом этапе этой операции предполагалось отрезать Польшу от моря утверждением германского суверенитета над Данцигом и распространением германского господства на Балтике до важного литовского порта Мемель. Польское правительство оказало сильное сопротивление этому нажиму, и некоторое время Гитлер присматривался и ожидал времени года, благоприятного для открытия кампании.

В течение второй недели марта распространились слухи о передвижении войск в Германии и Австрии, в особенности в районе Вены, Зальцбурга. Говорили, что 40 германских дивизий мобилизованы и доведены до численности военного времени. Словаки, уверенные в поддержке Германии, замыслили отделение своей территории от Чехословацкой Республики. С облегчением увидев, что тевтонский ветер дует в другую сторону, полковник Бек публично заявил в Варшаве, что его правительство полностью сочувствует чаяниям словаков. Вождь словаков отец Тисо был принят Гитлером в Берлине с почестями, подобающими премьер-министру. Отвечая 12 марта на запрос в парламенте о гарантии чехословацкой границы, Чемберлен

²⁷ Ciano, Diary. 1939–1943 (Edited by Malcolm Muggeridge). P. 9–10.

напомнил палате, что эти гарантии имели в виду неспровоцированную агрессию. Такой агрессии еще не было. Однако ждать ему пришлось недолго.

* * *

В эти мартовские дни в Англии распространилась волна какого-то порочного оптимизма. Несмотря на то что в Чехословакии возрастало напряжение под немецким нажимом извне и изнутри, те английские газеты и министры, чьи имена были связаны с Мюнхенским соглашением, не теряли веры в политику, в которую они вовлекли страну. Даже отделение Словакии в результате постоянных нацистских интриг и заметное передвижение войск в Германии не помешали министру внутренних дел говорить перед избирателями 10 марта о своих надеждах на «пятилетний план мира», который должен своевременно привести к «золотому веку». Все еще обсуждался в оптимистическом тоне план заключения торгового договора с Германией. Знаменитый журнал «Панч» поместил рисунок, на котором был изображен Джон Булль, пробуждающийся со вздохом облегчения от кошмара, в то время как все страшные слухи, ночные фантазии и подозрения улетают через окно. В самый день опубликования этого рисунка Гитлер предъявил ультиматум шаткому чехословацкому правительству, которое в результате Мюнхенского соглашения лишилось своей линии укреплений. Германские войска, вступившие в Прагу, установили полный контроль над несопротивлявшимся государством.

Помню, что я сидел с Иденом в курительной комнате палаты общин, когда принесли вечерние газеты с этим сообщением. Даже те, кто, подобно нам, не питал иллюзий и открыто говорил об этом, были удивлены внезапной яростью этого преступления. Трудно было поверить, чтобы располагавшее всей секретной информацией правительство Его Величества могло так ошибаться. 14 марта стало днем ликвидации и порабощения Чехословацкой Республики. Словаки официально провозгласили свою независимость. Венгерские войска, тайно поддерживаемые Польшей, вступили в восточную область Чехословакии – Закарпатскую Украину, которую они потребовали себе. Прибыв в Прагу, Гитлер провозгласил германский протекторат над Чехословакией, которая таким образом была включена в состав рейха.

15 марта Чемберлен был вынужден заявить в палате общин: «Оккупация Богемии германскими вооруженными силами началась сегодня в шесть часов утра. Чешский народ получил от своего правительства приказ не оказывать сопротивления». Затем он сказал, что гарантия, данная им Чехословакии, по его мнению, уже недействительна. Пятью месяцами раньше, после Мюнхена, министр по делам доминионов сэр Томас Инскип сказал об этой гарантии:

«Правительство Его Величества считает себя морально обязанным в отношении Чехословакии сохранять эту гарантии. Поэтому в случае акта неспровоцированной агрессии против Чехословакии правительство Его Величества будет, бесспорно, обязано принять все имеющиеся в его распоряжении меры для охраны целостности Чехословакии».

«Таково, – сказал премьер-министр, – было положение до вчерашнего дня. Однако оно изменилось, поскольку словацкий парламент объявил Словакию самостоятельной. Эта декларация кладет конец внутреннему распаду государства, границы которого мы намеревались гарантировать, и правительство Его Величества не может поэтому считать себя связанным этим обязательством».

Это казалось окончательным.

«Естественно, – сказал он в заключение, – что я горько сожалею о случившемся. Однако мы не допустим, чтобы это заставило нас свернуть с нашего пути. Будем помнить, что чаяния народов всего мира по-прежнему сосредоточены в надежде на мир».

Чемберлен должен был выступить в Бирмингеме двумя днями позже. В бирмингемской речи прозвучала новая нота.

«Его тон, – пишет биограф Чемберлена, – был совсем иным... Располагая более полными сведениями и получив энергичные представления насчет мнения палаты, общественности и доминионов, он отложил в сторону давно написанную речь по внутренним вопросам и социальному обслуживанию и взял быка за рога».

Он упрекнул Гитлера за грубое личное нарушение обязательств Мюнхенского соглашения. Он процитировал все данные Гитлером заверения: «Это мое последнее территориальное притязание в Европе», «Я больше не заинтересован в Чешском государстве и могу гарантировать это. Нам не нужно больше чехов».

«Я убежден, – сказал премьер-министр, – что после Мюнхена значительное большинство английского народа разделяло мое искреннее желание проводить ту же политику и дальше. Однако сегодня я разделяю его разочарование, его негодование в связи с тем, что эти надежды так произвольно рассеяны. Как можно примирить события этой недели с заверениями, которые я вам прочитал?»

Кто может не сочувствовать гордому мужественному народу, который так внезапно стал жертвой вторжения, свобода которого урезана и национальная независимость утрачена?

...Нам теперь говорят, что этот захват территории был продиктован беспорядками в Чехословакии... Если и были беспорядки, то разве они не были инспирированы извне?.. Последнее ли это нападение на малое государство или же за ним последует новое? Не является ли это фактически шагом в направлении попытки добиться мирового господства силой?»

Изменение настроения Чемберлена не ограничилось словами. Следующим малым государством в списке Гитлера была Польша. Если учесть серьезность решения и необходимость проконсультироваться с очень многими, то последующий период был, вероятно, очень деятельным. Через две недели (31 марта) премьер-министр заявил в парламенте:

«Я должен теперь сообщить палате, что... в случае любых действий, которые будут явно угрожать независимости Польши и которым польское правительство ввиду этого сочтет жизненно важным оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества будет считать себя обязанным сразу же оказать польскому правительству всю возможную поддержку. Оно дало польскому правительству заверение в этом смысле. Могу добавить, что французское правительство уполномочило меня разъяснить, что оно занимает в этом вопросе такую же позицию, как и правительство Его Величества...»

* * *

Теперь мы приходим к кульминационному пункту этой печальной повести о неверных выводах, сделанных благонамеренными и способными людьми. Тот факт, что мы дошли до такого положения, возлагает вину перед историей на тех, кто нес за это ответственность, какими бы благородными мотивами они ни руководствовались. Оглянемся назад и посмотрим, с чем мы последовательно мирились или от чего отказывались: разоружение Германии на основании торжественно заключенного договора; перевооружение Германии в нарушение торжественно заключенного договора; ликвидация превосходства или даже равенства сил в воздухе; насильственная оккупация Рейнской области и строительство или начало строительства линии Зигфрида; создание оси Берлин – Рим; растерзанная и поглощенная рейхом Австрия; покинутая и загубленная мюнхенским сговором Чехословакия; переход ее линии крепостей в руки Германии; ее мощный арсенал «Шкода» выпускает отныне вооружение для германских армий; с одной стороны, отвергнутая попытка президента Рузвельта стабилизировать положение в Европе или добиться перелома вмешательством США, а с другой – игнорирование несомненного желания Советской России присоединиться к западным державам и принять любые меры для спасения Чехословакии; отказ от помощи 35 чехословацких дивизий против еще не

созревшей немецкой армии, когда сама Великобритания могла послать только две дивизии для укрепления фронта во Франции. Все оказалось бесполезным.

И вот теперь, когда все эти преимущества и вся эта помощь были потеряны и отброшены, Англия, ведя за собой Францию, предлагает гарантировать целостность Польши – той самой Польши, которая всего полгода назад с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства. Имело смысл вступить в бой за Чехословакию в 1938 году, когда Германия едва могла выставить полдюжины обученных дивизий на Западном фронте, когда французы, располагая 60–70 дивизиями, несомненно, могли бы прорваться за Рейн или в Рур. Однако все это было сочтено неразумным, неосторожным, недостойным современных взглядов и нравственности. И тем не менее теперь две западные демократии наконец заявили о готовности поставить свою жизнь на карту из-за территориальной целостности Польши. В истории, которая, как говорят, в основном представляет собой список преступлений, безумств и несчастий человечества, после самых тщательных поисков мы вряд ли найдем что-либо подобное такому внезапному и полному отказу от проводившейся пять или шесть лет политики благодушного умиротворения и ее превращению почти мгновенно в готовность пойти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях и в самых больших масштабах.

Кроме того, как могли бы мы защитить Польшу и осуществить свою гарантию? Только объявив войну Германии и атаковав более мощный Западный вал и более сильную германскую армию, чем те, перед которыми мы отступили в сентябре 1938 года. Вот вехи на пути к катастрофе. Таков перечень капитуляций перед непрерывно возрастающей мощью Германии – сначала, когда все было легко, и позднее, когда положение стало труднее. Однако теперь наконец Англия и Франция перестали уступать. Наконец было принято решение – в наихудший момент и на наихудшей основе – решение, которое, несомненно, должно было привести к истреблению десятков миллионов людей. Это был пример того, как сторонники правого дела сознательно и со всей утонченностью извращенного искусства были вовлечены в смертельную борьбу после того, как столь непредусмотрительно были утрачены все их выгоды и преимущества.

Возможности организации какого бы то ни было сопротивления германской агрессии в Восточной Европе были теперь почти исчерпаны. Венгрия находилась в германском лагере. Польша отшатнулась от чехов и не желала тесного сотрудничества с Румынией. Ни Польша, ни Румыния не желали допустить действия русских против Германии через их территории. Ключом к созданию великого союза было достижение взаимопонимания с Россией. 18 марта русское правительство, которого все происходившее глубоко затрагивало, несмотря на то, что перед ним захлопнули дверь во время мюнхенского кризиса, предложило созвать совещание шести держав. И в этом вопросе у Чемберлена было весьма определенное мнение. 26 марта он писал в частном письме:

«Должен признаться, что Россия внушает мне самое глубокое недоверие. Я нисколько не верю в ее способность провести действенное наступление, даже если бы она этого хотела. И я не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, имеют мало общего с нашими идеями свободы. Она хочет только рассорить всех остальных. Кроме того, многие из малых государств, в особенности Польша, Румыния и Финляндия, относятся к ней с ненавистью и подозрением»²⁸.

Ввиду этого советское предложение о совещании шести держав было принято холодно, и его предали забвению.

Исчезла также возможность оторвать Италию от оси, чему отводилось такое видное место в английских официальных расчетах. 26 марта Муссолини произнес яростную речь, в которой подчеркнул итальянские притязания против Франции на Средиземном море. Втайне он замыслил распространение итальянского влияния на Балканах и в Адриатике, чтобы создать

²⁸ Feiling. Op. cit. P. 603.

противовес продвижению Германии в Центральной Европе. Его планы вторжения в Албанию были уже готовы.

29 марта Чемберлен сообщил в парламенте о намерении удвоить территориальную армию с включением в нее, на бумаге, 210 тысяч человек (без оружия). 3 апреля начальник гитлеровского штаба Кейтель издал секретную «Директиву вооруженным силам на 1939–1940 годы», касавшуюся Польши. Она была зашифрована под названием «Белый план». Фюрер добавил следующие указания: «Подготовка должна быть проведена таким образом, чтобы операции могли начаться в любой момент, начиная с 1 сентября».

* * *

4 апреля правительство пригласило меня на завтрак в отеле «Савой» в честь польского министра иностранных дел полковника Бека, который прибыл с важным официальным визитом. Я встречался с ним годом раньше на Ривьере, где мы как-то завтракали вдвоем. Теперь я спросил его:

«Удастся ли вам благополучно проехать на своем экстренном поезде через Германию в Польшу?»

Он ответил:

«Думаю, что на это у нас еще хватит времени».

* * *

Теперь нас ожидал новый кризис.

На рассвете 7 апреля 1939 года итальянские войска высадились в Албании и после короткой стычки оккупировали страну. Как Чехословакия должна была стать базой для агрессии против Польши, так Албании предназначалась роль трамплина для действий Италии против Греции и для нейтрализации Югославии. Английское правительство уже взяло на себя обязательство в интересах сохранения мира в Северо-Восточной Европе. Но что было делать с угрозой, возникавшей на Юго-Востоке? Корабль мира дал течь во многих местах.

9 апреля я писал премьер-министру:

«Мне кажется, что сейчас счет идет на часы. Нам совершенно необходимо вернуть себе дипломатическую инициативу. Сейчас этого уже невозможно добиться такими мерами, как декларации, денонсирование англо-итальянского соглашения или отзывание нашего посла...»

Сейчас на карту поставлен ни больше ни меньше как весь Балканский полуостров. Если эти государства будут и дальше подвергаться нажиму Германии и Италии, а мы будем им казаться неспособными к действию, они будут вынуждены договориться о наилучших для себя условиях с Берлином и Римом. В каком тяжелом положении мы окажемся в таком случае! У нас будут обязательства в отношении Польши, и мы будем поэтому вовлечены в дела Восточной Европы, и в то же время мы лишимся всякой надежды на тот широкий союз, который в случае его возникновения мог бы означать спасение».

* * *

15 апреля 1939 года после объявления германского протектората над Богемией и Моравией Геринг встретился с Муссолини и Чиано, чтобы информировать итальянцев о ходе подготовки Германии к войне. Протоколы этого совещания найдены. В одном месте – это выступление Геринга – говорится:

«Тяжелое вооружение Чехословакии показывает во всяком случае, каким опасным оно могло бы оказаться в случае серьезного столкновения, даже после Мюнхена. В результате действий Германии положение обеих стран оси улучшилось, в частности, благодаря экономическим возможностям, открывшимся из-за переключения на Германию больших производственных мощностей Чехословакии. Это содействует значительному укреплению сил оси по сравнению с западными державами. Кроме того, Германии не нужно теперь держать наготове ни одной дивизии для обороны против этой страны на случай более крупного конфликта. Это также представляет собой преимущество, которым в конечном счете воспользуются обе страны оси... Акция Германии в Чехословакии должна считаться выгодной для держав оси. Германия могла бы теперь атаковать эту страну (Польшу) с двух флангов. Ее авиация находится всего в 25 минутах полета от нового промышленного центра Польши, передвинутого из-за близости к границе в глубь страны, поближе к другим польским промышленным районам»²⁹.

«Бескровное разрешение чешского конфликта осенью 1938-го и весной 1939 года, а также аннексия Словакии, – заявил генерал Йодль на лекции несколько лет спустя, – округлили территорию Великой Германии таким образом, что стало возможно рассматривать польскую проблему на основе более или менее благоприятных стратегических предпосылок»³⁰.

В день визита Геринга в Рим президент Рузвельт направил Гитлеру и Муссолини личное послание, в котором призывал их дать гарантию, что они не предпримут никакой дальнейшей агрессии в течение десяти «или даже двадцати пяти лет, если можно так далеко предвидеть будущее». Дуче сначала отказался прочесть этот документ, а затем заметил: «Следствие детского паралича!» В то время он не предполагал, что его самого постигнет худшее бедствие.

* * *

27 апреля премьер-министр принял важное решение ввести воинскую повинность, хотя сам не раз обещал не предпринимать такого шага.

Введение воинской повинности на том этапе, конечно, не дало нам армии. Повинность распространялась только на молодежь в возрасте 20 лет. Ее надо было еще обучить, а затем и вооружить. Однако этот символический жест имел исключительно важное значение для Франции и Польши, а также для других стран, которые мы щедро одарили нашими гарантиями.

Хотя Чемберлен все еще надеялся предотвратить войну, было ясно, что он не станет колебаться, если она вспыхнет. По словам Фейлинга, он записал в своем дневнике:

«Шансы Черчилля (на включение в состав правительства) улучшаются по мере того, как война становится более вероятной, и наоборот»³¹.

Это был, пожалуй, несколько пренебрежительный отзыв. Я думал не только о том, чтобы еще раз стать министром. Все же я понимал точку зрения премьер-министра. Он знал, что в случае войны ему придется обратиться ко мне, и правильно предполагал, что я откликнусь на призыв. С другой стороны, он опасался, что Гитлер расценит мое участие в правительстве как проявление враждебности и что это уничтожит последние надежды на мир. Такая точка зрения была естественной, но неправильной. Тем не менее вряд ли можно винить Чемберлена за то, что он не хотел обострять столь серьезного и щекотливого положения ради включения в состав своего правительства определенного члена палаты общин. В марте вместе с Иденом и тридцатью другими консерваторами я внес резолюцию с призывом создать национальное правительство. Летом в стране возникло значительное движение в поддержку такого шага или по крайней мере за включение в состав кабинета меня и Идена.

²⁹ Nuremberg Documents. Part 2. P. 106.

³⁰ Ibid. P. 107.

³¹ Feiling. Op. cit. P. 406.

С течением времени почти все газеты по инициативе «Дейли телеграф» (от 3 июля), подхваченной «Манчестер гардиан», отразили такую тенденцию общественного мнения. Я был удивлен, видя, что эта точка зрения находит ежедневное постоянное выражение. В течение недель на лондонских витринах для афиш висели тысячи огромных плакатов: «Верните Черчилля!» Десятки молодых добровольцев, мужчин и женщин, носили плакаты с такими же лозунгами перед палатой общин. Я не имел ничего общего с такими методами агитации, но я, без сомнения, вошел бы в правительство, если бы мне это предложили. Однако удача сопутствовала мне и здесь, и события продолжали развиваться своим логическим, естественным и ужасным путем.

Глава 20

Советская загадка

Мы достигли периода, когда всякие отношения между Англией и Германией прекратились. Теперь мы, конечно, знаем, что со времени прихода Гитлера к власти между нашими двумя странами никогда не было никаких подлинных взаимоотношений. Гитлер только стремился путем уговоров или запугивания заставить Англию предоставить ему свободу рук в Восточной Европе, а Чемберлен лелеял надежду умиротворить Гитлера, перевоспитать его и наставить на путь истинный. Однако пришло время, когда рассеялись последние иллюзии английского правительства. Кабинет окончательно убедился, что нацистская Германия означает войну, и премьер-министр предложил гарантии и заключил союзы там, где это было еще возможно, независимо от того, могли ли мы оказать действительную помощь этим странам. К польской гарантии прибавилась гарантия, данная Румынии, а затем союз с Турцией.

Теперь нам придется вспомнить жалкий клочок бумаги, подписания которого Чемберлен добился от Гитлера в Мюнхене и которым он торжествующе размахивал перед толпой, выходя из самолета в Хестоне. В этом документе он упомянул о двух связях, которые, по его предположению, существовали между ним и Гитлером и между Англией и Германией, а именно о Мюнхенском соглашении и англо-германском морском соглашении. Порабощение Чехословакии уничтожило первое из них. Теперь Гитлер отмахнулся от второго.

Выступая 28 апреля в рейхстаге, он заявил:

«Поскольку сегодня Англия в печати и официально поддерживает мнение о необходимости противодействовать Германии при всех обстоятельствах и подтверждает это известной нам политикой окружения, исчезло основание для морского договора. Поэтому я решил послать сегодня английскому правительству соответствующее уведомление. Для нас это не имеет практического, материального значения, поскольку я еще надеюсь на возможность предотвратить гонку вооружений с Англией; это вопрос самоуважения. Впрочем, если бы английское правительство пожелало снова вступить с Германией в переговоры по этой проблеме, никто не был бы так рад, как я, что еще имеется возможность достигнуть ясного и откровенного взаимопонимания»³².

Англо-германское морское соглашение, которое было столь явно выгодным для Гитлера в важный и критический момент в его политике, изображалось теперь им как любезность в отношении Англии, блага которой могут быть отняты в знак немилости Германии. Фюрер оставлял английскому правительству надежду, что он, возможно, согласится обсуждать военно-морские проблемы с правительством Его Величества в будущем. Он, может быть, даже ожидал, что одураченные им прежде люди будут упорствовать в своей политике умиротворения. Ему это было теперь совершенно безразлично. У него была Италия, у него было превосходство в воздухе; у него были Австрия и Чехословакия со всеми вытекавшими отсюда последствиями. У

³² Hitler's Speeches. Vol. 2. P. 1626.

него был его Западный вал. Что касается чисто морской области, он всегда строил подводные лодки с максимальной быстротой независимо от какого бы то ни было соглашения. В порядке формальности он всегда ссылался на свое право строить столько же, сколько англичане, но это ничуть не ограничивало германскую программу строительства подводных лодок. Что же касается более крупных кораблей, то он не мог полностью использовать щедрые возможности, предоставленные ему морским соглашением. Поэтому он сделал наглый и ловкий шаг, швырнув соглашение обратно в лицо простачкам, его заключившим. В той же речи Гитлер денонсировал германо-польский пакт о ненападении. В качестве непосредственного повода он привел англо-польскую гарантию, «...которая, при известных обстоятельствах, заставит Польшу предпринять военные действия против Германии в случае столкновения между Германией и другой державой, в котором будет в свою очередь участвовать Англия. Это обязательство противоречит соглашению, которое я заключил некоторое время назад с маршалом Пилсудским... Поэтому я считаю, что соглашение односторонне нарушено Польшей и, таким образом, больше не существует. Я направил соответствующее уведомление польскому правительству...»

Изучив в то время эту речь, я писал в одной из своих статей:

«Денонсирование германо-польского пакта о ненападении 1934 года – чрезвычайно серьезный и угрожающий шаг. Этот пакт был подтвержден совсем недавно – в январе, когда Риббентроп посетил Варшаву. Подобно англо-германскому морскому соглашению, пакт был заключен по желанию Гитлера. Подобно морскому соглашению, он давал Германии явные выгоды. Оба соглашения облегчили положение Германии, когда она была слабой. Морское соглашение фактически было равносильно согласию Великобритании на нарушение военных статей Версальского договора. Германо-польский пакт позволил нацистам сосредоточить внимание сначала на Австрии, а затем на Чехословакии, что имело гибельные последствия для этих несчастных стран. Он временно ослабил связи между Францией и Польшей и помешал развитию солидарности между государствами Восточной Европы. Теперь, когда он сослужил Германии свою службу, его отбросили односторонним актом. Тем самым Польшу поставили в известность, что теперь она включена в зону потенциальной агрессии».

* * *

Английскому правительству необходимо было срочно задуматься над практическим значением гарантий, данных Польше и Румынии. Ни одна из этих гарантий не имела военной ценности иначе, как в рамках общего соглашения с Россией. Поэтому именно с этой целью 16 апреля начались наконец переговоры в Москве между английским послом и Литвиновым. Если учесть, какое отношение советское правительство встречало до сих пор, теперь от него не приходилось ожидать многого. Однако 17 апреля оно выдвинуло официальное предложение, текст которого не был опубликован, о создании единого фронта взаимопомощи между Великобританией, Францией и СССР. Эти три державы, если возможно, то с участием Польши, должны были также гарантировать неприкосновенность тех государств Центральной и Восточной Европы, которым угрожала германская агрессия.

Препятствием к заключению такого соглашения служил ужас, который эти самые пограничные государства испытывали перед советской помощью в виде советских армий, которые могли пройти через их территории, чтобы защитить их от немцев и попутно включить в советско-коммунистическую систему. Ведь они были самыми яростными противниками этой системы. Польша, Румыния, Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше боялись – германской агрессии или русского спасения. Именно необходимость сделать такой жуткий выбор парализовала политику Англии и Франции.

Однако даже сейчас не может быть сомнений в том, что Англии и Франции следовало принять предложение России, провозгласить тройственный союз и предоставить методы его

функционирования в случае войны на усмотрение союзников, которые тогда вели бы борьбу против общего врага. В такой обстановке господствуют иные настроения. Во время войны союзники склонны во многом уступать желаниям друг друга. Молот сражений гремит на фронте, и становятся хорошими любые возможные средства, которые в мирное время были бы неприемлемыми. В таком великом союзе, который мог бы возникнуть, одному союзнику было не легко вступить на территорию другого без приглашения.

Однако Чемберлен и министерство иностранных дел встали в тупик перед этой загадкой сфинкса. Когда события движутся с такой быстротой и в такой массе, как было в данном случае, разумно делать не более одного шага за один раз. Союз между Англией, Францией и Россией вызвал бы серьезную тревогу у Германии в 1939 году, и никто не может доказать, что даже тогда война не была бы предотвращена. Следующий шаг можно было бы сделать, имея перевес сил на стороне союзников. Их дипломатия вернула бы себе инициативу. Гитлер не мог бы позволить себе ни начать войну на два фронта, которую он сам так резко осуждал, ни испытать неудачу. Очень жаль, что он не был поставлен в такое затруднительное положение, которое вполне могло бы стоить ему жизни. Государственные деятели призваны решать не только легкие вопросы. Последние часто разрешаются сами собой. Именно когда чаша весов колеблется, когда обстановка не ясна, возникает возможность принятия решений, которые могут спасти мир. Поскольку мы сами поставили себя в это ужасное положение 1939 года, было жизненно важно опереться на более широкую надежду.

Даже сейчас невозможно установить момент, когда Сталин окончательно отказался от намерения сотрудничать с западными демократиями и решил договориться с Гитлером. В самом деле, представляется вероятным, что такого момента вообще не было. Опубликование американским государственным департаментом массы документов, захваченных в архивах германского министерства иностранных дел, познакомило нас с рядом доселе неизвестных фактов. По-видимому, что-то произошло еще в феврале 1939 года. Это, впрочем, почти наверняка было связано с проблемами торговли, на которых сказывался статут Чехословакии после Мюнхена и которые требовали обсуждения между двумя странами. Включение Чехословакии в рейх в середине марта осложнило эти проблемы. У России были контракты с чехословацким правительством на поставки оружия заводами «Шкода». Какова должна быть судьба этих контрактов теперь, когда заводы «Шкода» стали германским арсеналом?

17 апреля статс-секретарь германского министерства иностранных дел Вайцекер записал, что русский посол посетил его в этот день впервые со времени вручения им верительных грамот почти за год до этого. Он спросил о контрактах заводов «Шкода». Вайцекер ответил, что «нельзя сказать, чтобы для поставок военных материалов в Советскую Россию создавалась сейчас благоприятная атмосфера в связи с сообщениями о заключении русско-англо-французского воздушного пакта и тому подобное». В ответ на это советский посол перешел сразу от торговли к политике и спросил статс-секретаря, что он думает о германо-русских отношениях. Вайцекер ответил, что, как ему кажется, «русская печать в последнее время не полностью разделяет антигерманский тон американских и некоторых английских газет». На это советский посол сказал:

«Идеологические разногласия почти не отразились на русско-итальянских отношениях, и они не обязательно должны явиться препятствием также для Германии. Советская Россия не воспользовалась нынешними трениями между западными демократиями и Германией в ущерб последней, и у нее нет такого желания. У России нет причин, по которым она не могла бы поддерживать с Германией нормальные отношения. А нормальные отношения могут делаться все лучше и лучше».

Мы должны считать этот разговор многозначительным, в особенности ввиду одновременных переговоров в Москве между английским послом и Литвиновым и ввиду официального советского предложения от 17 апреля о заключении тройственного союза с Великобри-

танией и Францией. Это было первым явным признаком сдвига в позиции России. С тех пор началась «нормализация» отношений с Германией, которая шла абсолютно параллельно переговорам о тройственном союзе против германской агрессии.

Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил «Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею» или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил, Сталин бы понял, и история могла бы пойти по иному пути. Во всяком случае по худшему пути она пойти не могла.

4 мая я комментировал положение следующим образом:

«Самое главное – нельзя терять времени. Прошло уже десять или двенадцать дней с тех пор, как было сделано русское предложение. Английский народ, который, пожертвовав достойным, глубоко укоренившимся обычаем, принял теперь принцип воинской повинности, имеет право совместно с Французской Республикой призвать Польшу не ставить препятствий на пути к достижению общей цели. Нужно не только согласиться на полное сотрудничество России, но и включить в союз три Прибалтийских государства – Литву, Латвию и Эстонию. Этим трем государствам с воинственными народами, которые располагают совместно армиями, насчитывающими, вероятно, двадцать дивизий мужественных солдат, абсолютно необходима дружественная Россия, которая дала бы им оружие и оказала другую помощь.

Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без активного содействия России. Россия глубоко заинтересована в том, чтобы помешать замыслам Гитлера в Восточной Европе. Пока еще может существовать возможность сплотить все государства и народы от Балтики до Черного моря в единый прочный фронт против нового преступления или вторжения. Если подобный фронт был бы создан со всей искренностью при помощи решительных и действенных военных соглашений, то в сочетании с мощью западных держав он мог бы противопоставить Гитлеру, Герингу, Гимmlеру, Риббентропу, Геббельсу и компании такие силы, которым германский народ не захочет бросить вызов».

* * *

Вместо этого длилось молчание, пока готовились полумеры и благоразумные компромиссы. Эта проволочка оказалась роковой для Литвинова. Его последняя попытка добиться ясного решения от западных держав была осуждена на провал. Наши акции котировались очень низко. Для безопасности России требовалась совершенно иная внешняя политика, и нужно было найти для нее нового выразителя. 3 мая в официальном коммюнике из Москвы сообщалось, что «Литвинов освобожден от обязанностей народного комиссара по иностранным делам по его собственной просьбе и что его обязанности будет выполнять премьер Молотов». Германский поверенный в делах в Москве сообщил 4 мая следующее:

«Поскольку Литвинов еще 2 мая принял английского посла и поскольку его фамилия была упомянута вчера в печати в числе почетных гостей на параде, его смещение, по-видимому, результат непосредственного решения Сталина... На последнем съезде партии Сталин призывал проявлять осторожность, чтобы не допустить вовлечения Советского Союза в конфликт. Считают, что Молотов (не еврей) “самый близкий друг и соратник Сталина”. Его назначение, видимо, гарантирует, что внешняя политика будет дальше проводиться в строгом соответствии с идеями Сталина».

Советские дипломатические представители за границей получили указания уведомить правительства, при которых они были аккредитованы, что эта перемена не означает изменения во внешней политике России. Московское радио объявило 4 мая, что Молотов будет продолжать политику обеспечения безопасности на Западе, которая в течение многих лет была целью Литвинова. Малоизвестный за пределами России, Молотов стал комиссаром по иностранным делам и действовал в самой тесной согласии со Сталиным. Он был свободен от вся-

ких помех в виде прежних заявлений, свободен от атмосферы Лиги Наций, способен двигаться в любом направлении, которого, как могло казаться, требовало самосохранение России. Был, собственно говоря, только один путь, по которому он мог, вероятно, пойти теперь. Он всегда благосклонно относился к достижению договоренности с Гитлером. Мюнхен и многое другое убедили советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в таком случае от них будет мало проку. Надвигавшаяся буря была готова вот-вот разразиться. Россия должна была позаботиться о себе.

Смещение Литвинова ознаменовало конец целой эпохи. Оно означало отказ Кремля от всякой веры в пакт безопасности с западными державами и возможность создания Восточного фронта против Германии.

* * *

Еврей Литвинов ушел, и было устранено главное предубеждение Гитлера. С этого момента германское правительство перестало называть свою политику антибольшевистской и обратило всю свою брань в адрес «плутодемократий». Статьи в газетах заверяли Советы, что германское «жизненное пространство» не распространяется на русскую территорию, что оно фактически оканчивается повсюду на русской границе. Следовательно, не могло быть причин для конфликта между Россией и Германией, если Советы не вступят с Англией и Францией в соглашения об «окружении». Германский посол граф Шуленбург, который был вызван в Берлин для длительных консультаций, вернулся в Москву с предложением о выгодных товарных кредитах на долгосрочной основе. Обе стороны двигались по направлению к заключению договора.

* * *

Человек, которого Сталин тогда выдвинул на трибуну советской внешней политики, заслуживает описания, которым в то время не располагали английское и французское правительства. Вячеслав Молотов – человек выдающихся способностей и хладнокровно беспощадный.

Он благополучно пережил все страшные случайности и испытания, которым все большевистские вожди подвергались в годы торжества революции. Он жил и процветал в обществе, где постоянно меняющиеся интриги сопровождалась постоянной угрозой личной ликвидации. Его черные усы и пронизательные глаза, плоское лицо, словесная ловкость и невозмутимость хорошо отражали его достоинства и искусство. Он стоял выше всех среди людей, пригодных быть агентами и орудием политики машины, действие которой невозможно было предсказать. Я встречался с ним только на равной ноге, в переговорах, где порой мелькала тень юмора, или на банкетах, где он любезно предлагал многочисленные формальные и бессодержательные тосты. Я никогда не видел человеческого существа, которое больше подходило бы под современное представление об автомате. И все же при этом он был, очевидно, разумным и тщательно отшлифованным дипломатом. Как он относился к людям, стоявшим ниже его, сказать не могу. То, как он вел себя по отношению к японскому послу в течение тех лет, когда в результате Тегеранской конференции Сталин обещал атаковать Японию после разгрома германской армии, можно представить себе по записям их бесед. Одно за другим щекотливые, зондирующие и затруднительные свидания проводились с полным хладнокровием, с непроницаемой скрытностью и вежливой официальной корректностью. Завеса не приоткрывалась ни на мгновение. Ни разу не было ни одной ненужной резкой ноты. Его улыбка, дышавшая сибирским холодом, его тщательно взвешенные и часто мудрые слова, его любезные манеры делали из него идеального выразителя советской политики в мировой ситуации, грозившей смертельной опасностью.

Переписка с ним по спорным вопросам всегда была бесполезной, и если в ней упорствовали, она заканчивалась ложью и оскорблениями. Лишь однажды я как будто добился от него естественной, человеческой реакции. Это было весной 1942 года, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов, мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный перелет на родину. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались в целях сохранения тайны, я крепко пожал ему руку, и мы взглянули друг другу в глаза. Внезапно он показался мне глубоко тронутым. Под маской стал виден человек. Он ответил мне таким же крепким пожатием. Мы молча сжимали друг другу руки. Однако тогда мы были прочно объединены, и речь шла о том, чтобы выжить или погибнуть вместе. Вся его жизнь прошла среди гибельных опасностей, которые либо угрожали ему самому, либо навлекались им на других. Нет сомнений, что в Молотове советская машина нашла способного и во многих отношениях типичного представителя – всегда верного члена партии и последователя коммунизма. Дожив до старости, я радуюсь, что мне не пришлось пережить того напряжения, какому он подвергался, – я предпочел бы вовсе не родиться. Что же касается руководства внешней политикой, то Сюзли, Талейран и Меттерних с радостью примут его в свою компанию, если только есть такой загробный мир, куда большевики разрешают себе доступ.

* * *

8 мая английское правительство наконец ответило на советскую ноту от 17 апреля. Хотя текст английского документа не был обнародован, ТАСС опубликовало 9 мая заявление, в котором излагались основные пункты английских предложений. 10 мая официальный орган газета «Известия» напечатала коммюнике, где говорилось, что изложение агентством Рейтер английских предложений, а именно, что «советское правительство должно дать отдельные гарантии всем соседним государствам и что Великобритания обязуется прийти на помощь СССР, если последний будет вовлечен в войну в результате своих гарантий», не соответствует действительности. советское правительство, говорилось в коммюнике, получило английские контрпредложения 8 мая, но в них не упоминалось об обязательстве Советского Союза дать отдельные гарантии каждому из соседних с ним государств. Однако в них действительно говорилось, что СССР будет обязан прийти немедленно на помощь Великобритании и Франции в случае, если они будут вовлечены в войну в связи со своими гарантиями, данными Польше и Румынии. Однако не упоминалось ни словом о какой-либо их помощи Советскому Союзу, если бы он оказался вовлеченным в войну вследствие своих обязательств в отношении какого-либо из государств Восточной Европы.

Несколько позже в тот же самый день Чемберлен заявил, что правительство приняло на себя новые обязательства в Восточной Европе, не приглашая советское правительство к прямому участию ввиду различных затруднений. По его словам, правительство Его Величества предложило, чтобы советское правительство сделало от собственного имени аналогичную декларацию и выразило готовность, если его об этом попросят, оказать помощь странам, которые могут стать жертвой агрессии и будут готовы защищать свою независимость.

«Почти одновременно советское правительство предложило более широкий и более жесткий план, который, независимо от его возможных преимуществ, неизбежно вызывал, по мнению правительства Его Величества, те самые затруднения, которых оно пыталось избежать с помощью своих предложений.

Вследствие этого правительство Его Величества указало советскому правительству на наличие таких трудностей. В то же время оно несколько видоизменило свои первоначальные предложения. В частности, оно (правительство Его Величества) уточнило, что если советское правительство желает поставить свое вмешательство в зависимость от вмешательства Великобритании и Франции, то у правительства Его Величества со своей стороны нет возражений».

Нужно пожалеть, что об этом не было недвусмысленно заявлено двумя неделями раньше.

Здесь следует упомянуть, что 12 мая турецкий парламент официально ратифицировал англо-турецкое соглашение. Посредством такого расширения наших обязательств мы надеялись укрепить свое положение на Средиземном море на случай кризиса. Это было нашим ответом на оккупацию Албании Италией. Точно так же, как закончился период переговоров с Германией, наши отношения с Италией зашли фактически в такой же тупик.

Переговоры с Россией шли вяло, и 19 мая весь этот вопрос был поднят в палате общин. Краткие прения, носившие серьезный характер, фактически ограничились выступлениями лидеров партий и видных бывших министров. Ллойд Джордж, Иден и я настойчиво указывали правительству на жизненно важную необходимость немедленно заключить с Россией соглашение наиболее далеко идущего характера и на условиях равноправия. Первым выступил Ллойд Джордж, который в самых мрачных красках нарисовал картину смертельной опасности:

«Во всем мире создалось впечатление, что агрессоры готовят что-то вроде нового нападения. Никто не знает наверняка, где это произойдет. Мы видим, что они спешно вооружаются невиданными донныне темпами, выпуская в первую очередь оружие для наступления – танки, бомбардировщики, подводные лодки. Мы знаем, что они занимают и укрепляют новые позиции, которые дадут им стратегические преимущества в войне против Франции и нас самих... Основная военная цель и план диктаторов заключаются в том, чтобы добиться быстрых результатов, избежать длительной войны. Затяжная война никогда не устраивает диктаторов. Затяжная война, вроде испанской, истощает силы диктаторов; великая оборона русских, не давшая им ни одной большой победы, сломила Наполеона. Идеалом Германии является и всегда была война, быстро доводимая до конца. Война против Австрии в 1866 году продолжалась всего несколько недель, а война 1870 года велась таким образом, что фактически закончилась через один-два месяца. В 1914 году планы были составлены с точно такой же целью, которая чуть-чуть не была достигнута. И она была бы достигнута, если бы не Россия. Однако, как только немцам не удалось одержать быстрой победы, их игра была проиграна. Можете быть уверены, что великие военные мыслители Германии давно обсуждают вопрос о том, в чем была ошибка в 1914 году, чего не хватало Германии, как можно восполнить пробелы и исправить промахи или избежать их в следующей войне».

В ответ выступил премьер-министр, который впервые познакомил нас со своим отношением к советскому предложению. Он принял его, бесспорно, холодно и фактически с пренебрежением.

«Если нам удастся разработать метод, с помощью которого мы сможем заручиться сотрудничеством и помощью Советского Союза в деле создания такого фронта мира, мы будем это приветствовать, мы хотим этого, мы считаем это ценным. Утверждение, будто мы презираем помощь Советского Союза, ни на чем не основано. Независимо от ничем не подтвержденных оценок точных достоинств русских вооруженных сил или наилучшего их использования нет таких глупцов, которые считали бы, что эта огромная страна с ее громадным населением и колоссальными ресурсами была бы незначительным фактором в такой ситуации, с которой нам сейчас приходится иметь дело».

Это заявление, по-видимому, указывало на то же непонимание масштабов, какое мы видели в резком отказе, встретившем предложение Рузвельта год назад.

Затем выступил я:

«Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией, которого сам премьер-министр как будто желает, против его заключения в широкой и простой форме, предложенной русским советским правительством?»

Предложения, выдвинутые русским правительством, несомненно, имеют в виду тройственный союз между Англией, Францией и Россией. Такой союз мог бы распространить свои преимущества на другие страны, если они их пожелают и выразят свое такое желание. Един-

ственная цель союза – оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Я не вижу в этом чего-либо предосудительного. Что плохого в этом простом предложении? Говорят: “Можно ли доверять русскому советскому правительству?” Думаю, что в Москве говорят: “Можем ли мы доверять Чемберлену?” Мы можем сказать, я надеюсь, что на оба эти вопроса следует ответить утвердительно. Я искренне надеюсь на это...

Если вы готовы стать союзниками России во время войны, во время величайшего испытания, великого случая проявить себя для всех, если вы готовы объединиться с Россией в защите Польши, которую вы гарантировали, а также в защите Румынии, то почему вы не хотите стать союзниками России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну? Мне непонятны все эти тонкости дипломатии и проволочки. Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ними в самом горниле событий и вам придется выпутываться вместе с ними по мере возможности. Если же трудности не возникнут, вам будет обеспечена безопасность на предварительном этапе...

Ясно, что Россия не пойдет на заключение соглашений, если к ней не будут относиться как к равной и, кроме того, если она не будет уверена, что методы, используемые союзниками – фронтом мира, – могут привести к успеху. Никто не хочет связываться с нерешительным руководством и неуверенной политикой. Наше правительство должно понять, что ни одно из этих государств Восточной Европы не сможет продержаться, скажем, год войны, если за ними не будет стоять солидная и прочная поддержка дружественной России в сочетании с союзом западных держав. Нужен надежный Восточный фронт, будь то Восточный фронт мира или фронт войны, такой фронт может быть создан только при действенной поддержке дружественной Россией, расположенной позади всех этих стран.

Если не будет создан Восточный фронт, что случится с Западом? Что случится с теми странами на Западном фронте, с которыми, по общему признанию, мы связаны, если и не дали им гарантий, – с такими странами, как Бельгия, Голландия, Дания и Швейцария? Обратимся к опыту 1917 года. В 1917 году русский фронт был сломлен и деморализован. Революция и мятеж подорвали мужество этой великой дисциплинированной армии, и положение на фронте было неопишваемым.

И все же, пока не был заключен договор о ликвидации этого фронта, свыше полутора миллионов немцев были скованы на этом фронте, даже при его самом плачевном и небоеспособном состоянии. Как только этот фронт был ликвидирован, миллион немцев и пять тысяч орудий были переброшены на запад и в последнюю минуту чуть не изменили ход войны и едва не навязали нам гибельный мир.

Этот вопрос о Восточном фронте имеет гигантское значение. Я удивлен тем, что он не вызывает большего беспокойства. Я, конечно, не прошу милостей у Советской России. Сейчас не время просить милостей у других стран. Однако перед нами предложение – справедливое и, по-моему, более выгодное предложение, чем те условия, которых хочет добиться наше правительство. Это предложение проще, прямее и более действенно. Нельзя допускать, чтобы его отложили в сторону, чтобы оно ни к чему не привело. Я прошу правительство Его Величества усвоить некоторые из этих неприятных истин. Без действенного Восточного фронта невозможно удовлетворительно защитить наши интересы на Западе, а без России невозможен действенный Восточный фронт. Если правительство Его Величества, пренебрегавшее так долго нашей обороной, отрекшись от Чехословакии со всей ее военной мощью, обязавши нас, не ознакомившись с технической стороной вопроса, защитить Польшу и Румынию, отклонит и отбросит необходимую помощь России и таким образом вовлечет нас наихудшим путем в наихудшую из всех войн, оно плохо оправдывает доверие и, добавлю, великодушие, с которым к нему относились и относятся его соотечественники».

* * *

Попытки западных держав создать оборонительный союз против Германии сопровождались не меньшими усилиями другой стороны. Переговоры между Риббентропом и Чиано в Комо в начале мая официально и публично увенчались так называемым «Стальным пактом», подписанным двумя министрами иностранных дел в Берлине 22 мая. Это было вызывающим ответом на хрупкую сеть английских гарантий в Восточной Европе. 23 мая, на следующий день после подписания «Стального пакта», Гитлер ускорил совещание с высшим командным составом вооруженных сил. В секретных протоколах этого совещания говорится:

«Польша всегда была на стороне наших врагов. Несмотря на договоры о дружбе, Польша всегда втайне намеревалась воспользоваться любым случаем, чтобы повредить нам. Предмет спора вовсе не Данциг. Речь идет о расширении нашего жизненного пространства на востоке и об обеспечении нашего продовольственного снабжения. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы пощадить Польшу. Нам осталось одно решение: напасть на Польшу при первой удобной возможности. Мы не можем ожидать повторения чешского дела. Будет война. Наша задача – изолировать Польшу. Успех изоляции будет решать дело.

Не исключена возможность, что германо-польский конфликт приведет к войне на западе. В таком случае придется сражаться в первую очередь против Англии и Франции. Если бы существовал союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии, я был бы вынужден нанести Англии и Франции несколько сокрушительных ударов. Я сомневаюсь в возможности мирного урегулирования с Англией. Мы должны подготовиться к конфликту. Англия видит в нашем развитии основу гегемонии, которая ее ослабит. Поэтому Англия – наш враг, и конфликт с Англией будет борьбой не на жизнь, а на смерть.

Англия знает, что проигрыш войны будет означать конец ее мировой мощи. Англия – движущая сила сопротивления Германии. Если удастся успешно занять и удержать Бельгию и Голландию, и если Франции будет также нанесено поражение, то будут обеспечены основные условия для успешной войны против Англии»³³.

30 мая германское министерство иностранных дел направило следующую инструкцию своему послу в Москве: «В противоположность ранее намеченной политике мы теперь решили вступить в конкретные переговоры с Советским Союзом».

В то время как страны оси сплачивали свои ряды для военной подготовки, жизненно важное связующее звено между западными державами и Россией погибло. Скрытые разногласия видны из речи комиссара по иностранным делам Молотова 31 мая, произнесенной в ответ на речь Чемберлена в палате общин 19 мая.

«В связи со сделанными нам предложениями английского и французского правительств советское правительство вступило в переговоры с последними насчет необходимых мер борьбы с агрессией. Это было еще в середине апреля. Начавшиеся тогда переговоры еще не закончены. Однако некоторое время назад стало ясно, что если в самом деле хотят создать дееспособный фронт миролюбивых стран против наступления агрессии, то для этого необходимы как минимум такие условия: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительно оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны, от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемой государствам в случае нападения агрессоров».

³³ Nuremberg Documents. Part 1. P. 167–168.

Переговоры зашли как будто в безвыходный тупик. Принимая английскую гарантию, правительства Польши и Румынии не хотели принять аналогичного обязательства в той же форме от русского правительства. Такой же позиции придерживались и в другом важнейшем стратегическом районе – в Прибалтийских государствах. Советское правительство разъяснило, что оно присоединится к пакту о взаимных гарантиях только в том случае, если в общую гарантию будут включены Финляндия и Прибалтийские государства.

Все эти четыре страны теперь ответили отказом на такое условие и, испытывая ужас, вероятно, еще долго отказывались бы на него согласиться. Финляндия и Эстония даже утверждали, что они будут рассматривать как акт агрессии гарантию, которая будет дана им без их согласия. В тот же день, 31 мая, Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении³⁴. Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть в глубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него.

Глава 21 Накануне

С наступлением лета подготовка к войне продолжалась по всей Европе. Позиции дипломатов, речи политических деятелей и желания человечества с каждым днем теряли значение. Передвижения немецких войск, казалось, предвещали, что прелюдией к нападению на Польшу будет разрешение спора с Польшей о Данциге. Чемберлен выказал беспокойство в парламенте 10 июня и подтвердил свое намерение поддержать Польшу, если возникнет угроза ее независимости. Бельгийское правительство, не замечая реальных фактов, в значительной мере под влиянием своего короля, объявило 23 июня, что оно не желает переговоров с представителями штабов Англии и Франции и что Бельгия намерена соблюдать строгий нейтралитет. Ход событий привел к сплочению Англии и Франции, а также к сплочению рядов внутри страны. В течение июля между Парижем и Лондоном шло оживленное движение. Празднества 14 июля дали возможность продемонстрировать англо-французское единство. Французское правительство пригласило меня на этот блестящий спектакль.

Когда я покидал аэродром Бурже после парада, генерал Гамелен предложил мне посетить французский фронт.

«Вы никогда не видели рейнского сектора, – сказал он. – В таком случае приезжайте в августе, мы покажем вам все». В соответствии с этим был составлен план, и 15 августа генерала Спирса и меня встретил его ближайший друг генерал Жорж – командующий армиями во Франции и возможный преемник верховного главнокомандующего. Я был рад встрече с этим в высшей степени приятным и знающим офицером. Мы провели в его обществе десять дней, обсуждая военные проблемы и встречаясь с Гамеленом, который также осматривал некоторые участки этого сектора фронта.

Начав с излучины Рейна у Лотербурга, мы проехали по всему сектору до швейцарской границы. В Англии, как и в 1914 году, беззаботные люди наслаждались отдыхом, играя с детьми на пляжах. Однако здесь, на Рейне, все выглядело иначе. Все временные мосты через реку были отведены на ту или другую сторону. Постоянные мосты сильно охранялись и были заминированы. Надежные офицеры круглые сутки дежурили в ожидании сигнала, чтобы нажать кнопки и взорвать мосты. Вздувшаяся от таяния альпийских снегов большая река неслась угрюмым потоком. Солдаты французских аванпостов сидели, скорчившись в окопчиках среди кустарника. Нам сказали, что вдвоем или втроем мы можем подойти к берегу, но что ни в коем случае нельзя выходить на открытое место, чтобы не стать мишенью. На другом берегу, на расстоянии трехсот ярдов, можно было видеть там и сям немцев, работавших довольно лениво киркой

³⁴ Эти пакты подписаны 7 июня 1939 г. 31 мая был подписан аналогичный пакт с Данией.

и лопатой на своих укреплениях. Весь прибрежный квартал Страсбурга был уже очищен от гражданского населения. Я стоял некоторое время на страсбургском мосту и смотрел, как проехали одна-две машины. На обеих сторонах долго изучали паспорта и личности проезжающих. Здесь немецкий пост находился немногим больше чем в ста ярдах от французского. Между ними не было никаких сношений. А в Европе царил мир. Между Германией и Францией не было никакого спора. Бурля и крутясь, Рейн несся со скоростью шесть или семь миль в час. Одна-две лодки с мальчиками промчались по течению. Больше я не видел Рейна до тех пор, когда, более чем пять лет спустя, в марте 1945 года я пересек его в маленькой лодке с фельд-маршалом Монтгомери. Впрочем, это было близ Везеля, то есть гораздо севернее.

* * *

В том, что я узнал во время поездки, примечательным было полное примирение с положением обороняющегося, которое довлело над принимавшими меня французами и которое непреодолимо овладевало и мной. Беседуя с этими весьма компетентными французскими офицерами, вы чувствовали, что немцы сильнее, что у Франции уже больше нет достаточной энергии, чтобы предпринять большое наступление. Она будет бороться за свое существование – вот и все. Перед французами была укрепленная линия Зигфрида со всей возросшей огневой мощностью современного оружия. В глубине души я также испытывал ужас при воспоминаниях о наступлении на Сомме и в Пашендейльских болотах. Немцы были, конечно, гораздо сильнее, чем в дни Мюнхена. Нам ничего не было известно о глубокой тревоге, терзавшей их верховное командование. Мы позволили себе дойти до такого физического и психологического состояния, что ни одно ответственное лицо – до того времени на мне не лежало никакой ответственности – не могло предполагать истинного положения вещей, а именно что только сорок две наполовину вооруженные и наполовину обученные дивизии охраняли весь длинный фронт от Северного моря до Швейцарии. Во время Мюнхена их было тринадцать.

* * *

Все эти последние недели я больше всего опасался, что, несмотря на нашу гарантию, правительство Его Величества откажется воевать с Германией, если последняя нападет на Польшу. Нет никаких сомнений, что в то время Чемберлен уже решился на такой шаг, как ни тяжел он был для него. Однако тогда я знал его еще не так хорошо, как узнал через год. Я боялся, что Гитлер попытается прибегнуть к блефу, угрожая каким-нибудь новым средством или секретным оружием, и что такая угроза собьет с толку или поставит в тупик наш обремененный заботами кабинет. Время от времени профессор Линдеман беседовал со мной об атомной энергии. Я поэтому просил его сообщить мне, в каком положении находится это дело. После беседы я написал следующее письмо Кингсли Буду, о довольно тесных отношениях с которым я уже упоминал:

*Черчилль – министру авиации
5 августа 1939 года*

Несколько недель назад одна из воскресных газет расписала в ярких красках огромное количество энергии, которое можно высвободить из урана с помощью недавно открытых ценных процессов, возникающих при расщеплении нейтронами атома такого типа. На первый взгляд это может предвещать появление новых взрывчатых веществ большой разрушительной силы. Ввиду этого необходимо отдать себе отчет, что это открытие, каков бы ни

был его научный интерес и дальнейшее возможное практическое значение, не угрожает привести в ближайшие годы к результатам, которые можно было бы практически использовать в широком масштабе.

Судя по некоторым данным, можно предполагать, что при обострении международного напряжения будут намеренно распускаться слухи о применении этого процесса для создания какого-то нового страшного секретного взрывчатого вещества, способного смести Лондон с лица земли. «Пятая колонна», без сомнения, попытается путем такой угрозы убедить нас пойти на новую капитуляцию. Поэтому совершенно необходимо заявить о подлинном положении дела.

Во-первых, лучшие специалисты считают, что лишь небольшая составная часть урана играет действительную роль в этих процессах и что для получения крупных результатов ее нужно будет извлечь. Это – дело многих лет.

Во-вторых, цепная реакция возникает лишь в том случае, если масса урана большая. Как только освобождаемая энергия начнет нарастать, уран взорвется с незначительной силой, прежде чем удастся достигнуть действительно сильного эффекта³⁵. Возможно, это будет не хуже наших нынешних взрывчатых веществ, но вряд ли даст что-либо значительно более опасное.

В-третьих, такие опыты невозможно производить в небольших масштабах. Если бы они были успешно проведены в больших масштабах (то есть с такими результатами, которыми можно было бы нам угрожать, если мы не поддадимся на шантаж), то их невозможно было бы сохранить в тайне.

В-четвертых, Берлин сейчас располагает лишь сравнительно небольшими запасами урана на территориях, ранее принадлежащих Чехословакии.

По всем этим причинам явно нет оснований опасаться, что это новое открытие дало нацистам какое-то злое новое секретное взрывчатое вещество для уничтожения их противников. Глухие намеки будут, несомненно, делаться, и будут упорно распространяться устрашающие слухи. Однако нужно надеяться, что они никого не обманут.

Примечательно, насколько правильным оказался такой прогноз. И не немцы нашли путь. В действительности они пошли по ложному следу и фактически отказались от попыток создать атомную бомбу, отдав предпочтение ракетам и беспилотным самолетам в тот самый момент, когда президент Рузвельт и я принимали решения и заключали памятные соглашения о массовом производстве атомных бомб.

* * *

Английское и французское правительства предприняли новые попытки договориться с Советской Россией. Было решено направить в Москву специального представителя. Иден, который установил полезный контакт со Сталиным несколько лет назад, вызвался поехать. Это великодушное предложение было отклонено премьер-министром. Вместо Идена эта важнейшая миссия была возложена 12 июня на Стрэнга – способного чиновника, не имевшего,

³⁵ Эти трудности были преодолены через несколько лет в результате напряженной научно-исследовательской работы.

однако, никакого веса и влияния вне министерства иностранных дел. Это было новой ошибкой. Назначение столь второстепенного лица было фактически оскорбительным. Вряд ли Стрэнг мог проникнуть через верхний покров советского организма. Во всяком случае было уже слишком поздно. Много воды утекло с тех пор, как Майский был послан повидаться со мной в Чартуэлле в августе 1938 года. Позади был Мюнхен. Армии Гитлера имели еще год для подготовки. Его военные заводы, подкрепленные заводами «Шкода», работали на полную мощность. Советское правительство было очень заинтересовано в Чехословакии, но Чехословакии уже не было, Бенеш жил в изгнании. В Праге правил немецкий гаулейтер.

С другой стороны, Польша означала для России ряд совершенно иных политических и стратегических проблем вековой давности. Их последним крупным столкновением было сражение за Варшаву в 1919 году, когда вторгнувшиеся в Польшу большевистские армии были отброшены Пилсудским при помощи советов генерала Вейгана и английской миссии во главе с лордом д'Аберноном, а затем подверглись преследованию с кровожадной мстительностью. Все эти годы Польша была авангардом антибольшевизма.левой рукой она поддерживала антисоветские Прибалтийские государства. Однако правой рукой она помогла ограбить Чехословакию в Мюнхене. Советское правительство было уверено, что Польша его ненавидит, а также что Польша не способна противостоять натиску немцев. В такой обстановке перспективы миссии Стрэнга не были блестящими.

Переговоры вращались вокруг вопроса о нежелании Польши и Прибалтийских государств быть спасенными Советами от Германии; здесь не было достигнуто никаких успехов. В передовой статье 13 июня «Правда» уже заявила, что для безопасности СССР жизненно важен действенный нейтралитет Финляндии, Эстонии и Латвии.

«Безопасность таких государств, – писала она, – имеет первостепенное значение для Англии и Франции, как признал даже такой политик, как Черчилль».

Вопрос обсуждался в Москве 15 июня. На следующий день русская печать заявила, что «в кругах советского министерства иностранных дел результаты первых переговоров рассматриваются как не вполне благоприятные». Дискуссии продолжались с перерывами в течение всего июля, и наконец советское правительство предложило, чтобы переговоры продолжались на военной основе с представителями как Франции, так и Англии. В соответствии с этим английское правительство направило 10 августа адмирала Дрэкса с миссией в Москву. У этих офицеров не было письменных полномочий на переговоры. Французскую миссию возглавлял генерал Думенк. Русскую сторону представлял маршал Ворошилов. Теперь мы знаем, что в то же самое время советское правительство дало согласие на поездку в Москву германского представителя для переговоров. Военное совещание вскоре провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска. Позиция Польши была такова: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими – нашу душу»³⁶.

* * *

Глубокой ночью в Кремле в августе 1942 года Сталин познакомил меня с одним аспектом советской позиции.

«У нас создалось впечатление, – сказал Сталин, – что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатическое объединение Англии, Франции и России остановит Гитлера. Мы были уверены, что этого не будет».

«Сколько дивизий, – спросил Сталин, – Франция выставит против Германии после мобилизации?»

³⁶ Reynaud. Op. cit. Vol. 1. P. 587.

Ответом было:

«Около сотни».

Тогда он спросил:

«А сколько дивизий пошлет Англия?» Ему ответили:

«Две и еще две позднее».

«Ах, две и еще две позднее, – повторил Сталин. – А знаете ли вы, – спросил он, – сколько дивизий мы выставим на германском фронте, если мы вступим в войну против Германии?»

Молчание.

«Больше трехсот».

Сталин не сказал мне, с кем или когда произошел этот разговор. Нужно, признать, что это была действительно твердая почва, впрочем, неблагоприятная для сотрудника министерства иностранных дел Стрэнга.

Для того чтобы выторговать более выгодные условия в переговорах, Сталин и Молотов считали необходимым скрывать свои истинные намерения до самой последней минуты. Молотов и его подчиненные проявили изумительные образцы двуличия во всех сношениях с обеими сторонами. Уже 4 августа германский посол Шуленбург мог телеграфировать из Москвы только следующее:

«Из всего отношения Молотова было видно, что советское правительство фактически более склонно к улучшению германо-советских отношений, но что прежнее недоверие к Германии еще не изжито. Мое общее впечатление таково, что советское правительство в настоящее время полно решимости подписать соглашение с Англией и Францией, если они выполнят все советские пожелания. Переговоры, конечно, могли бы продолжаться еще долго, в особенности потому, что недоверие к Англии также сильно... С нашей стороны потребуются значительные усилия, чтобы заставить советское правительство совершить поворот»³⁷.

Ему не стоило беспокоиться: жребий был брошен.

* * *

Вечером 19 августа Сталин сообщил Политбюро о своем намерении подписать пакт с Германией. 22 августа союзнические миссии лишь вечером смогли разыскать маршала Ворошилова. Вечером он сказал главе французской миссии:

«Вопрос о военном сотрудничестве с Францией висит в воздухе уже несколько лет, но так и не был разрешен. В прошлом году, когда погибала Чехословакия, мы ждали от Франции сигнала, но он не был дан. Наши войска были наготове... Французское и английское правительства теперь слишком затянули политические и военные переговоры. Ввиду этого не исключена возможность некоторых политических событий...»³⁸

На следующий день в Москву прибыл Риббентроп.

* * *

Из материалов Нюрнбергского процесса и из документов, захваченных и недавно опубликованных Соединенными Штатами, нам теперь известны подробности этой незабываемой сделки. По словам главного помощника Риббентропа Гаусса, который летал с ним в Москву, «днем 22 августа состоялась первая беседа между Риббентропом и Сталиным...»

³⁷ Nazi-Soviet Relations. P. 41.

³⁸ Reynaud. Op. cit. Vol. 1. P. 588.

Имперский министр иностранных дел вернулся с этого продолжительного совещания очень довольный...».

В тот же день, быстро и без затруднений, было достигнуто соглашение относительно текста советско-германского пакта о ненападении.

«Сам Риббентроп, – говорит Гаусс, – включил в преамбулу довольно далеко идущую фразу относительно установления дружественных германо-советских отношений. Сталин возразил против этого, заметив, что Советское правительство не может внезапно представить своей общественности германо-советскую декларацию о дружбе после того, как нацистское правительство в течение шести лет выливалось на советское ушаты грязи. Поэтому данная фраза была исключена из преамбулы».

В секретном протоколе Германия заявила, что не имеет политических интересов в Латвии, Эстонии и Финляндии, но считает, что Литва входит в сферу ее интересов. Была намечена демаркационная линия раздела Польши. В Прибалтийских странах Германия претендовала только на экономические интересы³⁹. Пакт о ненападении и секретный протокол были подписаны поздно вечером 23 августа.

* * *

Несмотря на все, что было беспристрастно рассказано в данной и предыдущей главах, только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противозаконный акт.

Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение – Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав. Гитлер следовал своему методу «поодиночке». Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет.

В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время Первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно-расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной.

Зловещее известие поразило весь мир, как взорвавшаяся бомба. 22 августа советское агентство ТАСС сообщило, что Риббентроп летит в Москву для подписания пакта о ненападении с Советским Союзом. Какие бы чувства ни испытывало английское правительство, чувства страха не было. Не теряя времени, оно заявило, что «такое событие ни в коей мере не отразится на его обязательствах, которые оно твердо решило выполнить». Теперь ничто не могло предотвратить или отсрочить столкновение.

³⁹ Nuremberg Documents. Part 1. P. 210.

* * *

На основании секретных переговоров Гитлер был уверен, что пакт с русскими будет подписан 23 августа. Еще до возвращения Риббентропа из Москвы и до опубликования сообщения он обратился к своим высшим военачальникам со следующими словами:

«С самого начала мы должны быть полны решимости сражаться с западными державами... Конфликт с Польшей должен произойти рано или поздно. Я уже принял такое решение весной, но думал сначала выступить против Запада, а потом уже против Востока... Нам нет нужды бояться блокады. Восток будет снабжать нас зерном, скотом, углем... Я боюсь только одного – что в последнюю минуту какая-нибудь свинья предложит посредничество...»

Политическая цель идет дальше. Заложена основа для сокрушения гегемонии Англии. После того как я провел политическую подготовку, та же задача стоит перед солдатами»⁴⁰.

* * *

По получении известия о заключении германо-советского пакта английское правительство сразу же приняло меры предосторожности.

Были отданы приказы о сосредоточении основных частей береговой и противовоздушной обороны и о защите уязвимых пунктов. Правительствам доминионов и властям колоний были посланы телеграммы с предупреждением, что в очень недалеком будущем может оказаться необходимым принять предупредительные меры. 23 августа военно-морское министерство получило разрешение кабинета реквизировать 25 торговых судов для переоборудования их во вспомогательные крейсера, а также 35 траулеров, которые нужно было снабдить прибором «Асдик». Было призвано 6 тысяч человек из запаса для службы в заморских гарнизонах. Были одобрены меры по противовоздушной обороне радарных станций и полное развертывание сил противовоздушной обороны. Был проведен призыв 24 тысяч резервистов военно-воздушных сил и всех вспомогательных частей ВВС, включая эскадрильи аэростатов. Во всех строевых частях были отменены отпуска. Военно-морское министерство опубликовало предупреждения торговому флоту. Было принято много других мер.

Премьер-министр решил написать Гитлеру об этих подготовительных шагах.

«Вашему превосходительству, вероятно, уже известно о некоторых мероприятиях, принятых правительством Его Величества и обнародованных в печати и по радио сегодня вечером.

По мнению правительства Его Величества, эти меры стали необходимыми ввиду сообщений из Германии о передвижении войск. Они необходимы также потому, что сообщение о германо-советском соглашении, видимо, воспринято в некоторых кругах Берлина как указание на то, что вмешательство Великобритании на стороне Польши больше не является обстоятельством, с которым нужно считаться. Трудно себе представить большую ошибку. Каким бы ни оказался характер германо-советского соглашения, оно не может изменить обязательства Великобритании в отношении Польши. Правительство Его Величества неоднократно и ясно заявляло публично о своей решимости выполнить это обязательство.

Утверждали, что если бы правительство Его Величества точнее разъяснило свою позицию в 1914 году, то великая катастрофа якобы была бы предотвращена. Независимо от того, насколько справедливо такое утверждение, правительство Его Величества твердо решило не допускать в данном случае подобного трагического недоразумения. Оно решило и готово, если возникнет такая необходимость, употребить немедленно все силы, находящиеся в его распо-

⁴⁰ Nuremberg Documents. Part 1. P. 173.

ряжении. Если военные действия начнутся, невозможно будет предсказать их конец. Было бы опасным заблуждением предполагать, что если война начнется, то она закончится быстро даже в случае успеха на каком-нибудь одном из фронтов, на которых она будет вестись.

Сознаюсь, что в настоящий момент я не вижу никакого другого пути к предотвращению бедствия, которое вовлечет Европу в войну. Ввиду серьезных последствий для человечества, которые могут явиться результатом действий его правителей, я верю, что ваше превосходительство с величайшей осмотрительностью взвесит все изложенные мною соображения»⁴¹.

Ответ Гитлера, где пространно говорилось о «неслыханном великодушии», в духе которого Германия готова разрешить вопрос о Данциге и Польском коридоре, содержал следующую наглую ложь:

«Данное Англией Польше безоговорочное заверение о помощи этой стране при любых обстоятельствах, независимо от причин столкновения, могло быть истолковано в Польше только как стимул развязать под прикрытием такого обещания ужасающий террор против полутора миллионов немцев, проживающих в Польше»⁴².

25 августа английское правительство объявило о заключении официального договора с Польшей в подтверждение уже данной гарантии. Таким шагом надеялись дать наилучшие шансы на урегулирование спора между Германией и Польшей путем прямых переговоров в свете того факта, что в случае провала переговоров Англия поддержала бы Польшу. Геринг заявил в Нюрнберге:

«В тот день, когда Англия дала официальную гарантию Польше, фюрер позвонил мне по телефону и сказал, что он отменил намеченное вторжение в Польшу. Я спросил, отменено ли оно временно или окончательно. Он сказал: “Нет, мне придется посмотреть, нельзя ли устранить возможность вмешательства Англии”»⁴³.

В самом деле, Гитлер отложил день нападения с 25 августа на 1 сентября и вступил в непосредственные переговоры с Польшей, как хотелось Чемберлену.

Его целью было, впрочем, не достигнуть соглашения с Польшей, но дать правительству Его Величества все возможности уклониться от выполнения его гарантий. Однако английское правительство так же, как парламент и народ, думало совсем о другом. Любопытная черта характера жителей Британских островов, которые ненавидят муштру и не подвергались вторжению почти тысячу лет, заключается в том, что по мере роста и приближения опасности они постепенно перестают нервничать. Когда опасность непосредственно близка, они приходят в ярость, а когда она становится смертельной, они делаются бесстрашными. Подобные привычки не раз ставили их в очень тяжелое положение.

31 августа Гитлер отдал свою «Директиву № 1 о ведении войны».

«1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности урегулировать мирными средствами положение на восточной границе, которое нетерпимо для Германии, я принял решение урегулировать его силой.

2. Нападение на Польшу должно быть произведено в соответствии с подготовкой к “Белому плану” – с изменениями, вытекающими, поскольку дело касается армии, из того факта, что она тем временем уже почти закончила свои приготовления. Распределение задач и оперативные цели остаются без изменений.

Дата наступления – 1 сентября 1939 г. Час атаки 04:45 (вписано красным карандашом).

3. Важно, чтобы на Западе ответственность за начало военных действий лежала, безусловно, на Англии и Франции. Сначала действия чисто местного характера должны быть приняты в связи с незначительными нарушениями границы».

⁴¹ Nuremberg Documents. Part 2. P. 117.

⁴² Nuremberg Documents. Part 2. P. 158.

⁴³ Ibid. P. 172.

Было известно, что в то время в Англии имелось двадцать тысяч организованных германских нацистов. Яростная волна вредительства и убийств как прелюдия к войне лишь соответствовала бы их прежнему поведению в других дружественных странах. В то время у меня не было официальной охраны, и мне не хотелось ее просить. Однако я считал себя достаточно видной фигурой, чтобы принять меры предосторожности. Я располагал достаточными сведениями, чтобы убедиться, что Гитлер считает меня врагом. Мой бывший детектив из Скотланд-Ярда инспектор Томпсон был в то время в отставке. Я предложил ему приехать ко мне и взять с собой пистолет. Я достал свое оружие, которое было надежным. Пока один из нас спал, другой бодрствовал. Таким образом, никто не мог бы застать нас врасплох. В те часы я знал, что, если вспыхнет война – а кто мог сомневаться в этом? – на меня падет тяжелое бремя.

Часть II

Сумерки войны (3 сентября 1939 г. – 10 мая 1940 г.)

Глава 1

Война

1 сентября на рассвете Германия напала на Польшу. В тот же день утром последовал приказ о мобилизации всех наших вооруженных сил. Премьер-министр попросил меня посетить его вечером на Даунинг-стрит. Он сказал мне, что не видит никакой надежды на предотвращение войны с Германией и что для руководства ею предполагает создать небольшой военный кабинет в составе министров, не возглавляющих никаких министерств. Насколько он понимает, лейбористская партия не желает участвовать в национальной коалиции. Но он надеется, что либералы присоединятся к нему. Он предложил мне войти в состав военного кабинета. Я принял его предложение без возражений, и на этой основе у нас состоялся долгий разговор о людях и планах.

После некоторого размышления я убедился, что средний возраст министров, которые должны были образовать верховный орган по руководству войной, оказался бы слишком солидным, и поэтому после полуночи я написал Чемберлену следующее:

2 сентября 1939 года

Не слишком ли мы старая команда? Я подсчитал, что общий возраст всей шестерки, которую Вы мне вчера назвали, составляет 386 лет, или в среднем более 64 года! Им недостает года, чтобы выйти на пенсию по старости! Если же, однако, Вы добавите Синклера (49) и Идена (42), средний возраст снизится до пятидесяти семи с половиной лет.

Вот уже 30 часов как поляки подвергаются ожесточенной атаке, и меня крайне беспокоят слухи о том, что в Париже поговаривают о новой ноте. Я надеюсь, что Вы сможете обнародовать наше совместное заявление об объявлении войны не позднее чем на сегодняшнем вечернем заседании парламента.

Меня удивляло, что в течение всего дня 2 сентября, когда положение обострилось до крайности, Чемберлен хранил молчание. Я подумал, не предпринимается ли в последнюю минуту попытка сохранить мир, и оказался прав. Однако, когда после полудня собрался парламент, произошли короткие, но довольно бурные дебаты, во время которых нерешительное заявление премьер-министра подверглось резкой критике. Когда Гринвуд поднялся на трибуну, чтобы выступить от имени лейбористской оппозиции, Эмери – консерватор – крикнул ему: «Говорите от имени Англии!» Эта реплика была встречена бурными аплодисментами. Не было никакого сомнения, что палата настроена в пользу войны. Мне казалось, что она была настроена более решительно и выступала более единодушно, чем в аналогичном случае 2 августа 1914 года, при котором я тоже присутствовал. Вечером группа видных деятелей от всех партий пришла ко мне на квартиру в доме, расположенном напротив Вестминстерского собора, и выразила глубокое беспокойство по поводу того, выполним ли мы свои обязательства перед Польшей. Палата должна была снова собраться завтра в полдень. Ночью я написал премьер-министру следующее:

2 сентября 1939 года

Я ничего не слышал от Вас после нашей последней беседы в пятницу. Я тогда понял, что должен буду стать Вашим коллегой, и Вы сказали, что об этом будет объявлено очень скоро. Не могу себе представить, что произошло за эти тревожные дни, хотя мне кажется, что теперь возобладали новые идеи, совершенно отличные от тех, которые Вы выразили мне, сказав: «Жребий брошен». Я вполне понимаю, что в связи с ужасной обстановкой в Европе возможны изменения метода, но до начала назначенных на полдень дебатов я считаю себя вправе просить Вас сообщить, каковы наши с Вами отношения, как общественные, так и личные.

Мне кажется, что, если лейбористская партия и, насколько я понимаю, либеральная партия будут отстранены, трудно создать действенное военное правительство на той ограниченной основе, о которой Вы говорили. Я считаю, что необходимо сделать еще одну попытку привлечь либералов и, кроме того, пересмотреть состав и численность военного кабинета, о котором Вы со мной говорили. Сегодня в палате общин чувствовалось, что духу национального единства нанесен ущерб очевидным ослаблением нашей решимости. Я не преуменьшаю трудностей, с которыми Вы сталкиваетесь в отношениях с французами. Но я надеюсь, что мы теперь примем свое решение независимо и тем самым покажем нашим французским друзьям пример, в котором они, быть может, нуждаются. Для этого нам понадобится самая сильная и самая сплоченная комбинация, которую только возможно создать. Поэтому я прошу не оглашать состава военного кабинета до нашего нового разговора.

Как я уже писал Вам вчера утром, я полностью в Вашем распоряжении и всегда готов помочь Вам в выполнении Вашей задачи.

Позже, 1 сентября я узнал, что 1 сентября в 9 часов 60 минут вечера Англия предъявила Германии ноту и что 3 сентября в 9 часов утра за ней последовал ультиматум. В утренних радиопередачах 3 сентября сообщалось, что премьер-министр выступит по радио в 11 часов 15 минут. Поскольку было ясно, что Великобритания, а также и Франция немедленно объявят войну, я подготовил короткую речь, которая, как я считал, будет соответствовать этому торжественному и ответственному моменту в нашей жизни и в нашей истории.

Премьер-министр сообщил по радио, что мы уже находимся в состоянии войны, и только он закончил свою речь, как раздался странный, протяжный, воющий звук, который впоследствии уже стал привычным. Жена вошла в кабинет, взволнованная случившимся, и похвалила немцев за точность и аккуратность. Мы поднялись на крышу нашего дома, чтобы посмотреть, что происходит. Стоял ясный и холодный сентябрьский день. Вокруг виднелись крыши домов и высокие шпили Лондона. Над ними уже медленно поднимались тридцать или сорок аэростатов заграждения. Мы по достоинству оценили правительство за этот явный признак готовности. Поскольку пятнадцатиминутное предупреждение, на которое мы рассчитывали, истекло, мы отправились в отведенное нам бомбоубежище, вооружившись бутылкой бренди и другими соответствующими медицинскими снадобьями.

Наше бомбоубежище находилось в сотне ярдов и представляло собой открытый подвал, не защищенный даже мешками с песком, в котором уже собрались жильцы полудюжины домов. Все были в веселом и шутовском настроении, как это свойственно англичанам перед лицом неизвестного.

Примерно через десять минут сирена снова завывала. Я не был уверен, что это повторная тревога, но по улице уже шел человек и кричал «Отбой!». Мы тут же разошлись по домам и занялись своими делами. Я отправился в палату общин, которая собралась ровно в полдень с соблюдением всей своей обычной неторопливой процедуры и краткими величественными

молитвами. Премьер-министр прислал мне записку, прося зайти к нему в кабинет сразу же по окончании дебатов.

Чемберлен сказал мне, что он обдумал мои письма, что либералы не войдут в правительство, что он готов в известной мере учесть мои замечания о среднем возрасте и включить в состав военного кабинета трех военных министров, несмотря на их исполнительные функции, и что средний возраст будет около 60 лет. Это, сказал он, позволяет ему предложить мне военно-морское министерство, а также место в военном кабинете. Я был весьма рад этому, так как я, естественно, предпочитал, хотя и не высказывал этого, иметь определенную работу, а не сидеть и корпеть над работой, сделанной другими.

Ничего не было сказано, когда я буду официально назначен королем – и, действительно, это произошло лишь 5 сентября. Однако первые же часы войны могут иметь весьма серьезные последствия для флотов. Поэтому я уведомил военно-морское министерство, что приму дела немедленно и прибуду туда в 6 часов. В связи с этим военно-морское министерство любезно оповестило флот: «Уинстон вернулся». Итак, я снова возвратился в кабинет, который с болью и горечью покинул почти четверть века назад.

* * *

Вскоре начальник военно-морского штаба Дадли Паунд пришел ко мне. В период моего прежнего пребывания в адмиралтействе я немного знал его. Я ценил и уважал большие профессиональные и личные качества адмирала Паунда. Когда война со всеми ее успехами и неудачами наносила нам тяжелые удары, мы стали еще более верными товарищами и друзьями. И когда, спустя четыре года, он умер как раз во время победы над Италией, я горько оплакивал эту утрату для флота и страны.

Значительную часть ночи 3 сентября я провел в беседах с руководителями департаментов, а утром 4 сентября взял в свои руки руководство министерством. Как и в 1914 году, задолго до всеобщей мобилизации были приняты меры предосторожности против любых неожиданностей. Еще 15 июня были призваны крупные контингенты офицеров и рядовых резерва. 9 августа король инспектировал резервный флот, полностью укомплектованный для учений, а 22 августа были дополнительно призваны различные классы резервистов. 24 августа парламент принял закон о чрезвычайных полномочиях, и одновременно флоту приказали выйти на свои военные базы. По существу, наши главные силы уже в течение нескольких недель находились в Скапа-Флоу. После решения о полной мобилизации флота мобилизационный план военно-морского министерства осуществлялся беспрепятственно и, несмотря на некоторые серьезные недостатки – в частности, не хватало крейсеров и судов для борьбы с подводными лодками, – к началу войны, как и в 1914 году, флот оказался на высоте своих огромных задач.

* * *

Читателю, вероятно, известно, что я был достаточно знаком с работой военно-морского министерства и с королевским военно-морским флотом. Четыре года – с 1911 по 1915-й, когда на меня возлагалась обязанность подготовить флот к войне, а также руководство адмиралтейством в первые десять напряженных месяцев, – были самыми яркими годами моей жизни. Я накопил колоссальное количество фактических сведений и немало узнал о флоте и о войне на море. После ухода из военно-морского министерства я многое изучил и много написал о флоте. Я неоднократно выступал на эту тему в палате общин. Я всегда сохранял тесный контакт с военно-морским министерством, и, хотя в эти годы я был его самым ярким критиком, работники его доверяли мне многие свои секреты. В период моей четырехлетней деятельности

в исследовательском комитете по вопросам противовоздушной обороны я имел доступ ко всем новейшим изобретениям в области радара, который теперь непосредственно касался военно-морского флота. Поэтому, когда я приступил к своим обязанностям, я считал, что имею в своем распоряжении, несомненно, самое лучшее в мире оружие для морской войны, и был уверен, что у меня будет достаточно времени, чтобы восполнить упущения мирного времени и справиться со всеми в равной мере неизбежными неприятными неожиданностями войны.

* * *

Положение на море резко отличалось от того опасного положения, которое было в 1914 году. Мы тогда вступили в войну, имея соотношение 16: 10 по крупным боевым кораблям и 2: 1 по крейсерам. Тогда мы мобилизовали восемь эскадр, каждая из которых насчитывала восемь линкоров, эскадру крейсеров и флотилию мелких судов, а также имелось большое количество отдельных крейсеров. Я ожидал тогда решающего сражения с более слабым, но все же грозным флотом противника. Теперь же немецкий флот только начал восстанавливаться и не имел достаточного количества кораблей, чтобы построить боевой порядок. Строительство двух больших линкоров, «Бисмарка» и «Тирпица», тоннаж которых значительно превосходил ограничения, установленные договором, могло быть закончено не ранее чем через год. Строительство легких линейных крейсеров «Шарнхорст» и «Гнейзенау», тоннаж которых немцы обманным путем увеличили с 10 тысяч до 26 тысяч тонн, закончилось в 1938 году. Кроме того, у немцев были три карманных линкора 10 тысяч тонн водоизмещением каждый – «Адмирал граф Шпее», «Адмирал Шеер» и «Дойчланд», а также два быстроходных крейсера водоизмещением по 10 тысяч тонн, вооруженных восьмидюймовыми орудиями, шесть легких крейсеров, 60 эсминцев и другие более мелкие суда. Таким образом, надводный флот немцев не мог угрожать нашему господству на море. Не подлежало никакому сомнению, что английский военно-морской флот превосходил немецкий как по силе, так и по численности. Не было также основания предполагать, что общая боевая подготовка нашего флота была плохой. Если не считать недостатка в крейсерах и эсминцах, английский флот, как всегда, находился на высоком уровне. Перед ним стояли огромные и многочисленные задачи.

* * *

Английский торговый флот в начале войны был примерно таким же, что и в 1914 году. Его тоннаж превышал 21 миллион тонн. Средний размер судна увеличился, и поэтому численность судов уменьшилась. Однако не весь этот тоннаж можно было использовать для торговли. Военно-морскому флоту требовались самые различные вспомогательные суда, которые можно было брать главным образом из числа первоклассных лайнеров. Все виды вооруженных сил нуждались в судах для специальных целей: армия и военно-воздушные силы – для перевозки солдат и техники за моря, а военный флот – для различных работ на морских базах и в других местах, и в частности для доставки горючего в стратегические пункты, разбросанные по всему миру.

Тоннаж, потребовавшийся для всех этих целей, составил около 3 миллионов тонн, и к этому следует добавить нужды судоходства других стран Британской империи. В конце 1939 года после окончательного подсчета приобретений и потерь оказалось, что общий тоннаж, оставшийся для коммерческих целей, составил около 15,5 миллиона тонн.

* * *

Когда я пришел в адмиралтейство, у меня уже было определенное представление о стратегическом положении на море. Противнику жизненно важно было сохранить господство на Балтийском море. Поставки из Скандинавии, шведская руда и прежде всего оборона против возможных русских десантов на протяженном и незащищенном северном побережье Германии, от которого Берлин в одном месте находится всего лишь в 100 милях, диктовали германскому военно-морскому флоту необходимость сохранить господство на Балтийском море. Поэтому я был уверен, что на этом первом этапе Германия не поступится своим господством на Балтике. Следовательно, хотя немцы могут послать подводные лодки, крейсера или, возможно, даже один карманный линкор для нарушения наших коммуникаций, они не рискнут ни одним кораблем, который им необходим для сохранения господства на Балтийском море. Германский флот, восстанавливавшийся в это время, при сложившихся обстоятельствах должен был считать это своей первоочередной и почти единственной задачей. Для поддержания превосходства на море и для осуществления нашего основного наступательного мероприятия – блокады мы должны были, конечно, сохранить превосходящие силы флота в наших северных водах. Однако нам казалось, что не будет никакой необходимости держать слишком крупные военно-морские силы для наблюдения за вылазками из Балтийского моря или из Гельголандской бухты.

Безопасность Англии значительно повысилась бы, если бы при помощи воздушных налетов нам удавалось хотя бы временно выводить из строя Кильский канал – эту боковую дверь из Балтийского моря.

* * *

Еще не будучи в военно-морском министерстве, я вполне согласился с его мнением о том, какую большую угрозу представляют собой подводные лодки. Хотя высокие технические качества прибора «Асдик» были проверены во многих сражениях с подводными лодками в начале войны, наши средства борьбы против подводных лодок были далеко не достаточны, чтобы предотвратить наши серьезные потери. Высказанное мною в то время мнение, что «вполне возможна успешная борьба с подводными лодками во внешних морях, и особенно в Средиземном море, и что потери неизбежны, но они не смогут повлиять на ход событий», не было ошибочным. Ничего особого не произошло в первый год войны с немецкими подводными лодками. Битва за Атлантику была отложена на 1941 и 1942 годы.

В соответствии с преобладающим мнением в военно-морском министерстве до войны я недооценил угрозу или последствия нападения на английские военные корабли с воздуха. «Мне кажется, – писал я за несколько месяцев до войны, – можно предполагать (потому что об этом очень трудно судить точно), что нападение авиации на английские военные корабли при их нынешнем вооружении и обороне не помешает осуществлению их полного господства на море». Однако препятствия, хотя и преувеличенные, к передвижению нашего флота скоро стали серьезными. Авиация почти сразу же оказалась ужасной угрозой, особенно на Средиземном море. Мальта, имевшая лишь незначительную противовоздушную оборону, представляла собой проблему, которую невозможно было сразу разрешить. С другой стороны, в первый год войны ни один крупный английский корабль не был потоплен авиацией.

Первоначальный состав военного кабинета, намеченный Чемберленом, был почти сразу же увеличен под давлением обстоятельств. Теперь он уже включал министра иностранных дел лорда Галифакса, лорда – хранителя печати сэра Сэмюэля Хора, министра финансов сэра Джона Саймона, министра координации обороны лорда Чэтфилда, министра без портфеля

лорда Хэнки, военного министра Хор-Белиша, министра авиации сэра Кингсли Вуда. В военный кабинет теперь вошли три военных министра, одним из которых был я. Кроме того, необходимо было, чтобы министр по делам доминионов Иден и министр внутренних дел и национальной безопасности сэр Джон Андерсон всегда присутствовали на заседаниях, хотя они фактически и не были членами военного кабинета. Таким образом, состав военного кабинета возрос до одиннадцати человек. Решение включить трех военных министров серьезно затронуло положение лорда Чэтфилда как министра координации обороны. Но он принял это решение со свойственным ему добродушием.

Кроме меня, все остальные министры руководили последние годы нашими делами или имели отношение к тому положению, с которым мы сейчас столкнулись как в дипломатической, так и в военной областях. Иден вышел в отставку с поста министра иностранных дел в феврале 1938 года. Я не занимал государственных должностей в течение одиннадцати лет, поэтому не нес никакой ответственности за прошлые события или за недостаточную подготовку, которая выявилась теперь. Наоборот, в последние шесть или семь лет я постоянно предсказывал те беды, перед лицом которых мы теперь оказались. Итак, вооруженный могущественной машиной военно-морского министерства, на долю которого пала сейчас вся тяжесть активной борьбы с противником, я не испытывал никаких неудобств; но если бы я их и испытывал, они были бы устранены любезностью и лояльностью премьер-министра и его коллег. Всех этих людей я знал очень хорошо. Большинство из нас сотрудничало на протяжении пяти лет в кабинете Болдуина, и мы, конечно, поддерживали постоянный контакт, дружественный или полемический, в течение всего периода изменений, происходивших в парламентской жизни. Однако сэр Джон Саймон и я представляли старшее политическое поколение. Поэтому я считал, что мне придется напрячь все силы, чтобы не отстать от поколения, находившегося теперь у власти, и идти в ногу с новыми молодыми гигантами, которые могли появиться в любое время. В данном случае я полагался не только на свои знания, но и на рвение и умственную энергию.

С этой целью я вернулся к тому режиму, которого придерживался в бытность мою в адмиралтействе в 1914–1915 годы и который, как я убедился, значительно повышал мою работоспособность. Ежедневно вскоре после полудня я ложился по крайней мере на час отдыхать и полностью использовал мою счастливую способность сразу же засыпать крепким сном. Таким образом, мне удавалось втиснуть полтора рабочих дня в один день. В намерения природы не входило заставить человечество работать с восьми утра до полуночи без освежающего забвения, которое, если оно даже и продолжается всего каких-нибудь двадцать минут, позволяет восстановить все жизненные силы. Я с сожалением ложился в постель, как ребенок, каждый раз после полудня, но зато бывал вознагражден тем, что мог потом работать ночью до двух часов или даже позже – иногда значительно позже – и начать новый день в 8–9 часов утра. Этот порядок, который я соблюдал на протяжении всей войны, я рекомендовал и другим в тех случаях, когда им приходилось в течение длительного времени выжимать последнюю каплю сил из своего организма.

Глава 2

Задача военно-морского министерства

Весь мир был поражен, когда за сокрушительным натиском Гитлера на Польшу и объявлением Англией и Францией войны Германии последовала длительная гнетущая пауза. Чемберлен в частном письме, опубликованном его биографом, назвал этот этап «сумерками войны»⁴⁴. Я нашел это выражение настолько удачным, что взял его в качестве заглавия этой

⁴⁴ Feiling. Op. cit. P. 424.

книги. Французские армии не начали наступления на Германию. Завершив свою мобилизацию, они оставались в бездействии по всему фронту. Против Англии не предпринималось никаких воздушных операций, помимо разведки; немецкая авиация не предпринимала никаких воздушных нападений на Францию. Французское правительство просило нас воздерживаться от воздушных нападений на Германию, заявив, что это вызвало бы репрессии против незащищенных французских военных предприятий. Мы ограничивались тем, что разбрасывали листовки, взывающие к нравственности немцев. Этот странный этап войны на земле и в воздухе поражал всех. Франция и Англия бездействовали в течение тех нескольких недель, когда немецкая военная машина всей своей мощью уничтожала и покоряла Польшу. У Гитлера не было оснований жаловаться на это.

В противоположность этому война на море с первого же часа началась с полной интенсивностью и поэтому морское министерство стало активным центром событий. 3 сентября все наши суда плавали по всему миру, занимаясь своим обычным делом. Вдруг они натолкнулись на заранее тщательно расставленные немецкие подводные лодки, особенно на западных подступах. В тот же день в 9 часов вечера вышедший из Англии пассажирский пароход «Атения» водоизмещением 13 500 тонн был торпедирован и затонул; погибло 112 человек, включая 28 американских граждан. Через несколько часов весь мир узнал об этой возмутительной жестокости. Во избежание всяких недоразумений в Соединенных Штатах германское правительство немедленно выступило с заявлением о том, что лично я приказал спрятать бомбу на пароходе для того, чтобы его гибель поставила под угрозу отношения между Германией и Америкой. В некоторых недружественных кругах этому отчасти поверили. 5 и 6 сентября у берегов Испании были потоплены «Босния», «Ройал Сентр» и «Рио Кларо»; спаслась только команда «Рио Кларо». Все это были ценные суда.

Первая же служебная записка, написанная мною в адмиралтействе, была связана с вопросом о вероятных масштабах угрозы подводных лодок в ближайшем будущем:

Начальнику разведывательного управления военно-морского министерства

4 сентября 1939 года

Представьте мне доклад о том, какими силами располагает немецкий подводный флот в настоящий момент и какими он будет располагать в ближайшие несколько месяцев. Сообщите отдельно данные об океанских и малых подводных лодках. Укажите предполагаемый радиус действия в днях и милях для тех и других.

Мне тотчас же сообщили, что у противника имеется 60 подводных лодок, а к началу 1940 года их будет 100. Подобный ответ был представлен 5 сентября и заслуживает внимательного изучения. Число судов большого радиуса действия было внушительным и свидетельствовало о намерении противника возможно скорее перейти к операциям далеко в открытом море.

Морское министерство разработало подробные планы увеличения количества наших судов для борьбы с подводными лодками. В частности, оно приняло меры к установке на 86 самых крупных и быстроходных траулерах приборов «Асдик». Переоборудование многих траулеров уже шло полным ходом. Кроме того, у морского министерства была детальная программа строительства крупных и малых эсминцев, а также крейсеров и многих вспомогательных судов. С объявлением войны эта программа автоматически стала осуществляться. Предыдущая война показала огромные достоинства системы конвоев. В течение нескольких дней морское министерство установило контроль за движением всех торговых судов, и капитаны должны были подчиняться указаниям о маршрутах и о присоединении к конвоям. Однако нехватка конвойных судов заставила морское министерство вести политику обходных маршрутов на океанах впрямь до того, как противник перейдет к неограниченной подводной войне. Система конвоев

была введена и первую очередь у восточного побережья Англии. Однако потопление «Атении» нарушило эти планы, и мы немедленно ввели систему конвоя в Северной Атлантике.

Система конвоев была полностью подготовлена, и судовладельцы уже регулярно привлекались к консультациям по вопросам обороны, которые их непосредственно касались. Более того, были изданы инструкции, которыми капитаны должны были руководствоваться при осуществлении многих непривычных для них задач, с которыми они неизбежно могли столкнуться во время войны.

Были установлены специальные сигнальные и другие приборы для того, чтобы капитаны могли занять свое место в конвое. Моряки торгового флота с решимостью глядели в лицо неизвестному будущему. Не довольствуясь пассивной ролью, они требовали оружия. Международное право всегда оправдывало применение торговыми судами оружия в целях самообороны, и оборонительное вооружение всех торговых судов дальнего плавания наряду с обучением их команд представляло собой неотъемлемую часть планов военно-морского министерства, к осуществлению которых оно немедленно приступило. Заставить подводную лодку атаковать в погруженном состоянии, а не при помощи пушек в надводном положении – значило не только дать нашему судну большую возможность скрыться, но и вынудить атакующего более расточительно, а часто и бесполезно расходовать драгоценные торпеды. Предусмотрительность позволила сохранить орудия, оставшиеся от первой войны, для использования их в борьбе против подводных лодок. Однако мы испытывали серьезную нехватку зенитных орудий. Потребовалось много месяцев, чтобы обеспечить торговым судам надлежащую самозащиту от налетов авиации, и суда тем временем несли тяжелые потери. Мы в первые же дни наметили вооружить в течение ближайших трех месяцев тысячу судов, установив на каждом хотя бы по одному противолодочному орудью. Этот план был фактически осуществлен.

Кроме защиты нашего судоходства нам нужно было очистить моря от немецких торговых судов и прекратить всякий ввоз в Германию. Блокада проводилась со всей суровостью. Для руководства этой политикой было создано министерство экономической войны, в то время как контроль за ее осуществлением был поручен военно-морскому министерству. Сейчас, как и в 1914 году, открытые моря были почти тотчас очищены от вражеского судоходства. Немецкие суда либо укрылись в нейтральных портах, либо, будучи перехваченными, потоплены командами.

Тем не менее до конца 1939 года союзники захватили и использовали 15 судов общим водоизмещением 75 тысяч тонн.

Система конвоирования судов, отправляющихся за границу, была введена почти немедленно. 8 сентября начали действовать три главных маршрута, а именно: из Ливерпуля и из Темзы в западную часть океана и прибрежное конвоирование в районе между Темзой и Фортотом. Штат работников для руководства конвоями в этих и многих других портах в самой Англии и за границей был включен в военный план, и люди уже были отправлены по месту назначения. Тем временем всем судам, находившимся в Ла-Манше и Ирландском море и не имевшим конвоя, было предложено вернуться в Плимут и в Милфорд-Хейвен. Плавание без конвоя запрещалось. В заморских владениях были предприняты меры для конвоирования судов, направляющихся на родину. Первый такой караван вышел из Фритауна 14 сентября и из Галифакса и Новой Шотландии 16 сентября. К концу месяца система конвоирования судов, отправлявшихся из Темзы и Ливерпуля и возвращавшихся из Галифакса, Гибралтара и Фритауна, действовала уже полностью.

* * *

После введения системы конвоев следующая военная задача заключалась в том, чтобы обеспечить безопасную базу для флота. 5 сентября в 10 часов вечера у меня состоялось дли-

тельное совещание по этому вопросу. Оно заставило вспомнить многое. В условиях войны с Германией Скапа-Флоу – лучшая стратегическая точка, базируясь на которую английский военно-морской флот может как контролировать выходы из Северного моря, так и осуществлять блокаду. Во время предыдущей войны лишь за два года до ее окончания было решено, что Большой флот обладает достаточным превосходством, чтобы его можно было перебросить в расположенный южнее Росайт, преимущество которого заключалось в том, что там был замечательный док. Однако в настоящий момент, учитывая большую отдаленность от немецких воздушных баз, база в Скапа-Флоу обладала явными преимуществами, и поэтому адмиралтейство в своих военных планах остановилось именно на ней.

Осенью 1914 года Большой флот был охвачен беспокойством. Стали поговаривать о том, что «немецкие подводные лодки проникают в гавани». Теперь, в 1939 году, нужно было считаться с двумя опасностями: во-первых, со старой опасностью проникновения подводных лодок и, во-вторых, с новой опасностью с воздуха. На этом совещании я с удивлением убедился, как мало принято мер для защиты от современных средств нападения и в одном и другом отношении. Противолодочные боковые заграждения новой конструкции были установлены во всех трех главных входах, но они состояли лишь из одной линии сетей. Источником беспокойства по-прежнему оставались узкие и извилистые подступы к восточной стороне Скапа-Флоу, которые были защищены лишь брандерами, оставшимися с прошлой войны и теперь дополненными двумя или тремя новыми. Учитывая увеличившийся размер, скорость и мощь современных подводных лодок, в ответственных кругах не считали более убедительными старые доводы о том, что сильное течение делает эти входы непреодолимыми для подводной лодки. В результате этого совещания, состоявшегося на второй день после моего прихода в военноморское министерство, был издан ряд приказов об установке дополнительных сетей и определение мест затопляемых брандеров.

Новая опасность с воздуха почти целиком игнорировалась. Не считая двух зенитных батарей, установленных для защиты нефтяных цистерн флота и стоянки миноносцев, Скапа-Флоу не имела никакой противовоздушной обороны. Один аэродром, расположенный в Керкуолле, мог быть использован самолетами морской авиации, когда флот находился на базе, но не было принято никаких мер для немедленного привлечения королевских военно-воздушных сил к участию в обороне, а береговая радарная станция, несмотря на то, что она действовала, была не вполне эффективной. Были утверждены планы базирования двух эскадрилий истребителей в Уике, но это можно было практически осуществить лишь в 1940 году. Я потребовал разработки немедленного плана действия. К нашей противовоздушной обороне предъявлялись настолько большие требования, наши ресурсы были настолько ограничены и наши уязвимые пункты, включая весь огромный Лондон, настолько многочисленны, что было бы бессмысленно просить многого. С другой стороны, нам нужно было оборонять от воздушного нападения лишь пять или шесть крупных судов, каждое из которых имело свое собственное мощное зенитное вооружение. Для того чтобы как-нибудь сдвинуть дело с мертвой точки, адмиралтейство решило предоставить две эскадрильи морских истребителей на то время, когда флот будет находиться в Скапа-Флоу.

Казалось, самое главное заключалось в том, чтобы как можно скорее обеспечить суда орудиями, а пока что флоту оставалось снова, как в осенние дни 1914 года, начать «игру в прятки». На западном побережье Шотландии имеется много закрытых стоянок, которые можно легко защитить от подводных лодок при помощи сигнальных сетей и непрерывного патрулирования. Во время прошлой войны мы убедились, что маскировка представляет собой хорошую гарантию безопасности, но даже в те дни любопытство разведывательного самолета, к тому же, возможно, управляемого горючим руками предателя, наполняло наши сердца страхом. Теперь, когда самолеты имели достаточный радиус действия, чтобы в любой момент заснять с воздуха все Британские острова, у нас не было никакой возможности надежно укрыться от

нападений крупного масштаба как со стороны подводных лодок, так и авиации. Но так как нам приходилось заботиться об очень немногих судах, которые можно было часто передвигать с одного места на другое, и поскольку у нас не было никакого другого выхода, мы пошли на этот риск.

* * *

В первые две или три недели войны до окончания комплектования наших вспомогательных флотилий для борьбы с подводными лодками для того, чтобы восполнить пробелы, мы решили довольно широко использовать авианосцы для эскортирования невооруженных, неорганизованных и неконвоируемых судов, большое количество которых приближалось в это время к нашим берегам. Это был риск, но риск оправданный. Для этой цели был использован также авианосец «Корейджес», сопровождаемый четырьмя эсминцами.

17 сентября вечером двум эсминцам пришлось выйти на охоту за подводной лодкой, атаковавшей торговое судно. На закате, когда «Корейджес» стал под ветер для того, чтобы его самолеты могли сесть на палубу, он встретился с подводной лодкой, хотя при его неопределенном курсе был лишь один шанс из ста, что такая встреча произойдет. Из 1260 человек его экипажа утонуло 500, включая его командира капитана 1-го ранга Мейкиг Джонса, который отказался покинуть корабль. За три дня до того еще один из наших авианосцев, которому впоследствии суждено было прославиться, «Арк Ройал», выполняя аналогичное задание, также подвергся нападению подводной лодки. К счастью, торпеды прошли мимо, а атаковавшую его подводную лодку немедленно потопили эсминцы сопровождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.